

К. Г. ЦЕРЕТЕЛИ

СОВРЕМЕННЫЙ
АССИРИЙСКИЙ
ЯЗЫК

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
Институт народов Азии

ЯЗЫКИ
НАРОДОВ
АЗИИ
И
АФРИКИ

*Под общей редакцией
проф. Г. П. Сердюченко*

К. Г. ЦЕРЕТЕЛИ

СОВРЕМЕННЫЙ
АССИРИЙСКИЙ
ЯЗЫК

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НАУКА“
Москва
1 9 6 4

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемая читателю работа К. Г. Церетели «Современный ассирийский язык» входит в серию очерков по языкам народов Азии и Африки, публикуемую Институтом народов Азии Академии наук СССР.

Отдельные очерки посвящены характеристике языковых групп, как, например, «Языки Индии, Пакистана, Цейлона и Непала», «Иранские языки», «Языки Юго-Восточной Азии», «Монгольские языки и диалекты Китая», «Языки Африки», «Арабские диалекты Магриба» и др.

В большей части очерков описываются конкретные живые языки народов Азии и Африки: арабский, амхарский, турецкий, уйгурский, монгольский, персидский, пушту (афганский), фарси-кабули, белуджский, курдский, хинди, урду, маратхи, ассамский, телугу, тамильский, малайялам, китайский, чжуанский, тибетский, тайский (сиамский), бирманский, вьетнамский, кхмерский, индонезийский, тагальский (на Филиппинах), японский, зулу, суахили, луганда, хауса и ряд других, а также языки прошлого, сыгравшие большую культурно-историческую роль в жизни народов Азии и Африки: египетский, финикийский, аккадский, санскрит, пали, авестийский, древнеперсидский, среднеперсидский, древнеуйгурский, хеттский, древнеяванский (кави) и др.

Конечно, в построении каждого очерка имеются свои особенности и отступления от общей схемы, объясняемые спецификой описываемого языка и степенью его изученности. Очерки, в которых дается описание языковых групп, композиционно и по объему материала несколько отличаются от очерков, посвященных конкретным языкам.

Очерки предназначены для широкого круга языковедов и историков — научных работников и аспирантов, преподавателей и студентов восточных, филологических и исторических факультетов высших учебных заведений.

Учитывая возможное переиздание и тематическое расширение очерков, редакция обращается к читателям с просьбой присылать свои замечания и пожелания по адресу: Москва, Армянский пер., 2, Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», редакция серии «Языки народов Азии и Африки».

ВВЕДЕНИЕ

Арамейский язык, один из древнейших семитских языков, некогда широко распространенный на территории от Нила до Кавказа, имеет много диалектов, которые дошли до нас в письменных памятниках ранних эпох (начиная с I тысячелетия до н. э.). В настоящее время арамейский язык существует в устах его немногочисленных носителей, расселенных небольшими группами по всему Ближнему Востоку — от Антиливанских гор (Сирия) до северных берегов оз. Резайе (Урмия) (Иранский Азербайджан).

Современные арамейские диалекты, подобно древним, делятся на две основные ветви: западноарамейскую и восточноарамейскую. Западная ветвь представлена наречием Ма'лулы (речь арамейцев, живущих в Антиливанских горах в селениях: Ма'лула, Бахх'а и Джуб-'Адин, примерно в 60 км севернее Дамаска). Этот диалект, как типично западноарамейский, характеризуется: произношением долгого \bar{a} как \bar{o} , окончанием множественного числа имен мужского рода $-d\bar{a}$ (< $-a\bar{i}\bar{a}$), спряжением глаголов по видам с префиксом \dot{i} - в 3-м лице несовершенного вида, наличием усиительного наклонения (*modus energicus*) в суффиксальных формах глагола и др. Носители диалекта Ма'лулы живут в арабоязычной среде, вследствие чего этот диалект претерпевает сильное влияние арабского языка как в области фонетики, так и в области грамматики и лексики. Указанное наречие во многом сходно с арамейскими диалектами палестинских христиан и иудеев, что особенно заметно в лексике¹.

Остальные живые арамейские диалекты составляют восточную ветвь и образуют так называемый ассирийский язык (Н. В. Юшманов, К. И. Марогулов, А. Орахам и др.)².

¹ См.: А. Spitaler, *Grammatik des neuaramäischen Dialekts von Ma'-lūla (Antilibanon)*, Leipzig, 1938.

² Н. В. Юшманов, *Ассирийский язык и его письмо*, — «Письменность и Революция», I, М —Л., 1933; Q. I. Marogulov, *Grammatiqij qə mādṛəsi dgurь*, М., 1935; А. J. Oraham, *Dictionary of the stabilized and enriched Assyrian language and English*, Chicago, 1943.

Для этих диалектов, как для всех восточноарамейских, характерно: сохранение долгого *ā*, сильная тенденция к переходу фарингального *ħ* в велярный *ħ*, а в отличие от древних диалектов — утрата личных форм глагола и спряжение по грамматическим временам, в основу которых легли отглагольные имена (этим в основном и противопоставляется современный ассирийский язык в целом диалекту Ма'лулы). Живые восточноарамейские диалекты (современный ассирийский язык) из древних диалектов ближе всего стоят к арамейскому языку Вавилонского талмуда, к мандейскому, а также сирийскому (классическому) языку.

Современный ассирийский язык в литературе известен и под другими названиями, а именно: новоарамейский, современный арамейский, новосирийский, современный сирийский, народносирийский, айсорский³.

Расхождения встречаются и в названиях носителей современных восточноарамейских диалектов. Они известны как сирийцы, редко арамейцы (исключительно в научной литературе), а также как ассирийцы. Последнее является обычным названием, употребляемым в Советском Союзе; оно нередко встречается и в зарубежной литературе (франц. *assyriens*, англ. *assyrians*)⁴. В этом отношении особое внимание привлекает самоназвание самих носителей данного языка. В СССР, где проживают представители почти всех восточноарамейских диалектов, они называют себя по-русски «ассирийцами», а свой язык «ассирийским». Так же называют их и грузинские документы XVIII в. (письма ассирийского епископа Исаии грузинскому царю Иракли II)⁵. Самоназвания ассирийцев на ассирийском языке различаются по диалектам: представители одних диалектов называют себя *sūrāi* ('сирийцы'), но самоназвание горцев пишут с гласным *a* в начале слова — *'assurāi*, указывая на *aṭurāi* как на более старое и правильное. Представители других диалектов, например тур-'абдинские ассирийцы, называют себя *assorzi*, опять-таки с начальным *a*⁶.

³ Последнее название, а также термин «айсоры» для обозначения носителей этого языка считаются оскорбительными.

⁴ См., например: W. A. Wigram, *The Assyrians and their neighbours*, London, 1929; H. Fleisch, *Introduction à l'étude des langues sémitiques*, Paris, 1947, p. 84 и др.; Mar Eshai Shimun, *Assyrians in the Middle East*. — «Journal of the Royal Central Asian Society», vol. 40, London, 1953, pp. 151—160.

⁵ См. «Грамоты и другие исторические документы, относящиеся до Грузии», т. II, вып. 1, под ред. проф. А. Цагарели, СПб., 1898, стр. 59—61.

⁶ На самом же деле слово *aṭur* представляет собой арамейскую передачу имени *ašur*, а *sūrāi* и *assurāi* (а также — *assorzi*) идет от греческого Σόριοι и 'Ασσύριοι.

Ассирийцы проживают главным образом в Иране, Ираке, Турции и Сирии. В Иране они живут преимущественно в прибрежных районах оз. Резайе: на северо-западной, западной и юго-западной сторонах озера. Встречаются они и во многих больших городах Ирана (Табриз, Тегеран, Хамадан и др.). В пределах Турции ассирийцы проживают в Курдистанских горах и в Ванском вилайете, где они говорят на многих диалектах ассирийского языка. В Ираке они поселились с давних времен в районе Мосула, а также севернее Багдада, недалеко от г. Бакуба (выходцы из Иранского Азербайджана и Курдистана). В Сирию ассирийцы переселились в 30-х годах текущего столетия из Ирака, куда они пришли из урмийского района Ирана, и создали около 30 сел на берегах р. Большой Хабур, между Хасеке и Рас Эль-Айном.

Большое количество ассирийцев, эмигрировавших из названных выше районов Ближнего Востока, живет в США (в основном в Калифорнии, а также в Чикаго, Филадельфии, Нью-Йорке, Нью-Бритене и других крупных городах Соединенных Штатов). В Советском Союзе большая часть ассирийцев-эмигрантов проживает в Грузинской ССР (в Мцхетском и Гардабанском районах, в городах Тбилиси, Кутаиси, Самтредиа, Зестафони) и Армянской ССР (в Ереванском и Ленинаканском районах), а также в Кировабадском районе Азербайджанской ССР и на Северном Кавказе (в Армавире и его окрестностях). Ассирийцев можно встретить во многих больших городах Советского Союза (в Москве, Ленинграде, Харькове, Свердловске и др.).

Общее количество ассирийцев — около 300 тыс. человек. Из них в СССР проживает 21 800 человек (по переписи 1959 г.).

По религиозным убеждениям большинство ассирийцев — христиане, принадлежащие к разным толкам. Часть ассирийцев — несториане (последователи религиозной секты, основанной константинопольским патриархом Нестором в V в.). Это в большинстве своем урмийцы и курдистанские ассирийцы. Часть ассирийцев (в основном тур-абдинцы) — якобиты-монофизиты (религиозное течение сирийских монофизитов, основанное в VI в.). Позднее (в XVI в.) часть ассирийцев приняла унию с Римом (так называемые «униаты»), духовный глава их называется «халдейским патриархом»⁷. Небольшое количество ассирийцев (из урмийцев) в конце XIX в. приняло православие.

⁷ Халдеями часто называют ассирийцев-христиан вообще, в особенности же униатов.

В современном ассирийском языке много диалектов. Ниже перечислены основные из них.

Тур-'абдинский диалект распространен в западной части Курдистана в пределах высокогорного плато, известного под названием Тур-'Абдин 'гора рабов [бога]'. Он же — тори, или торани. Для этого диалекта в отличие от восточных ассирийских наречий характерны: сохранение фарингальных согласных ' и *h*, переход губно-губного *p* в спондант *f*, а гласного *ā* в *ō*, употребление определенного артикля (новообразование). Специфичным для тур-'абдинского диалекта является также образование грамматических времен на основе причастий⁸.

Урмийский диалект распространен на западном берегу урмийского озера — в г. Резайе (бывший Урмия) и близлежащих селах. Севернее говорят на саламасском наречии, а еврейское население того же района — на особом диалекте ассирийских евреев (саламасское наречие ассирийских евреев). В Западном Курдистане (в Турции), восточнее Тур-'Абдина, между реками Тигром и Бохтан-су распространен диалект ботани. В Центральном Курдистане говорят на наречии тиари, а в восточной части турецкого Курдистана — на наречии джилу. В Ванском вилайете представлен так называемый ванский диалект ассирийского языка, близкий к саламасскому, а в Ираке, недалеко от Мосула, — мосульский диалект (он же алкошский или фелихи). В Ираке же севернее Мосула и в г. Захо (на р. Малый Хабур) проживают ассирийские евреи, говорящие на диалекте, известном под названием захо. Кроме названных диалектов известны: сипурганский, солдузский, тер-гаварский (Иран), тхуми, тал, даз, валту, кудчанис, гаварский, марбишу, шамс-дин (Турция) и др.⁹.

Названные восточноассирийские диалекты характеризуются: сильной тенденцией к упрощению геминатов и утрате зевных (фарингальных) и гортанных согласных, а также к потере спондантизации смыхных, спряжением глаголов по грамматическим временам на основе всех отглагольных имен, в том числе и инфинитива.

Современный ассирийский литературный язык начал формироваться с 40-х годов XIX в. В основу этого языка легло урмийское наречие, за литературную обработку которого принялись приехавшие в Урмию миссионеры. Они основы-

⁸ В. А. Siegel, *Laut- und Formenlehre des neuaramäischen Dialekts des Tūr-'Abdīn*, Hannover, 1923.

⁹ См. А. J. Maclean, *Grammar of the dialects of vernacular Syriac as spoken by the Eastern Syrians of Kurdistan, North-West Persia and the plain of Mosul*, Cambridge, 1895, p. XIII—XIV.

вали школы и типографии, печатали церковную литературу, учебники и учебные пособия и обучали урмийскому диалекту всех ассирийцев, желавших получить образование на родном языке (это были в основном представители восточноассирийских наречий). Было применено сирийское письмо, которым пользовалось местное население — ассирийцы-несториане — и которое раньше употреблялось лишь в качестве церковного письма. Таким образом, сирийское письмо (несторианское) из церковного превратилось в обычное письмо ассирийцев. Это письмо используется при издании газет, журналов, учебной и художественной литературы¹⁰.

Свое существование ассирийский литературный язык начал с переводов сирийской церковной литературы, что открыло путь заимствованию многих сирийских слов, форм и отдельных выражений литературным ассирийским языком. Влияние сирийского языка сказывается в этимологической орфографии, которая часто расходится с живым произношением.

Сравнительная молодость современного литературного языка, с одной стороны, и практика использования сирийского письма, с другой стороны, приводят к колебаниям между этимологическими и фонетическими написаниями слов. Это говорит о том, что современный письменный язык все еще далек от положения истинного литературного языка с его строго определенными нормами и традициями.

Изучение современного ассирийского языка и его диалектов началось в первой половине XIX в. и развивалось по двум направлениям — практическому и научному.

Особая заслуга в деле практического изучения ассирийских диалектов принадлежит миссионерам: американцам Дж. Перкинсу и Д. Т. Стоддарду, англичанину А. Маклейну, французу Ж. Реторе. Первая грамматика современного ассирийского языка, составленная Стоддардом, работавшим несколько лет миссионером в Урмии, вышла в 1855 г.¹¹. Книга содержит большой языковой материал и базируется на урмийском, саламасском и курдистанском диалектах.

¹⁰ Из периодики, издававшейся духовными миссиями в Урмии, можно назвать: «Zar'iri d'eḥāra» («Лучи света») — издание американской миссии, «Qāla d'eṣrāra» («Голос правды») — издание французской миссии лазаристов, «Urmī ortodoksēta» («Православная Урмия») — издание бывшей русской духовной миссии. Самими ассирийцами издавались газеты, такие как «Kuḥva» («Звезда»). В СССР (Тбилиси) до Великой Отечественной войны выходила газета «Kuḥva d'eMadinḥa» («Звезда Востока»), а в США издается «Izgadda» («Курьер»).

¹¹ D. T. Stoddard, *Grammar of the modern Syriac language, as spoken in Oroomiah, Persia and in Koordistan*, New Haven, 1855.

В 80-х годах прошлого столетия в Урмии духовной миссией кентерберийского архиепископа руководил А. Маклейн, который изучил восточноассирийские наречия и опубликовал грамматику и словарь¹². Грамматика Маклейна содержит богатый материал почти по всем восточноассирийским диалектам, в частности по урмийскому. Материал собран самим автором и представляет собой весьма надежную основу для изучения ассирийского языка, главным образом практически.

Особого внимания заслуживает словарь Маклейна, являющийся по сей день единственным сводным словарем по восточноассирийским диалектам. В словаре указаны транслитерация и происхождение заимствованных слов.

В Урмии работала и русская духовная миссия, которая в 1909 г. опубликовала «Русско-сирский лексикон» архимандрита Саргиса. Словарь был предназначен для православных ассирийцев, изучающих русский язык.

Основу научному изучению современных ассирийских диалектов положила известная работа Т. Нёльдеке¹³, составленная преимущественно на основе урмийских материалов, изданных разными авторами, а также грамматики Стоддарда. Несмотря на то что после опубликования указанной грамматики прошло почти целое столетие, она не только не устарела (хотя имеются отдельные неточности, особенно в области фонетики), но для изучающего современный ассирийский язык является необходимой настольной книгой. Кроме грамматики Нёльдеке опубликовал ряд работ (в основном рецензии), где он сделал весьма интересные замечания по отдельным вопросам ассирийской грамматики¹⁴.

В 1873 г. вышла первая ассирийская хрестоматия А. Меркса¹⁵. В ней даны урмийские тексты несторианским письмом с латинской транскрипцией и немецким переводом. Небезынтересны и замечания Меркса по поводу произношения ассирийских согласных.

Урмийскому диалекту посвящены статьи С. Осипова, опубликованные во французском журнале «Le Maître phonétique» за 1912 и 1913 гг. Особо хочется отметить статью «Syriac», где дана характеристика урмийских звуков. Осипов принимал участие и в составлении учебных пособий по ассирий-

¹² См. A. J. Maclean, *Grammar of the dialects of vernacular Syriac*. . . ; *A Dictionary of the dialects of vernacular Syriac*, Oxford, 1901.

¹³ Th. Nöldeke, *Grammatik der neusyrischen Sprache am Urmia-See und in Kurdistan*, Leipzig, 1868.

¹⁴ См. рецензии Nöldeke в ZDMG. 35 (1881), S. 218—235; 36 (1820), S. 669—682; 50 (1896). S. 302—310. 313 и след., а также GGA, 1873.

¹⁵ A. Merx, *Neusyrisches Lesebuch. Texte im Dialekte von Urmia*, Breslau und Tübingen, 1873.

скому языку для советских ассирийцев¹⁶. Краткий, но довольно интересный очерк об урмийском диалекте, с соответствующим текстом в латинской транскрипции и с немецким переводом составил Г. Бергштрессер¹⁷.

Упомянутая выше работа Н. В. Юшманова «Ассирийский язык и его письмо»¹⁸ — обзорного характера. Автор акцентирует внимание на значении изучения ассирийских диалектов и ставит ряд важных вопросов. Весьма интересны исследования Н. В. Юшманова «Загадочное *m* новосирийского диалекта»¹⁹ и «Сингармонизм урмийского диалекта»²⁰. В первой статье автор старается объяснить появление согласного *m* в повелительной форме так называемых слабых глаголов, во второй — дается характеристика важного фонетического явления — сингармонизма в урмийском диалекте.

По мосульскому диалекту весьма ценны труды И. Гвиди и Е. Захау. Очерк Гвиди²¹ содержит интересные высказывания о грамматической структуре мосульского диалекта в сравнении с диалектами Урмии и Тур-'Абдина. Здесь же даются тексты в транскрипции и с немецким переводом. Аналогична и работа Захау²². Тур-'абдинский диалект довольно подробно также охарактеризован в работе А. Зигеля²³.

Большое значение для изучения современного ассирийского языка имеет публикация диалектологических текстов. В этом отношении следует отметить урмийские тексты, изданные А. Социном²⁴ (сирийским письмом и в латинской транскрипции с немецким переводом), А. Калашевым²⁵ (в русской транскрипции и с русским переводом), Г. Кампфмейером²⁶ (сирийским письмом и в латинской транскрипции

¹⁶ См., например, «Xrestomatijə d saprajuta qə mædrəsə šuraja», Mosqva, 1933.

¹⁷ G. Bergsträsser, *Einführung in die semitischen Sprachen*, München, 1928.

¹⁸ «Письменность и Революция», I, М.—Л., 1933.

¹⁹ «Язык и Мышление», V, 1935.

²⁰ Сб. «Памяти акад. Н. Я. Марра», М.—Л., 1938.

²¹ I. Guidi, *Beiträge zur Kenntnis des neuaramäischen Fellīhī-Dialektes*, — ZDMG. Bd 37, 1883, S. 293—318.

²² E. Sachau, *Skizze des Fellichī-Dialekts von Mosul*, — «Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin von Jahre 1895».

²³ A. Siegel, *Laut- und Formenlehre des neuaramäischen Dialekts des Tūr-'Abdīn*.

²⁴ A. Socin, *Die neuaramäischen Dialekte von Urmia bis Mosul*, Tübingen, 1882.

²⁵ А. Калашев, *Айсорские тексты*, — СМОМПК, вып. XX, Тифлис, 1894, III отд., стр. 33—96.

²⁶ G. Kampfmeyer, *Neusyrische Sprichwörter im Dialekt von Urmia*, — MSOS, II Abt., 1905.

с немецким переводом), Д. Шахбазом²⁷ (сирийским письмом и в латинской транскрипции с немецким переводом), Г. Бергштрессером²⁸.

Саламасские тексты опубликовал Р. Дюваль²⁹ (в латинской транскрипции с французским переводом), тур'абдинские, тиарийские и джилуйские тексты — М. Лидзбарский³⁰ (рукописи, написанные сирийским письмом). Тур'абдинские тексты в латинской транскрипции издали также Е. Прим и А. Социн³¹. Изданы также образцы речи ассирийских евреев³².

В последнее время замечается некоторое оживление в изучении современного ассирийского языка. В 1943 г. А. Орахам (уроженец Урмии) издает ассирийско-английский словарь³³, который включает много слов, не встречающихся в упомянутом выше словаре Маклейна. В 1955 г. Дж. Сегал публикует пословицы на диалекте захо, собранные им в 1951—1952 гг. в Израиле. Пословицы даны в латинской фонетической транскрипции и снабжены комментариями и английским переводом³⁴. В 1957 г. в американском журнале «Journal of Near Eastern Studies» была опубликована поэма на урмийском диалекте. Напечатана она сирийским письмом, параллельно дана латинская транскрипция и перевод на английский язык³⁵. Поэма снабжена комментариями и довольно объемистым предисловием, в котором автор — ассириец по происхождению — дает сведения о распространении и изучении современных ассирийских (в данной работе — новоарамейских) диалектов и о говорящих на этих диалектах христиана-

²⁷ D. Schahbaz, *Erzählungen, Sprichwörter der heutigen Syrer in Nordpersien. Texte im Dialekte von Urmia*, — MSOS, III Abt., 1919.

²⁸ G. Bergsträsser, *Einführung in die semitischen Sprachen*.

²⁹ R. Duval, *Les dialectes néo-araméens de Salamas*, Paris, 1883.

³⁰ M. Lidzbarski, *Die neuaramäischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin*, Weimar, 1896, Bd I, II.

³¹ E. Prym und A. Socin, *Der neuaramäische Dialekt des Tūr-'Abdīn*. I Teil: *Die Texte*, II Teil: *Uebersetzung*, Göttingen. 1883.

³² A. Löwy, *On a unique specimen of the Lishana shel Imrani, the modern Syriac or Targum of the Jews in Kurdistan and adjacent countries*. — «Transactions of the Society of Biblical Archeology», 4, 1875; R. Gottheil, *The Judeo-Aramaean Dialect of Salamas*, — JAOS, XV, 1893; J. J. Rivlin, *Sippūr Dāvid v^o Golyat bil'ešōn Targūm*, Šiyyōn (5690), pp. 109—121; J. J. Rivlin, *Mošeh uBatyah bar Par'oh*, 'Edōt, I, pp. 44—45; J. J. Rivlin, *Pitgāmīn bil'ešōn Targūm*, R^ešumōt, I (1945), pp. 207—215; II (1946), pp. 209—214 (еврейским письмом).

³³ A. J. Oraham, *Dictionary of the Stabilized and Enriched Assyrian Language and English*.

³⁴ J. B. Segal, *Neo-Aramaic proverbs of the Jews of Zakho*, — JNES, vol. XIV [1955], pp. 171—186.

³⁵ L. Yaure, *A poem in the Neo-Aramaic dialect of Urmia*, — JNES, vol. XVI [1957], pp. 73—87.

нах-арамейцах, а также о «лингвистическом» происхождении урмийского диалекта.

Особо следует отметить работу известного семитолога И. Фридриха в области современного ассирийского языка³⁶. Краткий, но тонкий грамматический обзор современного литературного ассирийского языка, основанный на текстах, изданных латинским шрифтом в СССР, комментарии к текстам, представляют собой ценный вклад в дело научного изучения интересующего нас языка.

Одной из последних работ по ассирийскому языку является довольно большая статья Х. Полоцкого³⁷. В статье дан обзор изучения современного ассирийского языка, после чего следуют заслуживающие внимания замечания по отдельным вопросам (о так называемом «новом алфавите», кстати сказать, не имеющем успеха среди ассирийцев, о дифтонгах *ui* и *ii*, о притяжательных суффиксах, о системе грамматических времен и др.).

Определенная работа в области изучения ассирийского языка ведется и в Советском Союзе. Издана хрестоматия современного ассирийского языка, образцы речи урмийских и ванских ассирийцев, а также отдельные исследования по фонетике и морфологии ассирийских диалектов³⁸.

ГРАФИКА

В современном ассирийском языке, как это указывалось выше, применяется сирийское письмо в его двух разновидностях: несторианское, употребляемое носителями восточноассирийских диалектов, и якобитское (так называемое *серто*), употребляемое в Сирии. Кроме того для прописных букв ассирийцы иногда используют и третью разновидность сирийского письма — эстрангело.

Сирийское алфавитное письмо обозначает только согласные звуки, гласные обычно не пишутся (исключение составляют словари, учебники, библейские тексты), хотя для них существуют специальные знаки.

Несторианское письмо содержит 22 буквы, из которых некоторые обозначают только этимологические согласные,

³⁶ См. J. Friedrich. *Neusyrisches in Lateinschrift aus der Sowjetunion*, — ZDMG, 109, Hft. 1, 1959, S. 50—81; *Zwei russische Novellen in neusyrischer Übersetzung und Lateinschrift*, — «Abhandlungen für die Kunde des Morgenlandes», XXXIII, 4, Wiesbaden, 1960.

³⁷ H. J. Polotsky, *Studies in Modern Syriac*, — JSS, vol. 6, № 1, Manchester, 1961, pp. 1—32.

³⁸ См. «Библиографию».

ныне непронизносимые [ē («айн»), «älär», эмфатический «säde», который уже не отличается от обыкновенного «simkät»] (см. табл. 1).

Таблица 1

Сирийский алфавит

Эстрангело				Серто				Несторианское				Латинск. транскрипция	Название букв
1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4		
Ⲁ	Ⲁ			Ⲁ	Ⲁ			Ⲁ	Ⲁ			·	älär
Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	Ⲃ	b	bīt
Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	Ⲅ	g	gāmāl
Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	Ⲇ	d	dälät
Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	Ⲉ	h	hē
Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	Ⲋ	u(v)	uay
Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ	Ⲍ	z	zēn
Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	Ⲏ	h(h)	hēt
Ⲑ	Ⲑ	Ⲑ	Ⲑ	Ⲑ	Ⲑ	Ⲑ	Ⲑ	Ⲑ	Ⲑ	Ⲑ	Ⲑ	t	tēt
Ⲓ	Ⲓ	Ⲓ	Ⲓ	Ⲓ	Ⲓ	Ⲓ	Ⲓ	Ⲓ	Ⲓ	Ⲓ	Ⲓ	i	iūd
Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	Ⲕ	k	kāp
Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ	Ⲗ	l	lāmād
Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	Ⲙ	m	mīm
Ⲛ	Ⲛ	Ⲛ	Ⲛ	Ⲛ	Ⲛ	Ⲛ	Ⲛ	Ⲛ	Ⲛ	Ⲛ	Ⲛ	n	nūn
Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	Ⲝ	s	simkät
Ⲟ	Ⲟ	Ⲟ	Ⲟ	Ⲟ	Ⲟ	Ⲟ	Ⲟ	Ⲟ	Ⲟ	Ⲟ	Ⲟ	·	ē
Ⲡ	Ⲡ	Ⲡ	Ⲡ	Ⲡ	Ⲡ	Ⲡ	Ⲡ	Ⲡ	Ⲡ	Ⲡ	Ⲡ	p	pē
Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ	Ⲣ	š	šade
Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	Ⲥ	q	qōp
ⲧ	ⲧ	ⲧ	ⲧ	ⲧ	ⲧ	ⲧ	ⲧ	ⲧ	ⲧ	ⲧ	ⲧ	r	rēš
ⲩ	ⲩ	ⲩ	ⲩ	ⲩ	ⲩ	ⲩ	ⲩ	ⲩ	ⲩ	ⲩ	ⲩ	š	šin
ⲫ	ⲫ	ⲫ	ⲫ	ⲫ	ⲫ	ⲫ	ⲫ	ⲫ	ⲫ	ⲫ	ⲫ	t	tau

Три буквы — *k*, *m*, *n* — имеют двойное написание: а) в начале и в середине слова и б) в конце слова.

Пишут по-сирийски справа налево. Буквы связываются, причем в отличие от арабского письма связывание не влечет за собой никаких изменений в начертании буквы. Связывание осуществляется при помощи маленькой черточки, как в латинской графике. Но не все буквы могут быть соединены с обеих сторон. Часть из них связывается с соседними буквами только справа, а именно: «älär», «dälät», «uay»,

«zēn», «šāde», «gēš» и «taṣ». Так, например, **رأس** 'голова',
بنات 'девочки', но **شمس** 'солнце'.

Вместе с тем в ассирийском языке имеются и такие согласные, которые в сирийском письме графического соответствия не имеют, в силу чего введены диакритические знаки для восьми сирийских букв.

В качестве диакритических знаков применяются: точка, тильда и дуга. С их помощью получены следующие буквы:

ⲁ	v (h)	ⲉ̇	č
Ⲃ	ğ	ⲉ̇	ḥ (k)
Ⲃ̇	ğ (g)	ⲉ̇	f (p)
Ⲃ̃	ž	ⲉ̇	ž

Гласные в сирийском письме обозначаются по-разному. В несторианском письме гласные передаются посредством точек или маленьких черточек, в якобитском — прописными греческими буквами. Знаки пишутся над или под буквой, после которой читаются.

Знаки для передачи гласных:

1. Несторианское письмо:

ⲁ̇	a — «ptāḥa»; например,	ⲁ̇	ba;
ⲁ̃	ā — «sqāpa»; например,	ⲁ̃	bā;
ⲁ̄	i — «zlāma kirīa»; например,	ⲁ̄	bi;
ⲁ̅	ī — «zlāma iarīḥa»; например,	ⲁ̅	bī.

2. Якобитское письмо:

ⲁ̇	a < греч. Α — «ptōḥo»;
ⲁ̃	ō < греч. Ο — «zqōfo»;
ⲁ̄	e < греч. Ε — «rvōso»;
ⲁ̅	i < греч. Η — «ḥvōso»;
ⲁ̆	u < греч. ΟΥ — «'esōso».

Знаки, обозначающие гласные, в несторианском письме пишутся по строго установленному порядку: *ā* только над буквой, *i* — под буквой, краткий *a* обозначается одной точкой над буквой, другой под буквой. В якобитском же письме не имеет значения, где будет стоять знак: над или под буквой.

Некоторые гласные в несторианском письме передаются посредством определенных букв и знаков:

- ◌̇ *o*, ◌̄ — «rvāḥa»;
- ◌̈ *u*, ◌̄̄ — «rvāsa»;
- ◌̄̄̄ *ī* — «īud ḥvāsa».

Гласные *e*, а иногда и *o* (как долгие, так и краткие) могут передаваться на письме дифтонгами:

- ◌̇̄, ◌̈̄ *āu*, *au* = *ō*, *o*;
- ◌̈̄̄, ◌̄̄̄̄ *āī*, *ai* = *ē*, *e*.

Советские ассирийцы применяли также алфавит, созданный на латинской основе. Этим шрифтом в 30-е годы печатались ассирийские книги в основном в Москве. Вышедшая в Тбилиси до Великой Отечественной войны ассирийская газета «Kuḥva d'Madinḥa» («Звезда Востока») печаталась параллельно двумя шрифтами: сирийским и латинским. Латинское письмо не нашло широкого распространения среди ассирийского населения СССР и через некоторое время вышло из употребления, уступив место письму, применяемому не только советскими, но и зарубежными ассирийцами, — сирийскому.

Ниже приводится таблица ассирийского письма на латинской основе и параллельно латинская транскрипция:

Согласные:

<i>b</i> = <i>b</i>	<i>l</i> = <i>l</i>	<i>v</i> = <i>u</i> (<i>v</i>), <i>v</i> (<i>b</i>)
<i>c</i> = <i>č</i>	<i>m</i> = <i>m</i>	<i>ṭ</i> = <i>t</i>
<i>d</i> = <i>d</i>	<i>n</i> = <i>n</i>	<i>ṣ</i> = <i>š</i>
<i>f</i> = <i>f</i> (<i>p̄</i>)	<i>p</i> = <i>p</i>	<i>ṣ</i> = <i>ṣ̄</i>
<i>g</i> = <i>g</i>	<i>r</i> = <i>r</i>	<i>z</i> = <i>z̄</i>
<i>h</i> = <i>h</i>	<i>s</i> = <i>s</i>	<i>x</i> = <i>ḫ</i>
<i>j</i> = <i>j̄</i>	<i>t</i> = <i>t</i>	
<i>k</i> = <i>k</i>	<i>q</i> = <i>q</i>	

Гласные: переднего ряда: *ə*, *e*, *i*; заднего ряда: *a*, *ʔ*, *o*, *u*.

ФОНЕТИКА

СОГЛАСНЫЕ

Современный ассирийский язык сохранил в основном древнеарамейский консонантизм, который обогатился новыми согласными, нехарактерными для арамейского языка.

Ассирийские согласные классифицируются следующим образом:

Губно-губные: *b* — звонкий смычный; *p* — глухой придыхательный смычный; *p*. — абруптив; *m* — носовой смычный; *u* — звонкий спирант.

Губно-зубные: *v* — звонкий спирант; *f* — глухой спирант;

Зубные: *d* — звонкий смычный; *t* — глухой придыхательный смычный; *t*. — абруптив; *z* — звонкий спирант; *s* — глухой спирант; *n* — носовой смычный.

Альвеолярные: *ž* — звонкий спирант; *š* — глухой спирант; *r* — переднеязычный вибрант; *g̃* — звонкая аффриката; *č* — глухая придыхательная аффриката; *č*. — абруптивная аффриката.

Переднеязычные (палатальные): *l* — звонкий спирант; *χ* — глухой спирант; *l* — латеральный смычный.

Заднеязычные (велярные): *g* — звонкий смычный; *k* — глухой придыхательный; *k*. — абруптив; *g̃* — звонкий спирант; *h* — глухой спирант; *t* — латеральный смычный.

Язычковый: *q* — абруптив;

Зевные: ' — звонкий спирант; *h* — глухой спирант.

Гортанные: ' — гортанный взрыв; *h* — глухой придыхательный спирант.

В диалектах с точки зрения консонантизма наблюдаются определенные расхождения; так, например, в диалекте Тур-'Абдина глухой смычный *p* перешел в щелевой *f*: урм. *pālgā*, салам. и мос. *pilgā*, но тур-'абд. *falga* 'половина'; урм. *ālpā*, мос. *elpa*, но тур-'абд. *alfa* 'тысяча'. В тур-'абдинском диалекте сохранились фарингальные (зевные) согласные ' и *h*, тогда как в остальных диалектах эти согласные утрачены. Ср.: тур-'абд. 'аїне 'глаза', *ar'o* 'земля' и *āṇi* и *ārā* других диалектов. В мосульском диалекте все еще слышен глухой фарингальный *h*: *ha* 'один', *aḥtun* 'вы' и др. Обычно же в мосульском, как и в других восточноассирийских диалектах, фарингальный *h* переходит в велярный *h*: *hiłmā* 'сон' из *hilmā*, ср. тур-'абд. *helmo*; *ḥamša* 'пять' из *hamšā* и др.

Для семитских языков, в том числе и для арамейского, характерны так называемые эмфатические согласные, которые в современном ассирийском не сохранились. Произошло упрощение этих согласных, в результате чего возникли «простые» согласные: эмфатический *š* перешел в зубной щелевой *s*, эмфатический *t* — в зубной абруптив *t*. Поэтому в речи ассирийцев нельзя отличить «*simkät*» (*s*) от эмфатического «*sāde*» (*š*). Следует отметить, что утрата «айна» и упрощение эмфатических согласных не проходят бесследно: они веляризуют соседние гласные и палатальный *l*, превращают звонкие в глухие, придыхательные в абруптивы: *tātā* 'пот' от *da'ta*, *supā* 'палец' от *sib'ā*, *ḥāsā* 'спина' от *hāšā* < *ḥaršā*, *tupra* 'хвост' от *tiṣrā*.

Гортанный взрыв ' утрачен. Встречается только как приступ в словах с твердым тембром или как противозияние между гласными. Утеря гортанного взрыва, как и «айна», также не проходит бесследно: перед ними придыхательные переходят в абруптивы, например *plāzin* 'пойду' от *bit 'āzin*, *tīva* 'который был' от *d-'ivā*, а соседние гласные имеют средний тембр (см. стр. 27).

В ассирийском языке, как это отмечалось выше, развилось немало новых согласных, неизвестных в древнеарамейских диалектах. Такими являются губные щелевые *v* и *f*, полученные вследствие спирализации соответствующих смычных (см. стр. 26) или встречающиеся в заимствованных словах, как *vedra* 'ведро' или *funṭ* 'фунт' (< русск.). Звонкий *v* может быть получен и из полугласного *u*. Для арамейского языка новыми являются альвеолярный звонкий спирант *ḫ*, а также альвеолярные аффрикаты *ḡ* и *ḥ*. Все они встречаются не только в иноязычных словах, как например, *diḫmin* 'враг' (< курд.), *ḡīgār* 'печень' (< перс.), *ḥātūn* 'трудный' (< турец.), но и в арамейских в результате комбинаторного звукоизменения или же передвижения согласных.

Особо следует отметить существование абруптивов (согласных с твердым отступом), а именно: губного *p*, зубного *t*, заднеязычного *k* и аффрикаты *č*, чуждых семитским языкам, но аналогичных грузинским *ჭ*, *ჭ*, *ჭ*, *ჭ* и армянским *պ*, *տ*, *կ*, *չ*. Они слышатся не только в иноязычных заимствованиях, таких, как например, *sapugta* 'сапог' (< русск.), *tāpīr* 'топор' (< русск.), *keṇṭrun* 'центр' (< греч.), но и в исконных арамейских словах, как например, *plāšā* 'война', *purḥa* 'по дороге', *tlā* 'три', *čīṭpā* 'щель', 'трещина'.

ГЛАСНЫЕ

Ассирийские гласные делятся на краткие и долгие; встречаются и сверхкраткие (хотя довольно редко).

Краткие гласные. В ассирийском языке имеется пять основных кратких гласных *a*, *e*, *i*, *o*, *u*, варианты которых могут быть трех рядов: переднего ряда с мягким тембром — *ä*, *e*, *i*, *ö*, *ü*, заднего ряда с твердым тембром — *ā*, *a*, *ī*, *o*, *u* и гласные среднего ряда со средним тембром: *a*, *e*, *i*, *ó*, *ü*. Таким образом, в современном ассирийском языке различается пятнадцать кратких гласных. Количество этих гласных, засвидетельствованных разными авторами, колеблется от семи (Лазарев³⁹) до двадцати трех (Прим и Социн⁴⁰).

³⁹ Г. Лазарев, *Опыт первоначального учебника русского языка для сиро-халдейцев*, Казань, 1901.

⁴⁰ E. Prym und A. Socin, *Der neuaramäische Dialekt des Tur-'Abdin*, S. XIX.

Гласный а: *ā* — глубокий веляризованный, легко лабиализующийся: *āprā* 'земля', часто переходит в *uprā*;

a — обыкновенный нейтральный *a* (так называемый чистый *a*). Авторы, делящие ассирийские гласные только на два ряда, часто звук *a* передают через *ā* и *ä*: *arḥa* 'гость' у А. Калашева — *ārḥā* || *ārḥā*⁴¹;

ā — переднеязычный, палатализованный *a*, склоняющийся к гласному *e*. Высказывание А. Калашева, будто *ā* заимствован из азербайджанского языка⁴², ошибочно, так как этот гласный довольно часто встречается в исконных арамейских словах: *mālkā* 'царь', *šlāmā* 'мир'.

Гласный е: *ē* — глубокий, веляризованный *e*, представляющий собой делабиализованный *o*;

e — среднеязычный гласный, близкий к французскому открытому *è*;

ε — палатальный гласный, более закрытый, чем *e*, напоминающий французский *é*.

Гласный и: *i* — глубокий, заднеязычный велярный гласный, близкий русскому *ы*, представляющий собой делабиализованный *u*. Подобно *ā*, легко лабиализуется и переходит в *u*: *īsrā* 'десять', часто *usrā*;

ι — среднеязычный гласный, более широкий, чем *i*;

i — переднеязычный узкий гласный.

Гласный о: *o* — обыкновенный заднеязычный велярный;

ó — слегка палатализованный *o*; *ö* — переднеязычный палатализованный *o*, акустически напоминающий французский *eu*.

Гласный u: *u* — заднеязычный узкий

ü — слегка палатализованный *u*;

ū — узкий, переднеязычный, представляющий собой лабиализованную разновидность гласного *i*.

Следует отметить, что гласные *ó* и *ü* встречаются лишь вместо мягкотембровых *ö* и *ū* после губных согласных: *mōtvāiā* 'советский' вместо *mōtvāiā* и *būsāmā* 'удовольствие' вместо *būsāmā*.

Краткие гласные часто меняются в соответствии с тем, в каких слогах они произносятся — в открытых или закрытых. В ванском, саламасском и джилуйском диалектах в закрытых слогах широкий гласный *a* суживается, что является характерным для еврейского языка; а именно, в ванском и саламасском наречиях *a* переходит в *i* (*bišil* 'варит' < *baššil*), в диалекте Джилу — в *e* (*leḥma* 'хлеб' < *laḥma*). В тех же условиях гласный *u* иногда дает *i* (особенно в саламасском): *ḡili* 'одежда' < *ḡuli* || *ḡūli*.

⁴¹ А. Калашев, *Айсорско-русский словарь*, — СМОМПК, вып. XX, Тифлис, 1894, стр. 244.

⁴² Там же.

В ассирийских диалектах замечается изменение гласных в зависимости от ударяемости слога. С точки зрения качественного изменения гласных особенно интересны противоположные друг другу явления в диалектах Джилу и Тиари. В джилуйском наречии чередуются гласные *o* и *u*: *o* встречается в предударном слоге (как в открытом, так и в закрытом), а *u* в ударяемых закрытых слогах или открытых впоследствии. Так, например, *tonuḷli* 'сказал' (ср. урм. *tunīli*), но *gūmla* 'верблюд', *mētuli* 'положи' (< *mātiv-li*). В диалекте Тиари, напротив, гласный *u* встречается в предударных слогах вместо гласного *o*: *ḥōna* 'брат', но *ḥunvāi* 'братья'. В мосульском диалекте перемещение ударения вызывает не только сокращение долгих гласных, но и их сужение в предударяемом слоге: *kēden* 'я знаю', но *kidinvā* 'я знал'⁴³.

Сверхкраткие гласные. Сверхкраткие гласные, так называемые «шва», характерны для древнеарамейских диалектов, большей частью утрачены. Обычно они встречаются между двумя начальными согласными: *ptāḥa* 'открывать' < *p'tāḥa*, *thāra* 'вспоминать' < *d°kārā* и т. д. В отдельных случаях «шва» развились в обычные краткие гласные: *māliktā* 'королева' < *malktā*, *madinḥa* 'восток' от *madnḥa*. Сверхкраткие гласные спорадически встречаются после относительной частицы *d*: *d°bēta* 'домашний' (*ḥēlvāni d°bēta* 'домашние животные'), *d°llā* 'третий'. Сверхкраткие гласные *°*, *ḥ*, *°*, *u* отмечены в ассирийских текстах изданных Примом и Социном⁴⁴.

Долгие гласные. Каждый из приведенных выше кратких гласных может иметь долгий вариант. Таким образом, рядом с краткими гласными имеются долгие гласные переднего ряда: *ā*, *ē*, *i*, *ō*, *ū*; долгие гласные среднего ряда: *ā*, *ē*, *i*, *ō*, *ū* и долгие гласные заднего ряда: *ā*, *ē*, *i*, *ō*, *ū*.

По своему происхождению долгие гласные могут быть первичными и вторичными. Последние получены: 1) вследствие опущения гортанных и зевных согласных (*ʕ*, *h*, *ʕ*): *sāra* 'луна' < *sahrā*, *rīša* (мос. *rēša*) 'голова' < *ri'sā* или *re'sā*, *tālā* 'лиса' < *ta'lā*; 2) вследствие упрощения геминатов: *ḥūba* 'любовь' < *hubbā*, салам. *piqit* 'пожалуйста!' < *piqqid* < *paqqid*; 3) вследствие контракции дифтонгов: *mōtā* 'смерть' < *maqtā*, *bēta* 'дом' < *baītā*, *bit pēšin* 'останусь' < *bit paššin*.

Долгие гласные встречаются только в открытых ударяемых слогах, во всех остальных случаях гласные краткие. Поэтому гласный *a* в первом слоге слова *k'ianūta* 'духовенство' — краткий, а в слове *k'āna* 'священник' — долгий.

⁴³ E. Sachau, *Skizze des Fellichi-Dialekts von Mosul*, Berlin, S. 64.

⁴⁴ E. Prym und A. Socin, *Der neuaramäische Dialekt des Tūr-Abdin*, а также A. Socin, *Die neuaramäischen Dialekte von Urmia bis Mosul*.

В диалектах наблюдаются случаи, когда в открытых ударяемых слогах, вопреки изложенному правилу, гласные бывают краткими: *libā* 'сердце', *dībā* 'медведь'. В подобных случаях открытость слога вызвана упрощением гемината, а гласные «по инерции» все еще остаются краткими: *libā* < *libbā*, *dībā* < *dibbā*.

В закрытых слогах долгие гласные сокращаются: *smūqa* 'красный', но ж. р. — *smuqta* с кратким *u* вместо долгого. Исключение составляет ванский диалект, где долгие гласные сохраняются в закрытых слогах, полученных в результате усечения конечных гласных (в глагольных формах прошедшего совершенного II): *zvin* 'купил' от *zvini* (< *zvin-li*), *gdil* 'обрадовался' от *gdili* (< *gdi-li*). Это явление считается особенностью ванского диалекта.

Особого внимания заслуживает тенденция ассирийских долгих гласных к сужению и дифтонгизации, но эта тенденция не во всех диалектах имеет одинаковую силу. А именно, в Тур-'Абдине почти всякий первичный *ā* переходит в *ō*, в Джилу же довольно часто в *ē*, например: *brēta* 'девочка' < *brāta*, *rēba* 'много' < *rāba*. Сужение особенно коснулось долгих *ō* и *ē*, которые в урмийском и саламасском диалектах переходят соответственно в *ū* и *ī*. (Указанные гласные *ō* и *ē* не суживаются, если они получены вследствие контракции дифтонгов *aū* и *ai*). Так, например, окончание уменьшительной формы *-ūna* произошло от *-ōnā*, окончание имен множественного числа в *status emphaticus* (в определенном состоянии) *ī* от *-ē*.

В Мосульском диалекте переход *ō* > *ū* и *ē* > *ī* — явление более редкое, в Тур-'Абдине же *ō* всегда суживается в *ū*, но *ē* не изменяется: *miskēno* 'бедный', ср. урм. *miskīna*. В других же диалектах аналогичные чередования встречаются намного реже: ван. *gōra* 'большой' (ср. урм. *gūrā*), тиар. *hōna* и джил. *aḥōna* 'брат' (ср. урм. *aḥūna*).

Во всех диалектах, а в особенности в урмийском, узкие долгие гласные часто дифтонгизируются: *ē* переходит в *eī* (*kīṭētā* > *kīṭeīta* 'курица'), чаще *ī* в *iī* (*mdīta* > *mdīitā* 'город', иногда с последующим оглушением *i* — *mdīxtā*); особенно часто *ū* переходит в *ui* (*zūzi* > *zūīzi* 'деньги'). В саламасском диалекте вместо долгого *ū* встречаются *uḡ* (перед звонкими) или *uḥ* (перед глухими), ср. *zūḡzi* от *zūzi* и *ḥabuḥša* 'яблоко' от *ḥabūša*.

Полугласные. В современном ассирийском языке имеются два полугласных: губно-губной спирант *ɥ* и звонкий палатальный спирант *ʎ*.

Полугласный *ɥ* встречается в дифтонгах, часто в результате спирантизации согласного *b* (в диалектах Мосула и Тур-'Абдина: мос. *lizḡāna* 'чтобы купить' от *lizbānā*), а также

происходит от согласного *v*, если последний сочетается с гласными *u* (*kaṣutra* 'обед' от *kavutra* < *kavitrā*). В других случаях *ṣ* переходит в губно-губной согласный *v* или гласный *u* (*qārūva* 'петух' от *qārūṣā*). Союз *ṣ* 'и' звучит *u*: *īāla u brāta* 'мальчик и девочка'.

Полугласный *i* встречается часто. В конце слова и перед глухими согласными *i* оглушается и переходит в глухой палатальный спирант *χ*: *bētiχ* 'мой дом' от *bēti* < *bēti*, *biχtā* 'яйцо' от *bīta* < *bītā*. Полугласный *i* может возникнуть и вследствие редукции согласных: *dūītā* 'вместо' < *dūktā*.

Полугласные появляются также и между двумя гласными: *osmāntūri* 'турки' (вместо *osmanlu-i*), *šmāīā* 'слушать' (вместо *šmā-ā* < *šmā-ā*).

Дифтонги. Из дифтонгов распространены нисходящие: *aṣ*, *aī*, *āī*, *eī*, *iṣ*, *uṣ*, *iī*, *uī*, *oi*, из которых первые два (*aṣ*, *aī*) в диалектах Урмии, Саламаса, Джилу и Гавара обычно контрагируются (переходят в *ṣ* и *ō*). Так, например, титар. *ḥaṣḥa* 'персик', но урм. *ḥōḥa*; джил. *qaṣla* 'завет', но урм. *qōla*; титар. *maīša* 'лес', урм. *mēša*. Следует отметить, что посредством контрагированных и неконтрагированных дифтонгов *aṣ* и *aī* дифференцированы морфологические категории и личные и указательные местоимения: *aṣ* обозначает личное местоимение 'он', а *o* (< *aṣ*) — указательное местоимение 'тот'; *aī* 'она', а *e* (< *aī*) — указательное местоимение 'та'.

Часть названных выше дифтонгов получена от дифтонгизации долгих гласных (см. стр. 23), часть же — вследствие спирантизации согласного *b* или слияния гласных: титар. *saṣtiχ* 'моя бабушка' < *sābti*, окончание множественного числа женского рода *-āī* от *-āi* < *-āi* (*baḥtāī* 'женщины', *rigāvāī* 'слуги').

В диалектах Мосула, Джилу, Вана и некоторых других дифтонги *iṣ* и *uṣ* переходят в долгий *ū*; ср. урм. *tivlā* 'села', но мос. *tūla* (от *tiṣla* < *iṣlā*), урм. *šuvḥa* 'слава', но ван. *šūḥa* (< *suṣḥa* < *šubḥa*).

ФОНЕТИЧЕСКИЕ ЯВЛЕНИЯ

Ассимиляция. Ассимиляция является самым распространенным звукоизменением в современном ассирийском языке, где часто встречаются случаи уподобления не только согласных, но и гласных.

Ассимиляция согласных может быть как полной, так и частичной. Следует отметить, что для выявления факта полной ассимиляции, ввиду уподобления геминатов (см. ниже), необходимо привлечь соответствующий материал из других родственных языков и учесть историю данного слова. Так, например, *kīsā* 'живот' происходит от *kissā* < *kirsā* (ср. си-

рийск. *karsā*, др.-евр. *kārēš*, араб. *karīš* и *kirš*, аккад. *karšu*), слово *izā* 'козел' происходит от *'izzā* < *'inzā* (ср. араб. *'anz*, аккад. *enzu*). Полной ассимиляции обыкновенно подвергаются сонорные (*r*, *l*, *n*), реже зубные (*d*, *t*) согласные. Из них сонорный *l* легко уподобляется соседним согласным, но в роли ассимилятора не встречается. Большинство случаев полной ассимиляции — регрессивного направления (см. приведенные выше примеры). Реже встречаются случаи прогрессивной ассимиляции, которые обычно носят общерамеевский характер, например *āzin* 'пойду' от *'azzin* < *'azlin*. Так же прогрессивного характера и уподобление сонорного *l* соседнему согласному в целом ряде слов, в том числе в глаголах, например при суффиксации глагола частица *l* уподобляется предыдущему сонорному согласному: *šudini* 'сошел с ума' от *šudin-li*.

В современном ассирийском языке часто наблюдаются случаи частичной ассимиляции как по месту образования согласного, так и по качеству звука (по звонкости, глухости, эмфатичности). Частичная ассимиляция, как и полная, в основном регрессивная и происходит в непосредственной близости от ассимилятора: *dumba* 'хвост' от *dunba*, *phīla* 'плакала' от *bhīla* (< *bhīlā*), *sqāra* 'ткать' от *zqāra*, *atħa* 'так, таким образом' от *adħa* (*hadkā*), *ttiptā* 'невеста' от *tlībtā*, *gda* 'одна' от *hdā*, *ħizdā* 'жатва' от *ħisdā* (< *ħisdā*), *rāħit* 'бегает' от корня *rħt* < *rħt*.

Иноязычные слова подчиняются всем тем правилам ассимиляции, которые существуют в ассирийском языке: *risqa* 'скот' из араб. *rizq*, *tāškārū* 'паспорт' из перс. *tāzkere*.

Следует отметить, что уподоблению согласных препятствует иногда необходимость отличить друг от друга однозвучные слова: *šitā* 'год' от *šittā* < *šintā*, но *šintā* 'сон', где *nt* не переходит в *tt*.

Палатализация согласных. Велярные смычные *g*, *k*, *ḳ* и *ṭ* проявляют сильную тенденцию к палатализации.

Палатализация особенно распространена в урмийском диалекте. В других диалектах случаи палатализации согласных встречаются редко, чаще всего в ванском и саламаском. Вследствие палатализации возникают палатализованные согласные *gⁱ*, *kⁱ*, *ḳⁱ*, а вместо *ṭ* — палатальный *l*: *kⁱālbā* 'собака', *dügⁱlā* 'ложь', джил. *ḳⁱamta* 'утро'. В урмийском диалекте засвидетельствована и вторичная ступень палатализации *g*, *k*, *ḳ*, что дает совершенно новые для арамейского языка согласные — аффрикаты *ḡ*, *č*, *č̣*: *ḡārmā* 'кость', *birčā* 'колени', *čgam* 'встает'. В других диалектах аффрикатизация *g*, *k*, *ḳ* в результате палатализации почти неизвестна, а первая ступень палатализации хотя и засвидетельствована, но встречается намного реже, чем в урмийском. При этом сле-

дует отметить, что чем больше мы отдаляемся от урмийского района в направлении запада, тем меньше случаев палатализации велярных (задненёбных) смычных. В некоторых случаях палатализация развита до такой степени, что велярный смычный переходит в палатальный *i*: *lāībā* 'на этой стороне' от *lāha gībā*.

В результате палатализации велярного *t* получен палатальный *l*: *tlā* 'три', *ṭutunte* 'трое', но урм. *tlāi*, ван. *tli*, сам. *tlii* 'тридцать' (мн. ч. от *tlā*).

Палатализация иногда является средством семантической дифференциации: *g'niṣli* 'украл', но *ḡniṣli* 'похитил', оба от *gnivli* (корень *gnb*).

Спирантизация смычных. Закон спирантизации смычных согласных *b*, *g*, *d*, *k*, *p*, *t*, характерный для арамейского языка и заключающийся в щелевом произношении названных звуков после гласных, теряет свою силу. Однако следы его сохраняются. Так, спирантизованные согласные (интердентальные) *d* и *t* встречаются в западной и центральной группах диалектов (Тиари, Мар-Бишу, Мосул, Тхум, Ботан): тиар. *iṭva* 'был', *barda* 'град', мос. *saḡāṭā* 'старухи', курд. *jalūda* 'мальчик', *āṭé* 'идет'⁴⁵.

Вследствие спирантизации согласные *b* и *p* перешли в губно-зубные спиранты *v* и *f* ($p > f$ систематически только в Тур-Абдине): урм. *sāvā* 'старик' от *sābā*, тур.-абд. *'afro* 'земля' от *'apṛā*; *g* и *k* перешли в *ḡ* и *ḥ* ($g > ḡ$ довольно редко): *paḡra* 'тело' от *paḡrā*, *āḥiṭ* 'кушает' от *'ākil*. Бывают случаи перехода спирантизованного *t* в *š*, *h* и χ (Ашита и Тиари): *māša* 'деревня' от *mātā*, *hili* 'пришел' от *'ṭili*; тот же переход звуков в глаголе «идти» наблюдается в наречиях Вана, Джилу и Саламаса (в последних двух только $t > \chi$): ван. *šilā* 'пришла' от *'ṭilā*, джил. и салам. *ḫili* 'пришел' от *'ṭili*. Саламаские евреи вместо спирантизованного *t* произносят *l*: *māla* 'деревня' от *mātā*, а евреи из Захо вместо *d* и *t* произносят соответствующие зубные спиранты *z* и *s*: *aqlāsa* 'ноги' от *'aqlātā*, *āṣiz* 'делает' от *'ābid*⁴⁶.

Вследствие спирантизации иногда опускаются согласные *t*, *d* и *ḡ*. Систематически опускается *t* в саламаском наречии (*ma* 'деревня' < *mātā*, *pa* 'лицо' < *pātā*), реже в ванском, гаварском, джилуйском наречиях: ван. *ṭe* 'придет' от *bit 'āṭi*, джил. *biṭāle* 'идет' (ср. урм. *biṭāleli*) и др. Спирантизованный *d* опущен в словах: *ḥa* 'один' от *ḥad*, *qam* 'перед' от *qadm* и др., спирантизованный *ḡ* — в словах: *šāda* 'миндаль' от *šaḡdā*, *pāṭi* 'делить' от *pāliḡ*.

⁴⁵ Maclean, *A Dictionary of the dialects of Vernacular Syriac*, Oxford, 1901, стр. 220, 119, 22.

⁴⁶ J. B. Segal, *Neo-Aramaic proverbs of the Jews of Zakho*, JNES, XIV, [1955], стр. 261, 257.

В диалектах нередки случаи «нарушения» правил спирализации: щелевой согласный может встретиться после согласного, а смычный — после гласного. В таких случаях мы имеем дело либо с редукцией гласных (когда спирант следует за согласным), либо с контракцией дифтонгов (когда смычному предшествует гласный), в результате чего появляются долгие гласные, например: *givrā* 'проказа' от *gibrā*, но араб. *ǧarab* и евр. *gārāb*; *ekīa* 'где' от *'aikā* (видимо, потеря спирализации предшествовала контракции дифтонгов). Так в именах и частицах.

В глаголах же, образованных от одного корня, имеется только одна разновидность согласного (смычный или щелевой согласный, полученный от спирализации первого), например в словах: *ṭābā* 'просьба', *le ṭābīn* 'не прошу', *ṭub* 'проси' — везде *b*, несмотря на позицию (корень *ṭlb*).

Сингармонизм. Для современного ассирийского языка, особенно для урмийского диалекта, характерна гармония гласных (сингармонизм) по тембру. Она заключается в том, что все гласные данного слова уподобляются по тембру одному из его гласных, на основании чего получают слова с тремя различными тембрами: с мягким, твердым и средним (*mātāvtā* 'класть', *lūbilā* 'унесла'; *ḥītālī* 'поел', *sāṭādā* 'охотник'; *saqrīnī* 'тку', *āzāḥ* 'пошли!'). Одной из характерных черт гармонии по тембру считают дифференциацию значений слов при помощи тембра: ср. *mātā* 'деревня' и *mātā* 'прыщ', *tālā* 'капкан' и *tālā* 'лиса'.

Наряду с этим прослеживается и гармония по лабиальности, например *uṣqot* 'школа', *iṣqar* 'шкаф', где начальные гласные развились перед двусогласным началом в соответствии с гласными основы. Встречаются также случаи гармонии согласных, например: абруптивы и придыхательные (*ṭā* 'три', но *giptā* 'лоза') или звонкие и глухие согласные (*bārdā* 'град', но *supā* 'палец' от *sibā*).

С установлением основы сингармонизма уясняется фактор, определяющий тембр слова. Твердый тембр гласным придают согласный «айн» и эмфатические согласные, которые ныне произносятся без эмфаза (ср. стр. 19), таковы *t*, *ṣ*, в некоторых случаях *ṭ* и *r*: *āṭnā* 'глаз' от *'aṭnā*, *ṣādrā* 'грудь' от *ṣadrā*, *ṭārā* || *ṭairā* 'птица' от *ṭairā*, *ḥīlmā* 'сон' от *ḥilmā* и т. д. Средний тембр возникает в соседстве с гортанными и заднеязычными (велярными) согласными, а также с абруптивами: *h*, *g*, *ḥ*, *q*, *k*, *p*, *č*, *t*, например: *alāha* 'бог', *lāḥa* 'здесь', *paḡra* 'тело', *qāla* 'голос', *kiči* 'девушка', *čančurta* 'слива' и т. д. У остальных согласных же бывает мягкий тембр (но не без исключений): *dārtā* 'двор', *k'itvlā* 'написала', *zūzi* 'деньги' и др. Таким образом, тембр гласных определяется тембром соседних согласных.

Сингармонизм, засвидетельствованный в ассирийском языке, принципиально отличается от тюркского (как известно, гармонию гласных принято считать характерным явлением для тюркских и монгольских языков). Тюркский сингармонизм считают следствием акцентуации, в ассирийском языке же основой сингармонизма служит резкая противоположность по тембру, достигнутая в результате специфической для семитского консонантизма артикуляции.

Диссимиляция. Диссимиляция в ассирийском языке большей частью бывает дистанционной: *mārgānītā* 'жемчуг' от греч. μαργαρίτη, салам. *nābil* 'нести' от *mābil*, *kāndir* 'катиться' от *gāndir*.

Из случаев диссимиляции согласных особенно часто встречается так называемая «сильная диссимиляция» (опущение согласных в результате диссимиляции) и в первую очередь в удвоенных корнях, которые ввиду утери согласного превращаются в трехгласные: *šišiltā* 'цепь' < *šilšiltā* (корень *ššl*), *hāḥil* 'умываться' < *halḥil* (корень *hlḥl*), *dasmāl* 'платок' < перс. *dastmāl*. Встречаются также случаи диссимиляционного опущения слога в многосложных словах: *tinā* 'дым' < *tināna*, *qāša* 'священник' < *qašiša*.

Опущение звуков. Опущение согласных происходит не только в результате фонетических процессов, но также вследствие распада артикуляции и в слабой позиции (обычно в конце слова). Легко опускаются гортанные ' и *h* и полугласные *u* и *i*: *nāra* 'река' < *nahrā*, *lup* 'учись!' < *ilup*. Подобное свойство данных согласных известно и в родственном ассирийскому языках.

Опущение гласных — частое явление. В некоторых случаях следы ранее опущенных гласных сохранены в виде спондизации последующих смычных.

Гласные иногда исчезают в послеударяемых слогах: *hāḥḥa* 'немного' от *hā ḥaḥa*, *hāḥma* 'однажды' (букв. 'в один день') от *hā iḥma*.

Среди случаев опущения гласных особенного внимания заслуживает утрата конечного неударного (краткого *i* в ванском диалекте: *zīl* < *zīli* 'пошел'). В этом и в других случаях опущение гласных объясняется интенсивностью ударения.

Довольно часто опускаются целые слоги: *bāla* 'колос' от *šibbūlā*, *dānā* 'время' от *iddānā*. Обычно это происходит в начале и в конце слова, когда слог начинается согласными ' *h* и *i*: тиар. *hōna* 'брат' от *'ahōnā*, *āla* 'бог' от *'alāhā*, ван. *tā mšā* 'не может' от *lā mšāiā*.

Геминация. В ассирийском языке геминация (удвоение) согласного утрачена, но ее следы кое-где еще имеются. Так, например, о когда-то существовавшей геминации гово-

рит смычное произношение согласных *b* и *k* после гласных: *dabāša* 'пчела' от *dabbāšā*, *rākāvā* 'всадник' от *rakkābā*. Следы геминации следует видеть и в сохранении кратких гласных в открытых ударяемых слогах (см. стр. 23), а также в переходе *a* в *i* в саламасском и ванском диалектах (см. стр. 21).

Вследствие утраты геминации геминированные глаголы превратились в слабые (двухсогласные): *tīm* 'заканчивается', 'завершается' от *tmm*, *kīp* 'сгибается' от *kpp*; а в урмийском диалекте к тому же слабые имена встречаются вместо геминированных: *maīra* 'горький' от корня *mrr*, *ḥamta* 'горячая' от *hmm*.

Возникновение гласных. В ассирийском языке во избежание стечения согласных иногда возникают вставочные гласные. В большинстве случаев это происходит с целью устранения двусогласного начала слова, возникшего в результате опущения кратких и сверхкратких гласных после первого корневого. Двусогласное начало устраняется или путем возникновения протетических (начальных) гласных, или же путем возникновения разъединяющего гласного между двумя первыми согласными.

Протетические гласные возникают в том случае, если первый из двух начальных согласных сонорный или щелевой (*ištiḫ* 'пей!' вместо *štiḫ*, *ultuḥ* 'под' от *ltaht*, *ušqot* 'школа'), в противном случае возникают разъединяющие гласные (ср. слова, заимствованные из русского языка: *kuruška* 'кружка' и *qiranṭ* 'кран'). Наблюдаются случаи возникновения гласных и в середине слова при стечении трех согласных: *āqīrvā* 'скорпион' от *aqrba*, *māšiknā* 'жилье' от *mašknā*.

Ударение. Ударение в ассирийском языке экспираторное и падает, как правило, на предпоследний слог: *ārmiltā* 'вдова', *urusnēta* 'русская', *qirqipta* 'череп'. Ударение на предпоследнем слоге обычно и при суффиксации глагола (*parqīnva* 'я кончал', *humzīmli* 'он говорил'), но при образовании глагольных форм при помощи *verbum substantivum* (см. стр. 49), последний, представляющий собой энклитику, не учитывается. Поэтому ударение в таких случаях приходится не на второй слог с конца, а на третий: *biqīlālevin* 'я убиваю', а то и на четвертый: *biktāvevinvā* 'я писал'. (Упомянутые энклитики, пишутся отдельно.)

Встречаются и такие случаи, когда ударение падает на первый слог с конца, например в именах женского рода во множественном числе, где вследствие утери спирантизованного *t* получено *āi* вместо *āti*: *aḥunvāi* 'братья' от *aḥunvāti*, *ḥatvāi* 'сестры' от *ḥatvāti*, а также во множественном числе имен, указывающих на местоприсхождение: *sūrāi* 'сирийцы', 'ассирийцы', *urusnāi* 'русские'. В последнем случае ударение оказалось на первом слоге с конца по причине усечения

конечного *i* ($< \bar{i}$), образователя множественного числа: *sūrāi* от *sūrāi*, *urusnāi* от *urusnāi*.

Ударение на первом слоге с конца встречается и в некоторых иноязычных заимствованиях (обычно же они подчиняются общим правилам ударения). Так, например, ударяемым является тюркский суффикс, образующий названия профессий: *gāmičī* 'лодочник', *sāpārčī* 'путешественник'.

Ударение часто влияет на качество и долготу гласных, вызывает опущение гласных, а иногда и целых слогов.

МОРФОЛОГИЯ

СТРУКТУРА СЛОВА

Как и во всех семитских языках, ассирийские слова по своей структуре делятся на корни, состоящие исключительно из согласных, и некорневые элементы, включающие в себя огласовку основы, словообразовательные и формообразовательные аффиксы. Следует отметить, что в ассирийском языке, как в типичном флективном, изменение огласовки основы изменяет значение или форму данного слова, т. е. огласовка основы в целом также является словообразовательным и формообразовательным элементом.

Корень слова обычно состоит из трех согласных, но имеются и двухсогласные, реже четырехсогласные корни. Много корней, согласные которых по своему происхождению являются некорневыми и исторически возводятся либо к грамматическим, либо к фонетическим элементам.

ЧАСТИ РЕЧИ

Части речи в семитских языках, в том числе и в современном ассирийском, обычно принято делить на три группы: склоняемые части речи, т. е. имя (включая все виды имен: существительные, прилагательные, числительные и местоимения), спрягаемые части речи, т. е. глагол, и слова, не меняющие форму, так называемые частицы в широком смысле (наречия, предлоги, частицы, союзы, междометия). Такая классификация частей речи была принята еще в средние века в арабских и еврейских грамматических трактатах.

Этот принцип использован и в данном очерке, только с той разницей, что особо выделен разряд местоимений, поскольку последние имеют отличную от других имен специфику.

МЕСТОИМЕНЯ

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНЯ

Личные местоимения в ассирийском языке представлены в двух видах: в самостоятельном и в виде суффиксов. Самостоятельными являются личные местоимения в прямом (именительном) падеже, суффиксы же выражают личные местоимения в косвенных падежах (родительном, винительном).

Род местоимения различается только во 2-м и 3-м лице единственного числа и во всех остальных случаях, т. е. в 1-м лице единственного числа и во множественном числе, употребляются общие для обоих родов формы. Исторически род различался и во множественном числе (во 2-м и 3-м лице), но впоследствии формы женского рода исчезли, оставшиеся же формы мужского рода заменили их.

	Единственное число	Множественное число				
1-е л.	<i>āna</i>	<i>aḥnan</i>				
2-е л.	<table style="border: none; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="font-size: 2em; vertical-align: middle;">{</td> <td style="padding-left: 5px;">м. р. <i>at</i></td> </tr> <tr> <td style="font-size: 2em; vertical-align: middle;">}</td> <td style="padding-left: 5px;">ж. р. <i>at</i></td> </tr> </table>	{	м. р. <i>at</i>	}	ж. р. <i>at</i>	<i>aḥtun</i>
{	м. р. <i>at</i>					
}	ж. р. <i>at</i>					
3-е л.	<table style="border: none; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="font-size: 2em; vertical-align: middle;">{</td> <td style="padding-left: 5px;">м. р. <i>aṣ</i></td> </tr> <tr> <td style="font-size: 2em; vertical-align: middle;">}</td> <td style="padding-left: 5px;">ж. р. <i>aṣ</i></td> </tr> </table>	{	м. р. <i>aṣ</i>	}	ж. р. <i>aṣ</i>	<i>āni</i>
{	м. р. <i>aṣ</i>					
}	ж. р. <i>aṣ</i>					

Примечания. 1. Во 2-м лице единственного числа формы мужского и женского родов совпали, различие сохранилось лишь на письме: в форме женского рода на конце пишется **ṣ** (*i*), который не произносится: **ṣ** (*nti*).

2. Местоимение 2-го лица единственного числа восходит к форме *'ant*, но второй корневой ассимилируется с последующим согласным *t*, вследствие чего получается *at < att < 'ant*.

3. Местоимение 3-го лица единственного числа восходит к формам *hāṣ* (м. р.) и *hāṣ* (ж. р.), начальный *h* перед гласным опущен.

4. Форма 3-го лица множественного числа восходит к *'ānin*, а последняя к *hānin* (первые и последние согласные опущены).

В косвенных падежах функцию местоимения выполняют суффиксы, которые называются местоименными суффиксами. Они присоединяются к частям речи и передают родительный или винительный падежи данного местоимения. Если местоименный суффикс присоединен к имени, то он выступает в роли притяжательного местоимения, если же к глаголу или к предлогу, то суффикс является дополнением.

1. Местоименные суффиксы при именах:

	Единственное число	Множественное число				
1-е л.	<i>ī</i> (<i>bētī</i> < <i>bētī</i> 'мой дом')	<i>-an</i> (<i>bētan</i> 'наш дом')				
2-е л.	<table style="border: none; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="font-size: 2em; vertical-align: middle;">{</td> <td style="padding-left: 5px;">м. р. <i>-uḥ</i> (<i>bētuh</i> 'твой дом')</td> </tr> <tr> <td style="font-size: 2em; vertical-align: middle;">}</td> <td style="padding-left: 5px;">ж. р. <i>-aḥ</i> (<i>bētaḥ</i>)</td> </tr> </table>	{	м. р. <i>-uḥ</i> (<i>bētuh</i> 'твой дом')	}	ж. р. <i>-aḥ</i> (<i>bētaḥ</i>)	<i>-ōḥun</i> (<i>bētoḥun</i> 'ваш дом')
{	м. р. <i>-uḥ</i> (<i>bētuh</i> 'твой дом')					
}	ж. р. <i>-aḥ</i> (<i>bētaḥ</i>)					

3-е л. { м. р. -и (*bētu* 'его дом')
 { ж. р. -о (*bēto* 'ее дом') -ē (*bētē* 'их дом')

2. Местоименные суффиксы с предлогами: *qāmi* 'перед ним', *qātuḥ* 'тебе', 'для тебя', *miniḥ* 'со мной' и т. д.

3. Местоименные суффиксы при глаголах. Особых местоименных суффиксов для передачи дополнения к глаголам в современном ассирийском языке нет. С этой целью употребляются все те же местоименные суффиксы с частицей *l*: *bīavinuḥ* (<*bit iāvin-l-uḥ*) 'я тебе дам', *qāḥiḥ* (<*qāḥil-l-uḥ*) 'он убьет тебя'. Однако следует отметить, что в глагольных формах 3-го лица используются местоименные суффиксы, отличающиеся от названных выше и широко распространенные в старых арамейских диалектах (в сирийском, например). Таковы:

в единственном числе: м. р. -*i* (<-*ih*);
 ж. р. -*ā* (<-*āh*);
 во множественном числе: -*ūn*.

Примеры: *ptuḥli* 'открой его!'; *ptuḥla* 'открой ее!'; *ptuḥlun* 'открой их!'.
 Суффиксы -*i* и -*ā* иногда встречаются и с именами, обычно в текстах церковного характера: *darti* 'его двор' (ср. *dartu*), *bēta* (пишется: *bētāh*) 'ее дом' (ср. *bēto*).

Примечания. 1. Суффикс 1-го лица единственного числа дифтонгируется и произносится как *iḥ* или с оглушением палатального *i* как *iḥ*: *bētii* или *bētiḥ*.

2. Суффиксы 2-го лица единственного числа *uḥ* и *aḥ* восходят к *uk* и *ak*. Суффикс женского рода *āk* (-*aḥ*) пишется с немой *i*, как это было с личным местоимением 2-го лица женского рода (-*ki*): .

3. Суффиксы 3-го лица единственного числа -*u* и -*o* одного происхождения.

4. Во множественном числе в виде суффиксальных гласных -*a* и -*ē* сохранилось окончание имен множественного числа, стоящих в status constructus *ai*. В закрытом слове *ai* упростилось в -*a*, в открытом же, в результате контракции, перешло в гласный *ē*. Так, например, суффикс -*an* (1-е л.) идет от -*ai-n*, -*ē* же (3-е л.) — от стоящего в конце слова *ai*. Следует отметить, что суффикс -*ē* фактически не имеет ничего общего с местоимениями, хотя при помощи этого суффикса передается местоимение множественного числа.

ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Наряду с общесемитскими местоименными суффиксами в современном ассирийском языке имеются и притяжательные местоимения. Последние являются новообразованием как в арамейском, так и вообще в семитских языках. Обычно для образования притяжательных местоимений применяются относительные местоимения с местоименными суффиксами.

К относительной частице *dī*, усиленной демонстративным элементом *d*, присоединяются местоименные суффиксы. В полученных таким образом формах **dīd-ī* 'мой', **dīd-uh* 'твой' и т. д. второй *d* по причине спирализации опускается, а взамен между гласными возникает полугласный *i*: *dī-ī* > *dīi* 'мой' (произносится как *dīi(i)*).

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>dīi</i> 'мой'	<i>dīian</i> 'наш'
2-е л.	{ м. р. <i>dīiuh</i> 'твой'	<i>dīiohun</i> 'ваш'
	{ ж. р. <i>dīialh</i>	
3-е л.	{ м. р. <i>dīiu</i> 'его'	<i>dīie</i> 'их'
	{ ж. р. <i>dīio</i> 'ее'	

Притяжательные местоимения и местоименные суффиксы употребляются параллельно, но при местоимениях принадлежность больше акцентируется. К тому же в языке явко наблюдается тенденция к вытеснению суффиксов самостоятельными притяжательными местоимениями.

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

	Единственное число	Множественное число
	<i>āha</i> 'этот, эта, это'	<i>āni</i> 'эти'
	<i>o</i> (м. р.) 'тот'	<i>āni</i> 'те'
	<i>e</i> (ж. р.) 'та'	

Примечания. 1. Форма *āha* общая для обоих родов. Она идет от *hāhā* (удвоенный демонстратив *hā*). В разговорном языке часто употребляют *a* вместо *āha* (*a nāša* 'этот человек' < *āha nāša*).

2. Форма *āni* одного происхождения с личным местоимением 3-го лица множественного числа *ani* (< *hānin*).

Указательные местоимения *o* и *e* представляют собой контрагированную форму личных местоимений *ai* и *ai* (см. стр. 31). Таким образом достигается разница между двумя разрядами местоимений. Ср. *ai khikli bīio* 'он посмеялся над ней', по *o nāša ptihti tārà* 'тот человек открыл дверь'; *ai tīla lbēto gāldi* 'она быстро пришла домой', по *e brāta rāba šapirteva* 'та девушка была очень красива'.

Замечается тенденция к употреблению указательных местоимений *o* и *e* в качестве артикля.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Субстантивные вопросительные местоимения «кто?» и «что?» имеют две формы: полную и усеченную.

«Кто?» — *māni* (< *mānī*) и *man*;

«что?» — *mūdi* (< *mūdī*) и *mi*.

Подные формы в основном употребляются в паузе. От *mū-dīi* или *mi* образуются вопросительные слова: *qamūdiī* (или *qamū*) 'почему?' и *bimūdiī* (или *bimū*) 'чем?'

Общесемитское вопросительное местоимение *mā* встречается в выражении *māluḥ* 'что с тобой?', а также в составных словах *kmā* (*kīmā*) 'сколько' от сравнительной частицы *k^e* + *mā* и в *ḥāktmā* 'несколько', 'некоторые' от *ḥa* 'один' и *kmā*. Вопросительное местоимение *mā* имеется и в форме *mūdiī*.

Адъективное вопросительное местоимение *ēniī* (< *ēnīn*) 'который?' состоит из двух частей: общесемитского *aī* и *nīn*. Элемент *aī* встречается и в другом аналогичном слове *imne* (усеченная форма *im*), особенно распространенном в разговорном языке. Слово *imne* восходит к *e-min-e*, а последнее состоит из *aī* + предлог *min* 'из', 'от' + *-ē* (местоименный суффикс 3-го л. мн. ч.), букв. 'который из них?', например: *im brāta?* 'которая девушка?', *im Abram?* 'который (какой) Абрам?'

НЕОПРЕДЕЛЕННЫЕ, ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ И ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Для образования неопределенных и отрицательных местоимений используются слова *nāša* 'человек' и *mindīi* 'предмет', 'вещь':

ḥa nāša 'кто-то', 'кто-нибудь';

ḥa mindīi 'что-то', 'что-нибудь';

hič nāša 'никто';

hič mindīi 'ничто', 'ничего'.

Общесемитское определительное местоимение *kull* встречается в словах: *kul*, *kulḥa* 'каждый (-ая)', *kulmindīi* 'всё', *kule* 'все'.

ИМЯ

ИМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

В семитских языках, в том числе и в ассирийском, образование именных основ или, иначе говоря, именное образование, занимает важное место в грамматической системе данных языков. Для ассирийского языка сказанное приобретет особое значение, если учесть именной характер ассирийских глаголов (см. стр. 47—48).

К двухсогласным именам относятся в основном слова, обозначающие родство (*īmā* 'мать' от *im*; *aḥūna* 'брат' и *ḥāta* 'сестра' от *ḥ*; *ḥmātā* 'свекровь' и *ḥimīānā* 'свекор' от *ḥm*), части тела (*īda* 'рука' от *id*; *dimā* 'кровь' от *dm*) и некоторые другие (*šimā* 'имя' < *šm*, *ištā* 'дно' от *št*).

Из трехсогласных основ особенно распространены односложные с гласными *a*, *i*, *u* (*qatl*, *qitl*, *qutl*), обозначаю-

щие большей частью конкретные имена, например: *lahma* 'хлеб', *mälkü* 'царь', *tälgä* 'снег', *qitmä* 'зола', *gipnä* 'бок', 'сторона', *miṭrā* 'дождь', *urḥa* 'дорога' от *'rḥ*, *buḥra* 'первенец', *umra* 'церковь' от *'mr*. Типы *qitl* и *qutl* часто передают также и абстрактные значения: *kipnä* 'голод', *qurba* 'близость', *umqa* 'глубина', *quḏša* 'святость'.

Часть трехсогласных односложных имен получена от двусложных, в результате редукции второго гласного, например: *givrä* 'проказа' от *girab-ä*, *niqva* 'самка' от *niqab-ä*, *ḥalva* 'молоко' от *ḥalab-ä*.

Односложные именные основы с долгими гласными в большинстве случаев представляют собой отглагольные имена: инфинитивы (*ptāḥ-a* 'открывать', *qtātā* 'убивать', *qrēta* 'читать') и причастия страдательного залога (*šmītā* 'сломанный', *ktivā* 'написанный'), а также конкретные имена: *ḥmāra* 'осел', *qdāla* 'шея', *nāša* 'человек' (от *'nāš-ä*).

Тип *qtul* обычно передает имена прилагательные, например: *smūq-a* 'красный', *kūm-a* 'черный' (от *'km*), *pūḥ-a* 'плоский'.

Двусложные основы (первичного происхождения) сохраняются, если в первом слоге имеется долгий гласный (*qātil*, *qātul*). Форма *qātil* встречается обычно в причастиях действительного залога, например: *šaviq* 'отпускающий', *qātil* 'убивающий', и в некоторых именах существительных (в результате прибавления именного окончания *-a* в виде *qātīla*): *qarīta* 'балка', *šaḡīta* 'ручей'. По типу *qātul* образуются имена деятеля: *qaṭūla* 'убийца', *raḥūta* 'быстробегущий'; имена существительные: *qarūva* 'петух', *ālūtā* (от *'alūl-a*) 'улица'. В названных примерах ударение переходит с конца на второй слог, что вызывает удлинение подударных гласных в открытых слогах и переход первичных долгих гласных в краткие.

Двусложные основы имеются и в тех случаях, когда средний корневой исторически удвоен. Из них особенно распространены типы: *qattāl*, выражающий имена деятеля (*rākāva* 'всадник' от *rakkāb-ä*, *ḥāsādā* 'косарь' от *ḥaṣṣād-ä*, *palāḥa* 'рабочий' от *pallāḥ-ä*) и *qattīl*, образующий прилагательные (*mārīra* 'горький' от *marrīr-ä*, *šapīra* 'красивый' от *šappīr-ä*, *šaḥīna* 'теплый' от *šaḥḥīn-ä*).

Остальные типы двусложных слов (*qittāl*, *qattul*, *quttāl*, *qittūl*) встречаются редко. Таковы: *lišānā* 'язык' от *liššān-ä*, *būsāmā* 'удовольствие' от *bussām-ä*, *tānūrā* 'печь' от *tannūr-ä*, *šipūla* 'подол', 'кайма' от *šippūl-ä*.

Четырехсогласные слова обычно являются результатом удвоения двусогласных корней или одного из корневых в трехсогласных словах. Например: *pirpīra* 'бабочка' от удвоения *pr*, *pälggīg'ä* 'часть' от *plg-g* (ср. *pälgä* 'половина', глагол *pälig* 'делить'). Встречаются четырехсогласные

слова и другого типа, имеющие соответствия в родственных языках: *prizlā* 'железо' (корень *przl*), ср. араб. *firzal*, евр. *barzel*; *āqirvā* 'скорпион' (корень 'qrb), ср. араб. 'aqrab, евр. 'agrāb, аккад. agrabu.

СЛОЖНЫЕ СЛОВА

В ассирийском языке имеется немало композитов — слов со сложными основами. Композиты в древних семитских языках почти не встречаются; исключение составляют собственные имена (араб. 'abdu-l lāhi 'Абдулла', 'раб божий', евр. p'nū-'el 'Пенуэл', 'лик божий'). Образование сложных имен в семитских языках — явление новое, и оно особенно широко распространилось в современном ассирийском языке.

Подавляющее большинство сложных имен представляет собой старую генетивную конструкцию, образованную посредством формы status constructus (см. ниже) и связывающую два имени существительных, например: *qišṭimārān* 'радуга' от *qišṭi* 'лук для стрел' (st. constr.) и *mārān* 'наш господь', т. е. 'лук господя нашего'; *parḥalēli* 'летучая мышь', 'ночная бабочка' от *parḥat* (st. constr.) 'летающая' и *lēli* 'ночь', т. е. 'летающая ночью'; *baḡmālkā* 'царица' от *baḥt* (st. constr.) 'жена' и *mālkā* 'царь', т. е. 'жена царя'.

Особенно часто встречаются композиты с компонентами *bar* 'сын' или *brā* 'дочь' (< *brāt*), оба в status constructus: *bārzārā* 'семья', 'плодовая косточка' от *bar* 'сын' и *zārā* 'семья', *bardima* 'убийца' от *bar* 'сын' и *dima* 'кровь', т. е. 'сын крови', *barnāša* 'человек' от *bar* и *nāša* 'человек', т. е. 'сын человека'; *brāšipā* 'наперсток' от *brā* 'дочь' и *šipā* 'палец', т. е. 'дочь пальца', *braqāla* 'эхэ' от *brā* и *qāla* 'голос', т. е. 'дочь голоса'.

Композиты-прилагательные образуются при помощи слова *mar* или *māri* (< *māriā*) 'владелец', 'хозяин' (st. constr.) (ср. араб. *ḡū* و), например: *maršima* 'известный', 'знаменитый' от *māri* и *šima* 'имя', букв. 'владелец имени', 'имеющий имя'; *mārḥāsīt* 'плодородный' от *māri* и *ḥāsīt* 'плод', букв. 'имеющий плод'; *mārāqit* 'умный', букв. 'имеющий ум'.

Так же образуются и некоторые имена существительные, например: *marbēta* 'хозяин', букв. 'владелец дома'. Встречаются композиты, содержащие предлоги: *barqāla* 'затылок' от *bar* 'за' и *qāla* 'шея', букв. 'за шеей'; *berāši* 'вечером' от *bēt* 'между' и *rāši* < *ramši* 'вечера' (мн. ч.), т. е. 'между вечерами'.

Негативные прилагательные и абстрактные имена образуются путем присоединения отрицательной частицы *lā* к соответствующему слову: *hemanūta* 'вера', а *lahemanūta* 'неверие'; *ḥoš* 'приятный', 'желательный', а *lāḥoš* 'неприятный', 'нежелательный'. Из композитов другого типа следует отметить такие, как *ḥwardiqna* 'старик' от *ḥvāra* 'белый' и *dīqna* 'борода'.

букв. 'белобородый' или *hvarpāta* 'нешивный' (букв. 'белоликий') и *kūmpātā* 'виновный' от '*kūmā* 'черный', *pāta* 'лицо', букв. 'чернолицкий'.

Кроме того, имеется еще группа сложных имен, представляющих собой новую генетивную конструкцию, образованную при помощи относительной частицы *d* (см. стр. 45, 80—81). Они образуются буквально на наших глазах. Примеры: *dīmīḡāḡni* 'слезы' от *dīmā* 'кровь' и *āḡni* 'глаза', букв. 'кровь глаз'; *mārīḡāḡniḡāzi* 'гусепас' от *mārīḡāḡnā* 'пастух' и *qāzi* 'гусь', букв. 'пастух гусей'.

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ АФФИКСЫ

Среди словообразовательных аффиксов встречаются как префиксы, так и суффиксы, особенно последние.

Префиксы

ma- образует: а) имена места действия, например: *maškāna* 'жилье', 'жилое помещение' от *škn* 'жить'; *mārīḡā* 'пастбище' < *mārīḡā* от '*rī* 'пасты'; *madīnḡa* 'восток'; б) имена орудий, например: *māgrātā* 'бритва' < *magrātā* от *gr* 'брить', 'стричь'; *mārkāvtā* 'колесница' от *rkb* 'ездить'; *māglā* 'серп' от *nḡl*.

mī- образует имена орудий: *misriḡta* 'гребень' от *srq* 'причесывать волосы'; *mihulta* 'сито'; *mīlḡava* 'вилы'.

tī- образует некоторые абстрактные имена: *tīzbuḡḡta* 'слава' от *šbh* 'славить', 'прославлять'; *tīšmīštā* 'служба' от *šmš* 'служить'.

ta- — редко встречающийся именной префикс: *talmīda* 'ученик' от *lmd* 'учиться', *temāna* < *taimāna* 'юг' (ср. араб. *īaman*, набат. *īamīn* 'юг', а также ассир. *īamīna* и араб. *īamīn* 'правая рука', 'правая сторона').

Суффиксы

-āna (< *ān-ā*) — очень распространенный суффикс, образующий: а) имя деятеля (nomina agentis) от причастий действительного залога, которые ныне выступают только в роли глагола (см. ниже): *kātḡvānā* 'писатель' от *kātiv* 'пишущий'; *pālḡānā* 'выходящий' от *pālīḡ*; *orānā* < *āvḡrānā* < *āvīr* 'входящий'; б) имена прилагательные от имен существительных: *barāna* 'светлый' от *bāra* 'свет'; *ḡelāna* 'сильный' от *ḡela* 'сила'; *šimsānā* 'солнечный' от *šimsū* 'солнце'; в) абстрактные имена от причастий страдательного залога: *purqāna* 'спасение' от *purqa* 'спасенный'; *puqdāna* 'приказание', 'приказ' от *puqda* 'приказанный'.

-ūna (< *ūn-ā*) образует уменьшительные имена: *īalūna* 'мальчишка' от *īala* 'мальчик'; *našūna* 'человечек' от *nāša* 'человек'; *ḡatunta* 'сестричка' от *ḡāta* 'сестра'. Некоторые умень-

питательные имена потеряли свое значение, например: *aḥūna* 'брат'; *brūna* 'сын' (от *bar*); *sāvūnā* 'дед' от *sāvū* 'старик'.

-āīa (< āī-ā) образует имена относительные (в том числе *nomina gentilia*): *šenāīa* 'мирный' от *šēna* 'мир', *atrāīa* 'принадлежащий стране' от *atra* 'страна'; *Nūstūr* 'Нестор' — *nūstūrāīa* 'несторпонец' (последователь несторпнянского толка), *Ṭīīarī* 'Тиари' — *ṭīīarāīa* 'тиарнец'.

-anāīa или -nāīa — сложный суффикс, полученный от слияния предыдущего -āna и суффикса -āīa: *ṭūrā* 'гора' — *ṭūrānāīa* 'горец'; *Urmīi* 'Урмия' — *urmižnāīa* 'урмиец'; *sālmāsnāīa* 'саламасец', 'житель Саламаса'; *urusnāīa* 'русский'; *aramnāīa* 'армянин'. Суффикс -anāīa (-nāīa) в прилагательных, обозначающих цвет, вносит оттенок смягчения: *zārdū* 'желтый' — *zārdūnāīa* 'желтоватый'; *smūqa* 'красный' — *smuqnāīa* 'красноватый'.

-ūta (< ūt-ā) образует большинство абстрактных имен как от прилагательных (*šidānā* 'сумасшедший' — *šidānūta* 'сумасшествие', *īarīḥa* 'длинный' — *īarīḥūta* 'длина', *spāi* 'добрый', 'хороший' — *spāiūta* 'доброта'), так и от существительных (*īāla* 'ребенок' — *īalūta* 'детство', *dost* 'друг' — *dostūta* 'дружба').

-īa (< -ī-ā) встречается в некоторых абстрактных именах: *žgūšīa* 'волнение', 'бунт', *šḥunīa* 'теплота', *zlmīa* 'мучение' (соответственно от корней *šgš*, *šḥn*, *zlm*).

-īta (< īt-ā) образует имена единичности: *ḥīṭī* 'пшеница' — *ḥīṭīta* 'одно зерно пшеницы'; *ānvī* 'виноград' — *ānvīta* 'виноградина'.

-čī представляет собой турецкий суффикс -çi и образует имя профессии. Например: в словах тюркского происхождения: *ḥatamčī* 'банщик', *gemičī* 'лодочник'; в словах арамейского происхождения: *ṭāḥānčī* рядом с *ṭāḥānā* 'мельник'; *šarḥāčī* 'телятник' от *šarḥa* 'теленек'; *urḥāčī* 'путешественник' от *urḥa* 'дорога'.

Резюмируя сказанное выше о словообразовании, следует подчеркнуть, что в современном ассирийском языке средства словообразования довольно разнообразны. Наряду с образованием слов при помощи аффиксации и созданием сложных имен-композигов особое место уделяется словообразованию путем флексии основ (чередования гласных), характерной для семитских языков вообще. Ср. *mā-rīīa* 'пастбище' от *rāīa* 'пасты', *kitāv-ūna* 'книжка' от *kitāvā* 'книга', *qištimārān* 'радуга' от *qišlu* и *mārān*; *gāḥīk* 'смеяться', *gīḥkā* 'смех', *gāḥūka* 'тот, кто любит смеяться'.

ИМЕННАЯ ФЛЕКСИЯ

В современном ассирийском языке имена прилагательные и имена существительные имеют одни и те же категории: род, число, состояние (*status*). Степени сравнения, присущие

прилагательным, полностью заменены описательным образованием. Склонение отсутствует.

Род

В ассирийском различают два рода: мужской и женский. Имена существительные мужского рода не имеют родовых показателей, имена же существительные женского рода снабжены соответствующими окончаниями.

Род имен существительных, обозначающих одушевленные предметы, иногда различается семантически: *nāša* 'мужчина', но *bahša* 'женщина'; *urza* 'самец', но *niqua* 'самка'.

Показателем женского рода в большинстве случаев является формант *-ta* (<*-tā*): *nāvīgā* 'внук', но *nāviktā* 'внучка'. Окончание имен женского рода *-ta* фактически состоит из двух элементов; *t* (историческое *at*) и окончания имен в *status emphaticus* *-ā* (см. стр. 42). Старое окончание женского рода *-at* сохранилось в некоторых двусогласных именах, например: *brāta* 'девушка', 'дочь', *hmātā* 'свекровь', 'теща' с удлинением *ā* перед *t*. Гласный *a* в окончании *at* сохранился также в сложных именах: *brāsiṣpā* 'наперсток', *braqāla* 'эхо' и др., где спирантизованный *t* после *a* опущен: *braṭqāla* > *braqāla*, *brāsiṣpā* > *brāsiṣpā*.

В *status emphaticus*, который стал обычным состоянием имен в современном ассирийском языке, гласный элемент женского форманта *at* редуцировался (*-at-ā* > *-tā*), а впоследствии исчез совсем. Таким образом получилось обычное окончание имен женского рода *-ta*: *dārtā* 'двор', *qarta* 'холод'. Формант *-ta* образует также имена прилагательные и причастия женского рода: *smuqta* 'красная' от *smūqa* 'красный', *bištā* 'злая' от *bīšā* 'злой', *qīlta* 'убитая' от *qīlā* 'убитый'.

В ассирийском языке есть и другой показатель женского рода *-i* (<*-ī*), который встречается довольно редко. Примеры: *ūri* (<'ūrī) 'ясли', *irḥi* 'мельница', *dūni* 'мир', 'вселенная'.

Имеется немало имен, относящихся к женскому роду, но не имеющих соответствующих показателей: имена, обозначающие лица женского пола: *īma* 'мать', *k'ālū* 'невестка'; названия парных частей тела: *idā* 'рука', *ainā* 'глаз', *nāta* 'ухо'; названия стран, городов, местностей: *Misriṇ* 'Египет', *Amrikā* 'Америка', *madinḥa* 'Восток'; названия явлений природы: *pōḥa* 'ветер', *birqa* 'молния', *mītrā* 'дождь', и некоторые другие, как например: *ārā* 'земля', *šmāiā* 'небо', *nāra* 'река', *īāma* 'море', *āirā* 'облако'.

В ассирийском встречаются и такие имена, в том числе и заимствованные, которые принадлежат как к мужскому, так и к женскому роду, например *šimsā* 'солнце'.

Слова, заимствованные из других языков, большей частью сохраняют свой род. Это касается особенно арабских слов с окончанием женского рода *-t*: *ḥaṣīat* 'характер', *diqet* 'внимание'.

Некоторые заимствованные слова, обозначающие пол, снабжаются формантом *-ta*: *āga*, *aḡāja* 'господин' (из тюрк.), но *aḡēta* 'госпожа', *sōḡül* (из тюрк.) 'любимый', но *sōḡültä* 'любимая'.

Иноязычные имена, обозначающие профессии, одинаково употребляются как в мужском, так и в женском роде: *hakimbaš* 'знахарь' и 'знахарка', *ašpaṣ* 'повар' и 'повариха'.

Заимствованные имена прилагательные по родам обычно не меняются: *zäbün* 'слабый (-ая)', *täzä* 'новый (-ая)'. Некоторые из них принимают окончание женского рода *-ta* и *-i*, например: *qāia* 'сильный', 'крепкий'; *qāila* 'сильная', 'крепкая'; *zaḥta* 'энергичный', *zaḥti* 'энергичная'; *kürä* 'слепой' и *küri* 'слепая'.

Число

В современном ассирийском языке имя может иметь форму единственного и множественного числа. В некоторых словах можно наблюдать следы и двойственного числа. Числовые показатели различаются в зависимости от рода.

Наиболее распространенным окончанием множественного числа имен существительных мужского рода является *-ī*, ныне произносимое кратко *-i*. Оно представляет собой окончание названных имен в форме *status emphaticus* и присоединяется непосредственно к основе, например: *miz* 'стол' — *mīzi*; *dižmin* 'враг' — *dižmīni*. Если имя в единственном числе имеет окончание *-a* (этимологический *-ā*), то во множественном числе оно заменяется гласным *-i*, например: *īāla* 'ребенок' — *īāli* 'дети'; *tōrä* 'бык' — *tōri*.

Окончание *-i* образует множественное число от всех прилагательных, в том числе и от прилагательных женского рода: *ḥvāra* 'белый', *ḥvarta* 'белая' — мн. ч. *ḥvāri*.

Слова, оканчивающиеся в единственном числе на *-i*, во множественном числе не меняются: *dünīi* 'мир', 'вселенная' — ед. и мн. ч.

Прилагательные иноязычного происхождения, оканчивающиеся на согласные, во множественном числе, в подавляющем большинстве случаев, не меняются: *qōšun zīrāg* 'смелое войско' — *qōšūni zīrāg* 'смелые, brave войска'. В очень редких случаях такие прилагательные могут принимать окончание множественного числа: *zābun* 'слабый' — *zābūni* 'слабые' (*īāla zābun* 'слабый мальчик' — *īāli zābūni* 'слабые мальчики').

Множественное число имен мужского рода образуется также при помощи окончания *-āni* (этимологическое *-ānī*). Последнее является составным: элемент *-ān* и уже известное нам *-ī*. Особое применение этот формант нашел при образовании множественного числа имен с сонорными согласными в конце, например: *ātūlā* 'улица' — *ātulāni*; *īūma* 'день' — *īumāni*; *hamra* 'вино' — *hamrāni*.

Множественное число образуется также путем удвоения последнего корневого, причем с обязательным *-i* на конце: *gilā* 'трава' — *gilāli*; *birkā* 'колено' — *birkāki*; *riqa* 'лягушка' — *riqāqi*; *qiṭā* 'кусок', 'обломок' — *qiṭāli* (хотя исторически здесь последним корневым является не *!*, а впоследствии опущенный звонкий согласный «айн»).

Среди образователей множественного числа встречается и заимствованный из тюркских языков суффикс *-lar* с арамейским *-ī* — *-lāri*, например: *āga* 'господин' — *āgalāri*; *ada* 'остров' — *adalāri*.

Имена существительные женского рода также имеют несколько образователей множественного числа.

Среди них особенно распространено окончание *-āti* (*-ātī*), где фактически формантом множественного числа является *-āt*, конечное *-ī* представляет собой уже знакомое нам окончание имен множественного числа в *status emphaticus*. Окончание *-āti* в основном образует множественное число от имен женского рода без родовых показателей, например: *īmā* 'мать' — *īmāti*; *idā* 'рука' — *idāti*, *mēša* 'лес' — *mēšāti*, а также от имен с окончанием *-ta* в единственном числе: *dārtā* 'двор' — *dārāti*; *baḥta* 'женщина' — *baḥtāti*; *siptā* 'рыба' — *siptāti*.

Окончание *-iāti* (< *-iātī*) образует множественное число от имен с окончанием *-ta*. В этом случае *-iāti* заменяет *-ta*: *mitiltā* 'сказка' — *mitiliāti*; *šišiltā* 'цепь' — *šišiliāti*.

Окончание *-vāti* (< *-vātī*) образует множественное число от имен женского рода, не имеющих соответствующих формантов: *irḥi* 'мельница' — *irḥavāti*; *urḥa* 'дорога' — *urḥavāti*; исключение составляет *hūta* 'сестра' с окончанием *-ta* — *ḥatvāti*. В большом количестве случаев указанный образователь встречается во множественном числе имен мужского рода: *bāba* 'отец' — *babavāti*; *aḥūna* 'брат' — *aḥunvāti*; *hōra* 'товарищ' — *ḥoravāti*.

Ряд имен женского рода образует множественное число так же, как и имена мужского рода, путем прибавления окончания *-i* (< *-ī*) или *āni*: *aqla* 'нога' — *aqli* (наряду с *aqlāti*); *himizmān* 'слово' — *himizmāni*; *šitā* 'год' — *šīni*; *biṭā* || *biḥtā* 'яйцо' — *biṭi*; *dūkātā* 'место' — *dūkāni*.

Особо следует выделить множественное число слов *brāna* 'сын' и *brāta* 'дочь', 'девочка', 'девушка'. В этих именах вто-

рой корневой *r* соответствует согласному *n* во всех других родственных семитских языках. Но такое соответствие имеет место в единственном числе, во множественном же числе в качестве второго корневого выступает общесемитский *n*: *bnāni* 'сыновья' и *bnāti* 'дочери', 'девушки'.

Интересно также отметить, что омонимы форму множественного числа иногда образуют по-разному: так, например, *āinā* значит 'глаз' и 'родник', 'источник', *āināti* означает 'родники', а *āini* — 'глаза'.

Следы двойственного числа можно усмотреть в форме числительного «два» — *ire* от *tr-ēn* < *tʳ-aiṅ* (см. ниже).

Состояние (status)

В семитских языках, в том числе и в арамейском, определенное значение имеет состояние имени — статус (status). В арамейском различают три состояния: 1) status emphaticus, или status determinativus — имя определяется суффиксальным артиклем, 2) status constructus — имя определяется последующим именем (по происхождению в родительном падеже), 3) status absolutus — простая форма имени, совпадающая с основой.

Окончания имен в названных статусах в арамейском языке:

	Status absolutus	Status constructus	Status emphaticus
Ед. ч.	м. р. —	—	-ā
	ж. р. -ā	-aṭ	- ^o ṭā
Мн. ч.	м. р. -īn	-ai(-ē)	-ē
	ж. р. -ān	-āṭ	-āṭā, -āṭē

В единственном числе в status absolutus и status constructus имена мужского рода представлены в виде чистой основы.

В современном ассирийском языке эти статусы вышли из употребления. Один из них — status emphaticus — стал обычной формой имен, потерявшей свою первоначальную функцию. Остальные же (status absolutus и status constructus) встречаются очень редко — лишь в некоторых случаях.

Окончание арамейских имен мужского рода в status emphaticus в единственном числе -ā в ассирийском языке ввиду безударности произносится как краткий *a* (на письме -ā сохраняется), а окончание множественного числа -ē перешло в -ī и по той же причине сократилось (-i): *mālkā* 'царь' от *malk-ā*, мн. ч. *mālki* от *malk-i*; *nāša* 'человек' — *nāši* 'люди'; *ḥabūša* 'яблоко' — *ḥabūši* 'яблоки'.

Эти же окончания употребляются и в именах женского рода; в единственном числе окончание \bar{a} присоединяется к показателю женского рода $-*at$, вследствие чего получается $-^e\bar{t}\bar{a} > \bar{t}\bar{a}$, произносимое как $-ta$. Во множественном числе \bar{i} присоединяется к показателю числа имен женского рода $\bar{a}\bar{t}$, отсюда $\bar{a}\bar{t}\bar{i}$, произносимое как $\bar{a}\bar{t}\bar{i}$: *ḡamāti* 'моря', *āḡnāti* 'источники', *ḡatvāti* 'сестры' (см. стр. 41).

В ассирийском языке в форме status emphaticus единственного числа встречаются имена мужского рода с окончанием $-i$ ($< \bar{i}$), например: *sūsi* (*sūs-i*) 'лошадь', *lēli* ($< \bar{l}\bar{e}\bar{l}-\bar{i}$) 'ночь'. Но этот \bar{i} не имеет ничего общего с окончанием имен множественного числа и происходит от форманта $-\bar{i}\bar{a}$, где \bar{i} является последним корневым согласным, а окончание \bar{a} представляет собой формант формы status emphaticus: *lēli* $<$ *lēli-ā*.

Слова, не имеющие окончания формы status emphaticus, как правило, иноязычного происхождения: *qoḡhoz* 'колхоз', *ḡāmat* 'баня' и др. Но наряду с ними встречаются заимствованные имена, снабженные окончанием \bar{a} (таких сравнительно мало): *varāqa* 'бумага' от араб. *varaqa*, *dēva* 'дэв', 'злой дух' $<$ перс. *dīv*.

Еще реже встречаются иноязычные прилагательные с арамейским окончанием \bar{a} . Во множественном же числе все имена (в том числе и прилагательные) любого происхождения имеют соответствующее окончание формы status emphaticus — \bar{i} (в виде $-i$ краткого): *qoḡḡōzi* 'колхозы', *zābūni* 'слабые', *varāqi* 'бумаги', *ḡimāvāri* 'самовары'.

Status absolutus сохранился среди имен числительных, именно в количественных числительных, обозначающих десятки: от двадцати до девяносто (включительно). Десятки представляют собой множественное число соответствующих единиц (см. стр. 46). Окончание десятков — это окончание имен множественного числа мужского рода в status absolutus — \bar{i} (идущее от $\bar{i}\bar{n}$): *ḡamši* (от *ḡamšī* $<$ *ḡamšīn*) 'пятьдесят' мн. ч. от *ḡamša* 'пять', *ārpi* 'сорок' мн. ч. от *ārpa* 'четыре' и т. д. Окончание status absolutus во множественном числе \bar{i} сохранено также в причастиях действительного залога, употребляемых исключительно в качестве глагола: *parqi* (от *parqī* $<$ *parqīn*) 'кончающие' в значении «кончают». В форме status absolutus встречаются и причастия страдательного залога опять-таки с глагольным значением: *prīqluḡ* 'ты кончил' от *prīḡ* 'кончившийся' (st. abs. и $-l-uh$, суффикс 2-го л. м. р. ед. ч. с частицей $l-$) (см. стр. 54).

Status absolutus, кроме названных случаев, встречается и в некоторых абстрактных именах и наречиях, например: *āmqu* 'глубина' от *amquḡ*; *midri* 'опять' от *min-d-rīš* (*rīš* 'голова' в st. abs.).

Status constructus сохранился в сложных именах и в некоторых специфических словосочетаниях.

В единственном числе, как это указывалось выше, имя мужского рода представлено в виде чистой основы, а имя женского рода со старым родовым окончанием *-at*. Так, например, *bitqōri* 'кладбище' < *bīt* 'дом' (st. constr.) и *qōri* 'могила' (st. emph.); *māriḡimā* 'дорогой' от *mārī* 'владелец' (st. constr., st. emph.—*māriā*) и *ḡimā* 'цена', букв. 'владелец цены', т. е. 'имеющий цену', 'дорогой'; *rišaqla* 'колени' от *rīš* 'голова' (st. constr.) и *aqla* 'нога' (st. emph.), букв. 'голова ноги', 'колени' и др.

В словах женского рода спирантизованный *t* после гласного *a* опускается: *braqāla* 'дочь' от *braṭqāla* (букв. 'дочь голоса'); *āzṭākūši* 'наук' от *azṭaṭ kūši* (букв. 'прядильница веретена'); *parḡalēli* 'ночная бабочка' от *parḡaṭ lēli* (букв. 'летающая ночью').

Окончание имен двойственного числа *-ēn* в виде *-ē* сохранилось в числительном *tre* < *trē* 'два'. В словосочетаниях типа *bne* (реже *bnē*)*mḡitā* 'горожане' и *bne* (*bnē*)*mḡitā* 'сельчане' слово *bnē* представляет собой множественное число от *bar* 'сын' в форме status constructus.

В современном ассирийском языке status constructus целиком заменен генетивной конструкцией с частицей *d*: *brūna d^emālkā* 'сын царя' вместо старого *bar mālkā*.

Исходя из сказанного выше, можно следующим образом представить флексию ассирийских имен по статусам (по сохранившимся материалам):

Имена мужского рода	Единственное число	Множественное число
Status absolutus	<i>rīš, prīq</i>	<i>prīqī(n)</i>
Status constructus	<i>rīš, bar</i>	<i>bnē</i>
Status emphaticus	<i>rīš-ā, prīq-ā</i>	<i>rīš-ī, prīq-ī</i>
Имена женского рода	Единственное число	Множественное число
Status absolutus	<i>prīqa</i>	—
Status constructus	<i>parḡa(t)</i>	—
Status emphaticus	<i>prīq-tā</i>	<i>ḡamātī</i>

Примечания. 1. Имена женского рода в status absolutus и status constructus во множественном числе не встречаются.

2. Долгота конечных гласных этимологического характера; в произношении они краткие.

Выражение надежд

В арамейском языке категории склонения имен не сохранилось, нет следов древних надежд и в современном ассирийском языке. Высказывания некоторых ученых (например, Нельдеке) по поводу окаменевших надежных окончаний, представленных гласными элементами суффиксов, кажутся малоубедительными.

Для выражения надежд в современном ассирийском языке широко применяются частицы и предлоги.

Значение родительного падежа передается при помощи частицы *d(d')*, которая ставится в начале данного слова: *d'mälkä* 'царя' (*brūna d'mälkä* 'сын царя'), *d'hōra* 'товарища' (*šlāmā d'hōra* 'привет товарища').

Значение винительного падежа (аккузатива) часто выражается при помощи предлога *l(l')* или *qa* (в разговорном языке): *āna g'zīlī l'īāla* (или *qa īāla*) 'я видел ребенка'; *av qīlī ldižminu* (или *qa dižminu*) 'он убил своего врага'. Иногда (особенно часто в разговорной речи) соответствующие частицы опускаются: *āna g'zīlī īāla*, *av qīlī dižminu*.

Для передачи дательного падежа часто применяется также частица *l'* (с местоимениями *il-*), известная в грамматической литературе как «частица дательного падежа» (*nota dativi*): *brānu hišli l-mditā* 'его сын ушел в город'; *šlāmā drīli l-nāša* 'приветствовал человека'.

ИМЕНА ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Семитские количественные числительные от одного до девятнадцати имеют мужской и женский род, как и прилагательные, но в современном ассирийском языке сохранились только числительные мужского рода; исключение составляет числительное «один», женский род которого все еще употребляется (хотя исключительно в литературном языке).

1 — <i>ha</i> , ж. р. <i>gda</i> (< <i>hdā</i>)	11 — <i>hātīsār</i> (< <i>had' sar</i>)
2 — <i>tre</i> (< <i>trēn</i>)	12 — <i>t'rišār</i> (< <i>t're' sar</i>)
3 — <i>ilā</i> (< <i>tlāt</i>)	13 — <i>tātīāsār</i> (< <i>talta' sar</i>)
4 — <i>ārpā</i> (< <i>'arbā</i>)	14 — <i>ār pāsār</i> (< <i>arba' sar</i>)
5 — <i>hamša</i> (< <i>hamšā</i>)	15 — <i>hāmšāsār</i> (< <i>hamša' sar</i>)
6 — <i>ištā</i> (< <i>ištā</i>)	16 — <i>išīāsār</i> (< <i>išta' sar</i>)
7 — <i>šāvā</i> (< <i>šabā</i>)	17 — <i>sāvāsār</i> (< <i>šaba' sar</i>)
8 — <i>tmāniā</i> (<i>t'māniā</i>)	18 — <i>tmānišār</i> (< <i>tmāni' sar</i>)
9 — <i>ičā</i> (< <i>its'ā</i>)	19 — <i>ičāsār</i> (< <i>išta' sar</i>)
10 — <i>išrā</i> (< <i>'isrā</i>)	

Числительные второго десятка состоят из соответствующих единиц в status absolutus, присоединяющихся к числительному «десять» *sar (также st. abs.): *ḥad* 'один' и *sar 'десять' > *ḥad**sar > *ḥāṭīšār* 'одиннадцать'.

Названия десятков от тридцати до девяноста представляют собой форму множественного числа соответствующих единиц в status absolutus:

30 — <i>tlāi</i>	(мн. ч. от <i>tlā</i> 'три')
40 — <i>ārpī</i>	(мн. ч. от <i>ārpā</i> 'четыре')
50 — <i>ḥamši</i>	(мн. ч. от <i>ḥamša</i> 'пять')
60 — <i>išti</i>	(мн. ч. от <i>ištā</i> 'шесть')
70 — <i>šāvi</i>	(мн. ч. от <i>šāvā</i> 'семь')
80 — <i>tmāni</i>	(мн. ч. от <i>tmāniā</i> 'восемь')
90 — <i>iḥi</i>	(мн. ч. от <i>iḥā</i> 'девять')

Для числительного «двадцать» в семитских языках употреблялось двойственное число от числительного «десять». Но в арамейском, в том числе и в современном ассирийском языке, окончание двойственного числа, по аналогии с другими десятками, было заменено окончанием множественного числа. Таким образом получилось *iṣri* от *iṣrīn*.

Единицы к десяткам прибавляются непосредственно: 21 — *iṣri ḥa*, 22 — *iṣri tre* и т. д.

Числительные 100 и 1000 имеют по одному роду, как существительные, а именно: 100 — *imā* (*ma*) — имя женского рода, а 1000 — *ālpā* — мужского рода.

Названия сотен представляют собой сложные слова, в которых первый компонент выражает единицы, а второй является числительным — *ma* 'сто':

200 — <i>trema</i>	600 — <i>ištāmā</i>
300 — <i>tlāmā</i>	700 — <i>šāvāmā</i>
400 — <i>ārpāmā</i>	800 — <i>tmāniāmā</i>
500 — <i>ḥamšama</i>	900 — <i>iḥāmā</i>

Тысячи:

1000 — <i>ḥa ālpā</i>
2000 — <i>tre ālpi</i>
3000 — <i>tlā ālpi</i>
4000 — <i>ārpā ālpi</i> и т. д.

Слово *ālpi* представляет собой множественное число от *ālpā*.

Количественное числительное предшествует исчисляемому: *tre süsāvāti* 'две лошади', *ārpā bnīni* 'четыре сына' и т. д.

ПОРЯДКОВЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Все порядковые числительные, кроме числительного «первый», иногда и «второй», образуются от соответствующих количественных:

<i>treiāna</i>	‘второй’	<i>treiānta</i>	‘вторая’
<i>tlitāiā</i>	‘третий’	<i>tlitētā</i>	‘третья’
<i>rvīiāiā</i>	‘четвертый’	<i>rvīiētā</i>	‘четвертая’
<i>ḥmišāiā</i>	‘пятый’	<i>ḥmišētā</i>	‘пятая’
<i>štītāiā</i>	‘шестой’	<i>štītētā</i>	‘шестая’
<i>švīiāiā</i>	‘седьмой’	<i>švīiētā</i>	‘седьмая’
<i>tmināiā</i>	‘восьмой’	<i>tminētā</i>	‘восьмая’
<i>içāiā</i>	‘девятый’	<i>içētā</i>	‘девятая’
<i>siḥiāiā</i>	‘десятый’	<i>siḥētā</i>	‘десятая’

Кроме того, для образования порядковых числительных может быть использован и другой способ: перед соответствующими количественными числительными ставится относительная частица *d*: *tre* ‘два’, а *d^etre* ‘второй (-ая)’: *iāla d^etre* ‘второй ребенок’; *itā* ‘три’, *d^eitā* ‘третий (-ья)’: *bēta d^eitā* ‘третий дом’.

Числительное «первый» образуется от корня *qdm*: *qamāiā* < *qadmāiā* и ж. р. *qamēta* < *qadmāitā*. (От того же корня образуются слова: *qam* ‘перед’, *qadma* ‘передняя часть’, *qādim* ‘опережать’).

Порядковые числительные, в противоположность количественным, ставятся после исчисляемого: *baḥta treiānta* или *baḥta d^etre* ‘вторая жена’.

[СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Собирательные числительные образуются от количественных при помощи окончания *-unte* (*ūntē*): *ḥamša* ‘пять’ — *ḥamšunte* ‘пятеро’; *ārpā* ‘четыре’ — *ārpunte* ‘четверо’, ‘четвером’; *tre* ‘два’ — *tirvunte* ‘оба’ с согласным *v* (< *ц*) перед *-unte*. Наряду с окончанием *-unte* еще встречается *-e*: *tirve* ‘оба’. Окончание *-e* (или *-vē* < *-цē*) встречается только в слове *tirve*.

ГЛАГОЛ

Система спряжения глаголов в современном ассирийском языке претерпела сильное изменение сравнительно с другими родственными языками, и в первую очередь сравнительно с древнеарамейскими диалектами. Исчезли личные формы глагола (за исключением повелительного наклонения), и в основу всего спряжения легли отглагольные имена: причастия и

инфинитивы. Поэтому говорить о глаголе в ассирийском языке приходится условно, подразумевая отглагольные новообразования.

КЛАССИФИКАЦИЯ ГЛАГОЛОВ

Ассирийские глаголы с точки зрения структуры корня бывают трех- и четырехсогласные, причем четырехсогласных глаголов в ассирийском языке больше, чем в любом другом семитском языке. Часть из них заимствована из других языков, например *hāmzim* 'говорить' (из курдского), часть же представляет собой трехсогласные глаголы с морфологическим элементом, превратившимся фактически в корневой согласный, например *m-* в глаголе *māqīl* 'принудить убить кого-либо'.

Среди трехсогласных глаголов, т. е. глаголов с тремя корневыми согласными, много так называемых «слабых». Это глаголы, корни которых содержат легко опускаемые согласные *u*, *i*, *'*, *h*, *'*. Вследствие утери геминации древние геминированные глаголы (глаголы с удвоенными корневыми) превратились в слабые, например: *tā'im* 'быть законченным, совершенным' восходит к корню *tmm*.

В языке встречаются и обособленные глаголы, например *iāvil* 'давать'.

Ассирийский глагол имеет следующие категории: породы, наклонение, время, лицо, род, число и залог. Флексия глагола по названным категориям составляет суть спряжения ассирийского глагола. В системе этого спряжения весьма важную роль играют два вспомогательных глагола, так называемые *verbum existentium* и *verbum substantivum*.

VERBUM EXISTENTIUM

Verbum existentium ('глагол существования') известен и в других семитских языках, в том числе и в арамейском. Он представляет собой глагол-частицу: частицу, поскольку он не меняется по лицам, родам и числам, глагол, поскольку выражает действие («есть», «существует») и кроме утвердительной имеет и отрицательную форму («нет», «не существует»), а также два времени: настоящее и прошедшее. Этот глагол имеет форму только 3-го лица, общую для обоих чисел и родов:

it 'есть', 'существует' (от *'it*);

lit 'нет', 'не существует' (от *lā'it*).

Для образования прошедшего времени к глаголу прибавляется частица *-va*:

itva 'был', 'существовал';

litva 'не был', 'не существовал'.

При помощи местоименных суффиксов и частицы *l-* (*nota dativi*) образуются формы, выражающие принадлежность («иметь»).

Н а с т о я щ е е в р е м я

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>itlii</i> < <i>it-l-iī</i>	<i>itlän</i>
2-е л.	{ м. р. <i>itluh</i>	<i>itlohun</i>
	{ ж. р. <i>itlah</i>	
3-е л.	{ м. р. <i>itli</i>	<i>itlun</i>
	{ ж. р. <i>itlä</i>	

О т р и ц а т е л ь н ы е ф о р м ы

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>litlii</i>	<i>litlän</i>
2-е л.	{ м. р. <i>litluh</i>	<i>litlohun</i>
	{ ж. р. <i>litlah</i>	
3-е л.	{ м. р. <i>litli</i>	<i>litlun</i>
	{ ж. р. <i>litlä</i>	

П р о ш е д ш е е в р е м я

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>itvälii</i>	<i>itvälän</i>
2-е л.	{ м. р. <i>itväluh</i>	<i>itvälohun</i>
	{ ж. р. <i>itväläh</i>	
3-е л.	{ м. р. <i>itväli</i>	<i>itvälun</i>
	{ ж. р. <i>itvälä</i>	

О т р и ц а т е л ь н ы е ф о р м ы

	Единственное число	Множественное число
1-е л.	<i>litvälii</i>	<i>litvälän</i>
2-е л.	{ м. р. <i>litväluh</i>	<i>litvälohun</i>
	{ ж. р. <i>litväläh</i>	
3-е л.	{ м. р. <i>litväli</i>	<i>litvälun</i>
	{ ж. р. <i>litvälä</i>	

VERBUM SUBSTANTIVUM

Verbum substantivum (вспомогательный глагол «быть») имеет два времени: настоящее и прошедшее.

Н а с т о я щ е е в р е м я

		Единственное число	Множественное число
1-е л.	м. р.	<i>iv̄in</i>	
	ж. р.	<i>iv̄än</i>	<i>iv̄äh</i>
2-е л.	м. р.	<i>iv̄it</i>	
	ж. р.	<i>iv̄ät</i>	<i>itun</i>
3-е л.	м. р.	<i>ili</i>	
	ж. р.	<i>ilä</i>	<i>inä</i>

Примеры: *āna ṣṭudeniv̄in* 'я студент' (букв. 'я есть студент'), *o iāla iskülāḷeli* 'тот мальчик ученик' (букв. 'тот мальчик есть ученик').

Прошедшее время образуется от настоящего при помощи энклитической частицы *-va*:

		Единственное число	Множественное число
1-е л.	м. р.	<i>iv̄invä</i>	
	ж. р.	<i>iv̄änvä</i>	<i>iv̄ähvä</i>
2-е л.	м. р.	<i>iv̄itvä</i>	
	ж. р.	<i>iv̄ätvä</i>	<i>itunva</i>
3-е л.		<i>iv̄ä</i>	<i>iv̄ä</i>

Примеры: *āna ṣṭudeniv̄invä* 'я был студентом', *o iāla iskülāḷevä* 'тот мальчик был учеником'.

П О Р О Д Ы

Семитским языкам, в том числе арамейскому, присуще образование глагольных производных форм, так называемых «пород». Породы — основы, выражающие видоизменения действия или состояния по количеству, качеству или направлению⁴⁷. Самыми распространенными породами в семитских языках являются: основная порода, самая простая по своей структуре и первичная (исходная) по своему значению, и производные: усиленная (интенсив) и принудительная (каузатив). Каждая из этих пород в арамейском языке имеет свою возвратную породу (рефлексив).

Современный сирийский язык наряду с отглагольными именами основной породы (так называемая P^{ea}l⁴⁸) сохранил причастия и инфинитивы усиленной (Pael) и принудительной (Afel) пород, при этом сохранились и глагольные формы повелительного наклонения.

⁴⁷ Н.В. Юшманов, *Строй арабского языка*, Л., 1938, стр. 31.

⁴⁸ Название породы представляет собой форму глагола *p'l* 'делать' в данной породе.

Основная порода (P^eal): форма повелительного наклонения — *ptuḥ*; причастие действительного залога — *pātiḥ*; причастие страдательного залога — *ptīḥa*, инфинитив — *ptāḥa* 'открывать'.

Усилительная порода (Pael) образуется от основной путем удвоения второго корневого, однако ввиду утраты геминации и образователя отглагольных имен производных пород *m-* форма этой породы в большинстве случаев совпадает с формой основной породы (так бывает в I группе времен), например: *pāliṭ* 'выходить' и 'выводить', во втором случае *pāliṭ* происходит от *m^epalliṭ*; *pāriq* 'кончать' и *pāriq* (от *m^eparriq*) 'спасать'. Исключения составляют глаголы, где вторым корневым являются согласные *b* или *k*. В основной породе ввиду спирантизации они переходят в соответствующие спиранты *v* и *ḥ*, в усилительной же породе вследствие геминации смычное произношение согласных сохранилось: *bb* > *b*, а *kk* > *k*, например, от корня *zbn* основная порода — *zāvin* (< *zābin*) 'покупать', но усилительная порода (*zābin* (< *zabbin*) 'продавать'. В интенсиве сохраняются и слабые согласные (*y*, *i*), занимающие второе место в корне (см. стр. 64).

Основные формы: повелительное наклонение — *pāriq* (от *parriq*), причастие действительного залога — *pāriq* (от *m^eparriq*), причастие страдательного залога — *puriq* (st. abs.) от *m^epurraq* (где сохранился характерный для страдательного залога гласный *u*), инфинитив — *parūqi* (от *m^eparrūqi*) 'спасать'.

Принудительная порода (Afel) образуется при помощи префикса 'a-, который сливается с образователем причастия *m* в один префикс *ma-*. Последний сохранен не только в причастных формах и инфинитивах, но также и в повелительном наклонении.

Основные формы: повелительное наклонение — *martiḥ*, причастие действительного залога — *martiḥ*, причастие страдательного залога — *muṭtiḥ* (с характерным для пассива принудительной породы гласным *u* в префиксе), инфинитив — *martūḥi* 'заставить открыть'.

В принудительной породе слабые глаголы со слабым первым и вторым корневыми становятся правильными трехсогласными: *īlāip* 'учиться', но *mālip* 'учить', *qā'im* 'стоять', но *māqim* 'поставить'.

Рефлексивные породы в современном языке отсутствуют, но следы их кое-где все еще сохранились: *tardiḥ* 'развариться' от *rādiḥ* 'кипеть', *zādī* 'бояться' от *zū'*. В данное время возвратные формы глагола образуются описательным путем при помощи слова *gⁱāna* 'душа'. К последнему для этой цели присоединяется местоименный суффикс, соответственно субъекту: *qtīlātī gⁱānu* 'убил себя', т. е. 'покончил с собой'.

Флексия глаголов производных пород (усилительной и принудительной) противопоставляется флексии глаголов основной породы (совпадают только причастия действительного залога). Ср.:

причастие страдательного залога: *ptīḥa* и *purgā*, *muptīḥa*;
инфинитив: *ptāḥa* и *parūqi*, *maptūḥi*;
повелительное наклонение: *ptuḥ* и *pāriq*, *maptiḥ*.

Таким образом, в флексии глаголов явно замечается два вида образования основ, в чем и проявляется древнее спряжение по породам. Такое сопоставление дает право видеть в этом два типа спряжения, иначе говоря, два спряжения: I спряжение — флексия глаголов основной породы и II спряжение — флексия глаголов производных пород. К спряжению II типа относятся также и четырехсогласные глаголы.

ВРЕМЯ И НАКЛОНЕНИЕ

Личные (финитные) формы глагола сохранились только в повелительном наклонении (во 2-м л. ед. и мн. ч.):

<i>ptuḥ</i> 'открой!'	<i>ptuḥ-un</i> 'откройте!'
<i>pāriq</i> 'спасай!'	<i>parq-un</i> 'спасайте!'
<i>mālip</i> 'учи!'	<i>mālp-un</i> 'учите!'

Окаменевшую форму 3-го лица единственного числа изъявительного наклонения следует видеть в частице прошедшего времени *-va* 'был', идущей от *h'qā*. Это не только единственная личная форма изъявительного наклонения от глагола «быть» ($\sqrt{hūi}$), но и единственная форма перфектива (совершенного вида). Видовое спряжение глаголов, характерное для семитских языков, в современном ассирийском языке целиком заменено спряжением по грамматическим временам. Приведенная выше частица *-va* является единственным исключением.

Все остальные наклонения: изъявительное, сослагательное, условное — базируются на отглагольных именах, к которым для выражения лица, рода, а иногда и числа присоединяются в одних случаях местоименные суффиксы, в других — энклитические формы личных местоимений.

Поскольку в языке имеются три отглагольных имени: причастие действительного залога, причастие страдательного залога и инфинитив (масдар), глагольные формы делятся на три группы. Одна группа в качестве основы использует причастие действительного залога (I группа), вторая — причастие страдательного залога (II группа), третья — инфинитив (III группа).

В I группу входят: сослагательное наклонение, условное наклонение и некоторые времена изъявительного наклонения:

настоящее длительное, прошедшее несовершенное длительное, будущее и прошедшее совершенное I.

В качестве основы используется причастие действительного залога в *status absolutus*. В этом состоянии данное причастие представлено в двух числах: единственное число в мужском и женском роде (*pāriq* 'кончающий' и *pārqa* 'кончающая'), множественное число только в мужском роде (*pārqi* 'кончающие'), являющееся в современном языке общим для обоих родов.

Для образования времен и наклонений I группы к причастию-основе прибавляются специальные частицы.

Сослагательное наклонение имеет два времени: настоящее-будущее и прошедшее. Настоящее-будущее использует для своего образования чистую основу, т. е. причастие без частиц: для формы 3-го л. м. р. ед. ч. — *pāriq*; 3-го л. ж. р. ед. ч. — *parqa* (от *pārqa*); 3-го л. мн. ч. — *parqi* (от *pārqi*).

Прошедшее время образуется от настоящего-будущего с прибавлением частицы *-va*: 3-е л. м. р. ед. ч. — *pāriqva*; 3-е л. ж. р. ед. ч. — *parqava*; 3-е л. мн. ч. — *parqiva*.

Условное наклонение образуется от будущего времени изъявительного наклонения (см. ниже) прибавлением той же частицы *-va*: 3-е л. м. р. ед. ч. — *bit pāriqva*; 3-е л. ж. р. ед. ч. — *bit parqava*; 3-е л. мн. ч. — *bit parqiva*.

В изъявительном наклонении для образования настоящего длительного времени перед причастной формой ставится частица *ki*: 3-е л. м. р. ед. ч. — *ki pātiḥ* 'открывает' (вообще, а не в данное время); *ki qāri* 'читает' (много книг, лекций и т. д.); 3-е л. ж. р. ед. ч. — *ki patha*, *ki qarīa*; 3-е л. мн. ч. — *ki pathii*, *ki qārii*;

для образования будущего времени — частица *bit*: 3-е л. м. р. ед. ч. — *bit pātiḥ* 'откроет', *bit qāri* 'прочтет'; 3-е л. ж. р. ед. ч. — *bit patha*, *bit qarīa*; 3-е л. мн. ч. — *bit pathii*, *bit qārii*;

для образования прошедшего совершенного I — частица *gam*: 3-е л. м. р. ед. ч. — *gam pātiḥ*; 3-е л. ж. р. ед. ч. — *gam patha*; 3-е л. мн. ч. — *gam pathii*;

для образования прошедшего несовершенного длительного после формы настоящего длительного ставится частица *va*: 3-е л. м. р. ед. ч. — *ki patihva* 'открывал' (вообще, а не в данное время), *ki qarīva* 'он читал'; 3-е л. ж. р. ед. ч. — *ki pathāva*, *ki qarīāva*.

В отрицательных формах изъявительного наклонения перед глаголом ставится только отрицательная частица *lē*, вследствие чего разница между настоящим длительным и будущим исчезает: *lē pātiḥ* 'не открывает' и 'не откроет', *lē qāri* 'не читает' и 'не прочтет'.

Во II группу входят четыре времени изъявительного наклонения: прошедшее совершенное II, перфект, давнопрошедшее I, давнопрошедшее II. В качестве основы используется причастие страдательного залога в двух статусах: в *status emphaticus* и в *status absolutus*, причем в *status absolutus* берется форма единственного числа мужского рода⁴⁹.

Status emphaticus	ед. ч.	м. р.	<i>ptīḥa</i>	‘открытый’
		ж. р.	<i>ptīḥta</i>	‘открытая’
		мн. ч. общ.	<i>ptīḥi</i>	‘открытые’
Status absolutus	ед. ч.	м. р.	<i>ptīḥ</i>	‘открытый’

Отсюда: *ptīḥeli* ‘он открыл’, ‘он открыт’, *ptīḥli* (от *ptīḥli*) ‘открыл’.

Давнопрошедшее I образуется от перфекта при помощи уже известной энклитической частицы *-va*: *ptīḥeva*. Также образуется давнопрошедшее II от прошедшего совершенного II: *ptīḥvali*.

Отрицательные формы времен II группы образуются по-разному. Если основой служит причастие в *status absolutus*, то перед глаголом ставится отрицание *lā*: *la ptīḥli* ‘не открыл’. Если же причастие стоит в *status emphaticus*, то отрицание соединяется с так называемым *verbum substantivum* (см. стр. 49) и ставится перед причастием данного глагола: *lēli ptīḥa* ‘не открыт’.

III группу составляют времена изъявительного наклонения, указывающие на происходящее в данное (конкретное) время действие — настоящее, или на действие, которое имело место только что, но еще не закончилось — прошедшее несовершенное (конкретное). Эти времена образуются от инфинитива префиксом *bi-*. В прошедшем несовершенном прибавляется также энклитическая частица *-va*: *bi-ptāḥ-eli* ‘открывает’ (в данный момент, а не вообще), *bi-grāḥe-li* ‘читает’ (данную книгу сейчас); *bi-ptāḥe-va* ‘открывал’, *bi-grāḥe-va* ‘читал’.

РОД И ЧИСЛО

Род (мужской и женский) и число (единственное и множественное) выражаются личными показателями. В единственном числе различаются оба рода, во множественном же числе для обоих родов существует одна форма (исторически — форма мужского рода). Но различия в роде выра-

⁴⁹ Если при глаголе не имеется дополнения.

жаются не только личными показателями. В I и II группах времен род различается и в основе глагола: для мужского рода используется причастие мужского рода (*pātiḥ* и *ptīḥa*), а для форм женского рода — причастие женского рода: (*paṭḥa* и *ptiḥta*): *kī pātiḥ* 'он открывает', но *kī paṭḥa* 'она открывает'; *ptīḥeli* 'он открыт', но *ptiḥtela* 'она открыта'.

В современном ассирийском языке лицо выражается двумя способами: при помощи местоименных суффиксов и энклитических форм личных местоимений.

Местоименные суффиксы применяются только во II группе времен. Они посредством *nota dativi l-* присоединяются к причастию страдательного залога, стоящего в *status absolutus*. Таким образом получены: *ptiḥ-l-i* 'я открыл' или 'я открыла' (поскольку местоименный суффикс 1-го лица рода не различает); *qri-l-uh* 'ты прочел'; *qri-l-aḥ* 'ты прочла'.

Энклитические формы личных местоимений, представляющие собой усеченные формы последних, непосредственно примыкают к причастиям действительного залога следующим образом: в единственном числе для образования форм мужского рода местоименная энклитика присоединяется к причастию мужского рода, для образования форм женского рода — к причастию женского рода, во множественном числе — к причастию множественного числа.

Местоименными энклитиками являются:

Единственное число	Множественное число
1-е л. <i>-n</i> (от <i>'ānā</i>)	1-е л. <i>-aḥ</i> (от <i>'aḥnan</i>)
2-е л. <i>-t</i> (от <i>'att</i>)	2-е л. <i>-tun</i> (от <i>'aḥtun</i>)

В 3-м лице местоименных энклитик не требуется. Оно выражается только соответствующей причастной формой.

Таким образом получается:

Единственное число		
1-е л.	{ м. р. $pātiḥ + n > paṭḥin$	'я открываю'
	{ ж. р. $pāṭḥā + n > paṭḥan$	
2-е л.	{ м. р. $pātiḥ + t > paṭḥit$	'ты открываешь'
	{ ж. р. $pāṭḥā + t > paṭḥat$	
3-е л.	{ м. р. $pātiḥ$	'он открывает'
	{ ж. р. $paṭḥa$	

Множественное число

- 1-е л. $pāṭḥī + aḥ > paṭḥaḥ$ 'мы открываем'
 2-е л. $pāṭḥī + tun > paṭḥitun$ 'вы открываете'
 3-е л. $paṭḥi$ 'они открывают'.

В образовании личных глагольных форм времен II и III групп большую роль играет *verbum substantivum*, присоединяющийся к инфинитиву и причастию страдательного залога (*status emphaticus*). В таких случаях лицо глагола определяется формой *verbum substantivum*: *bi-ptāhe-li* 'он открывает', где *-li* — *verbum substantivum* единственного числа 3-го лица мужского рода, отсюда и глагол *pātiḥ* 'открывать' в форме единственного числа 3-го лица мужского рода.

ЗАЛОГ

В современном ассирийском языке сохранились причастия обоих залогов: действительного и страдательного. Однако органическое образование страдательного залога отсутствует; более того, причастие страдательного залога использовано для образования форм действительного залога (ср. образование времен II группы: *ktiv* 'написанный', отсюда *ktivli* 'он написал'). Таким образом, в современном ассирийском языке исторически различимые причастия страдательного и действительного залогов ныне, с точки зрения залога, имеют одинаковое значение: оба передают глаголы действительного залога, разница только в том, что они легли в основу различных времен.

В ассирийском языке часты случаи, когда глаголы действительного залога передают и пассивное значение: *kī sāri* 'развязывает' и 'развязывается'. В современном языке значение страдательного залога передается описательным образованием при помощи глагола *pā'iš* 'оставаться'. За соответствующей формой этого вспомогательного глагола следует причастие страдательного залога данного глагола. Таким образом, спрягается глагол *pā'iš*, основной же глагол, представленный причастной формой, не меняется по лицам: *pišli qirja* 'назывался', *kī pā'iš qirja* 'называется', *pišluḥ vīiä* 'ты родился'.

ГЛАГОЛЫ С СУФФИКСАМИ

Глаголы при помощи суффиксов выражают дополнение, чаще — прямое, реже — косвенное. Для этой цели используются притяжательные суффиксы, которые либо непосредственно присоединяются к номинальной основе глагола, либо при помощи *nota dativi l-* к целой глагольной форме (т. е. после личных показателей). Указанные суффиксы непосредственно примыкают к инфинитиву глагола и к причастию страдательного залога (*status emphaticus*), после чего следует *verbum substantivum* (окончания инфинитива и причастия

-a и i отпадают): настоящее время — *biptāḥuli* 'он открывает его' (< *biptāḥ-u-li*), прошедшее несовершенное — *biptāḥuva* 'он открывал его' (< *biptāḥ-u-va*), перфект — *ptihuli* 'он открыл его' (*ptih-u-li*).

Присоединение суффиксов к глаголам при помощи *l*- происходит в повелительном наклонении и в формах, образованных от причастия действительного залога; причем частица *l*- полностью уподобляется предыдущему сонорному согласному (*n*, *r*, *l*): повелительное наклонение — *ptihli* 'открой его', *ptihla* 'открой ее!', но *ptihuni* 'откройте его!' (< *ptihun-li*): будущее: *bit patihli* 'он откроет его', *bit patihlun* 'он откроет их', *bit qāṭṭīnuḥ* 'я убью тебя' (< *bit qāṭṭīn-luḥ*).

Суффиксы могут стоять и отдельно от глагольных форм с частицей *il*-: *bit pātiḥ ili* (ср. *bit patihli*), *bit qāṭṭīn iluḥ*.

Особый случай представляет собой причастие страдательного залога, стоящее в *status absolutus*, основа которого содержит указание на дополнение, а именно: причастие единственного числа мужского рода *ptih* (< *ptih*) подразумевает дополнение единственного числа 3-го лица мужского рода (*ptih-li* 'он открыл его', *ptih-la* 'она открыла его'), причастие единственного числа женского рода *pīhā* указывает на объект, стоящий в единственном числе 3-го лица женского рода (*ptihā-li* 'он открыл ее', *ptihā-la* 'она открыла ее'), а причастие множественного числа *pīhe* (вместо *ptihī*) указывает на дополнение множественного числа (*ptihē-li* 'он открыл их', *ptihē-la* 'она открыла их').

ИМЯ ДЕЙСТВИЯ И ИМЯ ДЕЯТЕЛЯ

Имя действия (*nomen actionis*) и имя деятеля (*nomen agentis*) близко стоят к инфинитивам и причастиям действительного залога. Разница заключается в том, что последние больше проявляют глагольный характер и поэтому легко вытеснили из употребления личные формы глагола; между тем имя действия и имя деятеля с образовательным формантом *-ān* почти полностью заменили инфинитив и причастие действительного залога.

Имя действия глаголов I спряжения образуется от соответствующего инфинитива при помощи окончания *-ta*: *ktāvā* 'писать', а *ktāvā* 'писание' и 'писать', *qrāja* 'читать', *qrēta* 'чтение', 'читать'. Имя действия глаголов II спряжения образуется от причастия действительного залога с гласным *a* при втором корневом: *zābin* 'продающий' > *zābāntā* 'продажа', 'продавать', *māštētā* (< *māšti*) 'поливка', 'поливать'.

Имя деятеля, заменяющее причастие действительного залога, образуется от последнего (см. стр. 37), поэтому *kāt-*

vāñā не только 'писатель', но и 'пишущий', *qāṭṭāñā* 'убийца' и 'убивающий', *zābnāñā* 'продавец', 'продающий', *māriñā* 'пастух', 'пасущий'.

ПАРАДИГМЫ СПРЯЖЕНИЯ ПРАВИЛЬНОГО ТРЕХСОГЛАСНОГО ГЛАГОЛА

Приведенные ниже парадигмы спряжения включают в себя формы повелительного наклонения и по одному времени из трех групп времен изъявительного наклонения, а именно: будущее из I группы, прошедшее совершенное II из II группы, настоящее — из III группы (см. стр. 52—54).

I СПРЯЖЕНИЕ

глагол *pātiḥ* 'открывать'

Будущее время

Положительная форма Отрицательная форма
Единственное число

3-е л.	{	м. р. <i>bit pātiḥ</i>	<i>lē pātiḥ</i>
		ж. р. <i>bit paṭḥa</i>	<i>lē paṭḥa</i>
2-е л.	{	м. р. <i>bit paṭḥit</i>	<i>lē paṭḥit</i>
		ж. р. <i>bit paṭḥat</i>	<i>lē paṭḥat</i>
1-е л.	{	м. р. <i>bit paṭḥin</i>	<i>lē paṭḥin</i>
		ж. р. <i>bit paṭḥan</i>	<i>lē paṭḥan</i>

Множественное число

3-е л.	<i>bit paṭḥi</i>	<i>lē paṭḥi</i>
2-е л.	<i>bit paṭḥītun</i>	<i>lē paṭḥītun</i>
1-е л.	<i>bit paṭḥaḥ</i>	<i>lē paṭḥaḥ</i>

Прошедшее совершенное II

Положительная форма Отрицательная форма
Единственное число

3-е л.	{	м. р. <i>ptiḥli</i>	<i>la ptiḥli</i>
		ж. р. <i>ptiḥla</i>	<i>la ptiḥla</i>
2-е л.	{	м. р. <i>ptiḥluḥ</i>	<i>la ptiḥluḥ</i>
		ж. р. <i>ptiḥlah</i>	<i>la ptiḥlah</i>
1-е л.		<i>ptiḥlii</i>	<i>la ptiḥlii</i>

Множественное число

3-е л.	<i>ptihlun</i>	<i>la ptihlun</i>
2-е л.	<i>ptihlohun</i>	<i>la ptihlohun</i>
1-е л.	<i>ptihlan</i>	<i>la ptihlan</i>

Н а с т о я щ е е в р е м я

Положительная форма Отрицательная форма

Единственное число

3-е л.	{	м. р.	<i>biptāheli</i>	<i>lēli biptāha</i>
		ж. р.	<i>biptāhela</i>	<i>lēla biptāha</i>
2-е л.	{	м. р.	<i>biptāhevit</i>	<i>lēvit biptāha</i>
		ж. р.	<i>biptāhevat</i>	<i>lēvat biptāha</i>
1-е л.	{	м. р.	<i>biptāhevin</i>	<i>lēvin biptāha</i>
		ж. р.	<i>biptāhevan</i>	<i>lēvan biptāha</i>

Множественное число

3-е л.	<i>biptāhena</i>	<i>lēna biptāha</i>
2-е л.	<i>biptāhetun</i>	<i>lētun biptāha</i>
1-е л.	<i>biptāhevaḥ</i>	<i>lēvaḥ biptāha</i>

П о в е л и т е л ь н о е н а к л о н е н и е

Положительная форма Отрицательная форма

Единственное число

2-е л.	{	м. р.	<i>ptuḥ</i>	<i>la pathit la ptuḥ</i>
		ж. р.	<i>ptuḥ</i>	<i>la pathat la ptuḥ</i>

Множественное число

2-е л.	<i>ptūhun</i>	<i>la pathitun la ptūhun</i>
--------	---------------	---------------------------------

Инфинитив: *ptāha*.

Имя действия: *ptahta*.

Имя деятеля: *pathāna* (м. р.), *pathanta* (ж. р.).

Причастие страдательного залога: *ptīha* (м. р.), *ptihta* (ж. р.).

II СПРЯЖЕНИЕ

УСИЛИТЕЛЬНАЯ ПОРОДА (ИНТЕНСИВ)

глагол *pātīṭi* 'выносить', 'выводить'

Будущее время

Положительная форма Отрицательная форма

Единственное число

3-е л.		м. р.	<i>bit pātīṭi</i>	<i>lē pātīṭi</i>
		ж. р.	<i>bit pātīṭā</i>	<i>lē pātīṭā</i>
2-е л.		м. р.	<i>bit pātīṭit</i>	<i>lē pātīṭit</i>
		ж. р.	<i>bit pātīṭāt</i>	<i>lē pātīṭāt</i>
1-е л.		м. р.	<i>bit pātīṭin</i>	<i>lē pātīṭin</i>
		ж. р.	<i>bit pātīṭān</i>	<i>lē pātīṭān</i>

Множественное число

3-е л.		<i>bit pātīṭii</i>	<i>lē pātīṭii</i>
2-е л.		<i>bit pātīṭitun</i>	<i>lē pātīṭitun</i>
1-е л.		<i>bit pātīṭāḥ</i>	<i>lē pātīṭāḥ</i>

Прошедшее совершенное II

Положительная форма Отрицательная форма

Единственное число

3-е л.	{	м. р.	<i>putīṭiti</i>	<i>la putīṭiti</i>
		ж. р.	<i>putīṭitā</i>	<i>la putīṭitā</i>
2-е л.	{	м. р.	<i>putīṭituh</i>	<i>la putīṭituh</i>
		ж. р.	<i>putīṭitāḥ</i>	<i>la putīṭitāḥ</i>
1-е л.		<i>putīṭitii</i>	<i>la putīṭitii</i>	

Множественное число

3-е л.		<i>putīṭitun</i>	<i>la putīṭitun</i>
2-е л.		<i>putīṭitohun</i>	<i>la putīṭitohun</i>
1-е л.		<i>putīṭitān</i>	<i>la putīṭitān</i>

Настоящее время

Положительная форма Отрицательная форма

Единственное число

3-е л.		м. р.	<i>pātūṭiṭi</i>	<i>lēli pātūṭi</i>
		ж. р.	<i>pātūṭiṭā</i>	<i>lēla pātūṭi</i>
2-е л.		м. р.	<i>pātūṭivṭi</i>	<i>lēvit pātūṭi</i>
		ж. р.	<i>pātūṭivāt</i>	<i>lēvat pātūṭi</i>

1-е л.		м. р.	<i>pātūtīvin</i>	<i>lēvin pātūṭi</i>
		ж. р.	<i>pātūtīvān</i>	<i>lēvan pātūṭi</i>

Множественное число

3-е л.	<i>pātūṭīnā</i>	<i>lēna pātūṭi</i>
2-е л.	<i>pātūṭītun</i>	<i>lētun pātūṭi</i>
1-е л.	<i>pātūṭīvāḥ</i>	<i>lēvaḥ pātūṭi</i>

Повелительное наклонение

Положительная форма Отрицательная форма

Единственное число

2-е л.		м. р.	<i>pātīṭ</i>	<i>la pātīṭ la pātī!</i>
		ж. р.	<i>pātī!</i>	<i>la pātīāt la pātī!</i>

Множественное число

2-е л.	<i>pātīun</i>	<i>la pātītīun la pātīun</i>
--------	---------------	---------------------------------

Инфинитив: *pātūṭi*.

Имя действия: *pātātā*.

Имя деятеля: *pātānā* (м. р.), *pātāntā* (ж. р.).

Причастия страдательного залога: *puṭā* (м. р.), *puṭītā* (ж. р.).

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ПОРОДА (КАУЗАТИВ)

глагол *marṭiḥ* 'заставить открыть'

Будущее время

Положительная форма Отрицательная форма

Единственное число

3-е л.		м. р.	<i>bit marṭiḥ</i>	<i>lē marṭiḥ</i>
		ж. р.	<i>bit marṭiḥa</i>	<i>lē marṭiḥa</i>
2-е л.		м. р.	<i>bit marṭiḥit</i>	<i>lē marṭiḥit</i>
		ж. р.	<i>bit marṭiḥat</i>	<i>lē marṭiḥat</i>
1-е л.		м. р.	<i>bit marṭiḥin</i>	<i>lē marṭiḥin</i>
		ж. р.	<i>bit marṭiḥan</i>	<i>iē marṭiḥan</i>

Множественное число

3-е л.	<i>bit marṭiḥi</i>	<i>lē marṭiḥi</i>
2-е л.	<i>bit marṭiḥītun</i>	<i>lē marṭiḥītun</i>
1-е л.	<i>bit marṭiḥaḥ</i>	<i>lē marṭiḥaḥ</i>

Прошедшее совершенное II

Положительная форма		Отрицательная форма	
Единственное число			
3-е л.	{ м. р.	<i>muptihli</i>	<i>la muptihli</i>
	{ ж. р.	<i>muptihla</i>	<i>la muptihla</i>
2-е л.	{ м. р.	<i>muptihluh</i>	<i>la muptihluh</i>
	{ ж. р.	<i>muptihlah</i>	<i>la muptihlah</i>
1-е л.		<i>muptihlii</i>	<i>la muptihlii</i>
Множественное число			
3-е л.		<i>muptihlun</i>	<i>la muptihlun</i>
2-е л.		<i>muptihlohun</i>	<i>la muptihlohun</i>
1-е л.		<i>muptihlan</i>	<i>la muptihlan</i>

Настоящее время

Положительная форма		Отрицательная форма	
Единственное число			
3-е л.	{ м. р.	<i>maptuhili</i>	<i>lēli maptūhi</i>
	{ ж. р.	<i>maptuhila</i>	<i>lēla maptūhi</i>
2-е л.	{ м. р.	<i>maptuhivit</i>	<i>lēvit maptūhi</i>
	{ ж. р.	<i>maptuhivat</i>	<i>lēvat maptūhi</i>
1-е л.	{ м. р.	<i>maptuhivin</i>	<i>lēvin maptūhi</i>
	{ ж. р.	<i>maptuhivan</i>	<i>lēvan maptūhi</i>
Множественное число			
3-е л.		<i>maptuhina</i>	<i>lēna maptūhi</i>
2-е л.		<i>maptuhitun</i>	<i>lētun maptūhi</i>
1-е л.		<i>maptuhivaḥ</i>	<i>lēvaḥ maptūhi</i>

Повелительное наклонение

Положительная форма		Отрицательная форма	
Единственное число			
2-е л.	{ м. р.	<i>maptih</i>	<i>la maptihit la maptih</i>
	{ ж. р.	<i>maptih</i>	<i>la maptihat la maptih</i>
Множественное число			
2-е л.		<i>maptihun</i>	<i>la maptihitun la maptihun</i>

Инфинитив: *maptūhi*.

Имя действия: *maptahta*.

Имя деятеля: *maptihāna* (м. р.), *maptihanta* (ж. р.).

Причастие страдательного залога: *muptiha* (м. р.), *murtiha* (ж. р.).

СЛАБЫЕ ГЛАГОЛЫ

Спряжение слабых глаголов отличается от спряжения правильных глаголов. Разница сводится к опущению слабых согласных (*i, u, '*), если за ними не следуют гласные. Тогда трехсогласные глаголы превращаются в двухсогласные.

Глаголы I спряжения с начальными слабыми согласными теряют *I'* и *Ii* в причастии страдательного залога (в обоих статусах) и в повелительном наклонении. Так от глагола *iälip* 'учиться' ($\sqrt{i\bar{l}p}$)⁵⁰: причастие страдательного залога в status emphaticus — *lipä* (м. р.), *liptä* (ж. р.); в status absolutus — *lip* (*lipli*); повелительное наклонение — *lip*; от глагола *äsiq* 'подниматься' ($\sqrt{sq} < \sqrt{s\bar{l}q}$): причастие страдательного залога в status emphaticus — *sīqa* (м. р.), *siqta* (ж. р.); в status absolutus — *sīq*; повелительное наклонение — *suq*.

В инфинитиве названных глаголов происходит метатеза слабого корневого *i* с последующим согласным, и слабый *i*, оказавшийся таким образом перед гласным, сохраняется: *liāpa*, с частицей — *biliāpa*, *liliāpa*. Аналогичное происходит и с некоторыми глаголами I': *siāqa*, с частицами — *bisiāqa*, *lisiāqa*. Часть глаголов I', например, *āmir* 'говорить' (\sqrt{mr}), *dhīl* 'кушать' (\sqrt{kl}) и некоторые другие в инфинитиве не имеют метатезы. В этом случае I' корневой согласный опускается: *māra*, *hātā* (ср. *siāqa*), но в инфинитивных формах с частицами слабый корневой сливается с предыдущим гласным, который вследствие этого удлиняется: *bimāra*, *limāra*; *bihātā*, *lihātā*. (На письме чаще фиксируется удлинение гласного; произносится же с кратким *i*: *bimāra*, *limāra* и т. д.).

Глаголы I' спрягаются как и глаголы I' (без метатезы в инфинитиве): от глагола *āvīd* 'делать' (\sqrt{bd}) причастие страдательного залога — *vīda* и *vīd* (*vidli*), повелительное наклонение — *vūd*, инфинитив — *vāda*, с частицами *bivāddā*, *ṭivāddā*.

Глаголы II спряжения с начальными слабыми согласными в усилительной породе спрягаются как правильные. В принудительной породе они представляют собой правильные трехсогласные глаголы, где слабый корневой заменен согласным *m*, образователем причастий. Так от глаголов *mālip* 'учить' ($\sqrt{l\bar{l}p}$) и *māsiq* 'поднимать' (\sqrt{sq}) причастие действительного залога: *mālip*, *māsiq*; причастие страдательного залога в status emphaticus — *mulpa*, *musqa*; status absolutus — *mulip* (*mulipli*), *musiq* (*musiqli*); повелительное наклонение — *mālip*, *māsiq*; инф. — *malūpi*, *masūqi*. Так же спрягаются глаголы с начальными *'*: *māvīr* ($< ma'b\bar{i}r$) 'вводить', 'вносить'.

⁵⁰ Образование личных форм глагола см. «Парадигмы спряжения слабых глаголов», стр. 68 и след.

В диалектах встречаются случаи, когда в корне происходит метатеза (аналогично инфинитиву глаголов I спряжения) и слабый корневой согласный в виде *l* фигурирует во всех формах принудительной породы. В таком случае спряжение абсолютно сходно со спряжением трехсогласных правильных глаголов, например от глагола *mālīz* 'спешить' (\sqrt{ilz}): *mālīz*, *mūlīza*, *malīūzi*, повелительное наклонение — *mālīz*. Наблюдаются и параллельные формы: *mātiv* и *mātiiv* 'поставить', 'посадить' каузатив от *iātiv* 'сидеть', 'садиться' (\sqrt{itb}).

Глаголы I спряжения со средними слабыми согласными спрягаются по одному типу. (Глаголы II и типа *šavir* 'прыгать' не являются слабыми, поэтому здесь не рассматриваются⁵¹). Вторым корневым, несмотря на его происхождение, всегда бывает слабый *l*. Исключение составляет форма причастия действительного залога единственного числа мужского рода, где второй согласный — ', например от глаголов *qā'im* 'вставать' (\sqrt{qim}) и *pā'is* 'оставаться' ($\sqrt{piš}$): *qā'im*, *pā'is* (часто в разговорной речи с одним слогом: *qam*, *pāš*), но женский род — *qēma* (< *qaimā*), *pēša* (< *paišā*); инфинитив — *qiāma*, *piāša*, с частицами: *biqiāma*, *bipiāša*.

Во всех остальных случаях второй корневой опущен: причастие страдательного залога — *qīma*, *pišā*, в status absolutus — *qim* (*qimlīi*), *pīš* (*pišlīi*); повелит. накл. — *qum*, *puš*.

Аналогично спрягаются и некоторые глаголы II', например *šā'is* ($\sqrt{š'is}$) 'трясти': *šā'is*, женский род — *šāšā* (< *šaišā*), инфинитив — *šīāšā*, с частицами — *bišīāšā*.

В усилительной породе ввиду когда-то существовавшей геминации второй корневой не опускается, и глагол представляет собой правильный трехсогласный; например, глагол *qāvim* (от *qaḥim*) 'случаться' (\sqrt{qum}) является правильным трехсогласным глаголом II спряжения.

В принудительной породе второй корневой опущен, а образователь причастий *m* слит с корнем, как и в подобных случаях с глаголами типа *iālip*. Таким образом получены от глагола *māqim* 'поднимать' (\sqrt{qum}) причастие действительного залога — *māqim*, причастие страдательного залога — *muqīma*, инфинитив — *maqūmi*; повелительное наклонение — *māqim*. Наблюдаются параллельно и правильные формы: *māsim* и *māsiim* (*bāla*) 'обращать (внимание)' от \sqrt{sim} .

Так же спрягаются и так называемые геминированные глаголы, которые, потеряв геминацию, в I спряжении превратились в глаголы со средними слабыми согласными: *tā'im* от \sqrt{tmm} 'кончаться', 'завершаться', а во II спряжении, со-

⁵¹ Особенность этих глаголов только в опущении второго корневого после *u* в повелит. накл.: *šur* (ср. *šug* < $\sqrt{šbq}$ 'отпускать').

хранив все три корневые, спрягаются как трехгласные правильные глаголы: *tāmim* 'кончат', 'завершат'.

В глаголах с конечными слабыми согласными последние сохранены в виде согласного *i*, если за ним следует гласный *a* ($< \bar{a}$), в остальных случаях слабые согласные опущены или же слиты с предыдущим гласным *i* (удлинение гласного иногда отражается на письме). Поэтому в формах женского рода единственного числа глаголов I спряжения, образованных от причастия действительного залога, а также в инфинитиве и в форме status emphaticus причастия страдательного залога согласный *i* сохраняется: причастие действительного залога — *sātiä* (2-е л. — *sātiät*, 1-е л. — *sātiän*), инфинитив — *štäiä*, с частицами — *bīštäiä* и *lištāiä*, причастие страдательного залога (status emphaticus): *šitiä* (м. р.), *štītā* (ж. р.), *šitii* (мн. ч.) (*i* сохранен и перед гласным *i*). Слабый согласный *i* опущен или слит с предыдущим гласным в формах мужского рода единственного числа причастия действительного залога: *sāti* (2-е л. — *sātit*, 1-е л. *šātin*), во множественном числе: 3-е л. *sātii* ($< \bar{s}āt-i$), 2-е л. *sātītun*, 1-е л. *sāt-äh* (ср. *parqii*, *parqītun*, *parqah*), и в причастии страдательного залога (st. abs.): *štī* (отсюда 2-е л. *štīluh*, 1-е л. *štīlii* и т. д.) от глагола *sāti* 'пить' ($\sqrt{stī}$).

Повелительное наклонение этих глаголов образуется особо: *štī* $>$ *štii* 'пей!' и *šimūn* 'пейте!'.

К глаголам типа *sāti* (*štī*) часто примыкают глаголы с конечным «айном», например, *šāmi* 'слышать' ($\sqrt{šm}$): причастие действительного залога — *šāmi* (м. р.) и *šāmiä* (ж. р.), причастие страдательного залога: status emphaticus — *šimiä* (м. р.), *šimītā* (ж. р.), мн. ч. — *šimii*; status absolutus — *šmī* (*šmīlii*), инфинитив — *šmāiä*, с частицами *bīšmāiä*, *lišmāiä*: повелительное наклонение — *šmii*, мн. ч. — *šmimūn*.

Те изменения претерпевают глаголы II спряжения в усилительной породе: причастие действительного залога — *sāpi* (м. р.), *sāpiä* (ж. р.), мн. ч. — *sāpii*; причастие страдательного залога в st. emphaticus — *supiä* (м. р.), *supitā* (ж. р.), мн. ч. — *supii*; в st. absolutus — *supi* (*supīlii*); в инфинитиве наряду с *sāpūi* употребляется и *sāpūi* (*sāpūvi*), где *u* (*v*) получен от *i* в позиции после лабиального гласного; повелит. накл. — *sāpii*, мн. ч. — *sāpimūn* от *sāpi* (\sqrt{spi}) 'предать'.

Так же спрягаются глаголы с конечным «айном», например глагол *šāmi* 'собирать' ($\sqrt{šm}$): причастие действительного залога — *šāmi* (м. р.), *šāmiä* (ж. р.); причастие страдательного залога в status emphaticus — *šumiä* (м. р.), *šumītā* (ж. р.), мн. ч. — *šumii*, в status absolutus — *šumī* (*šumīlii*), повелительное наклонение — *šamii*, мн. ч. — *šāpimūn*.

Спряжение в принудительной породе ничем не отличается

от спряжения названных глаголов в интенсиве. Только в каузативе глаголы имеют префикс *ma-* или *mu-*: причастие действительного залога — *māsti* (м. р.), *māstiā* (ж. р.); причастие страдательного залога в *st. emphaticus* — *muštīā* (м. р.), *muštītā* (ж. р.), *st. absolutus* — *mušti* (*muštīli*); инфинитив — *māstāi* или *māstūi*; повелит. накл. — *māstij*, *māstimun* от глагола *māsti* 'поить', 'полпивать' (\sqrt{sti}).

В двойне и в тройне слабые глаголы обычно относятся к I спряжению. В двойне слабых глаголах слабыми могут быть первый и третий корневой, например: глаголы *iāpi* 'печь' (\sqrt{ip}), *iāmi* 'клясться' (\sqrt{im}), *āti* 'идти' (\sqrt{ti} или 't'), или второй и третий корневой, например: *hāi* 'жить' (\sqrt{hi}), *rāvi* (< *rāvi*) 'пьянеть' (\sqrt{rv}) и др. К ним примыкают слабые глаголы с «айном»: *iāi* 'знать' (\sqrt{id}), *rāi* 'пасти' (\sqrt{ri}), *bāi* 'хотеть' ($\sqrt{b'i}$), *āri* 'идти' (о дожде) (\sqrt{ri}) и др.

При спряжении эти глаголы проявляют себя так же как отмеченные выше слабые глаголы. Так, например, глаголы с первым и третьим слабыми согласными типа *iāpi* спрягаются как глагол *iālip* (т. е. с начальным *i*) и как глагол *šāti* (т. е. с конечным *i*): причастие действительного залога — *iāpi*, *iāpiā* и т. д. (ср. *šāti*, *šātiā* и т. д.); причастие страдательного залога в *status emphaticus* — *pīā*, *pītā*; в *status absolutus* — *pī* (*pīli*) (одновременно спрягается как по типу глагола *iālip*, так и по типу глагола *šāti*); инф. — *pīāi* (с метатезой, как *liāpa*); повелит. накл. — *pī*, *pīmun*.

Глаголы со слабыми вторым и третьим корневыми с одним согласным в корне встречаются в причастии страдательного залога (*status absolutus*) и в повелительном наклонении: *hī* (*hīli*) и *hii*, мн. ч. — *hīmun* от глагола *hāi* 'жить' (\sqrt{hi}). Во всех остальных формах вместе с первым корневым встречается и второй: инфинитив — *hāia*, с частицей — *bihāia*, причастие действительного залога — *hāi* (м. р.), *hāia* (ж. р.); причастие страдательного залога (*st. emph.*) — *hīa* (м. р.), *hīta* (ж. р.), мн. ч. — *hīi*. Подобным образом спрягаются и глаголы со средним «айном» и конечным слабым согласным, например *bāi* 'хотеть' (< *bā'i*): причастие страдательного залога (*st. abs.*) — *bī* (*bīi*); повелительное наклонение — *bī*, мн. ч. — *bīmun*; с согласным *i* на втором месте в других формах: инфинитив — *bāia*; причастие действительного залога — *bāi* (м. р.), *bāia* (ж. р.), причастие страдательного залога (*st. emph.*) — *bīā* (м. р.), *bītā* (ж. р.).

Тройне слабым является глагол I спряжения *hāvi* (< *hāvi*, \sqrt{hvi}) 'быть'. Первый корневой сохраняется в причастии действительного залога перед гласными: *hāvi* (м. р.), *hōia* (ж. р.) (< *haviā*) и т. д. В инфинитиве опускается

только *h*: *vāia*, с частицами *bivāia*; в остальных формах сохранен только второй корневой в виде *v* (< *u*): причастие страдательного залога в status emphaticus — *vīiä* (м. р.), *vītä* (ж. р.), status absolutus — *vī* (*vīlii*); повелительное наклонение — *vīi*, *vīmun* (см. также *verbum substantivum*).

Обособленные глаголы. Следует отметить два глагола: I спряжения *āzil* 'идти' и I—II спряжения *iävil* 'давать'.

Глагол *āzil* является слабым глаголом с начальным (\sqrt{z}) типа *āmīr*, но в отличие от других аналогичных глаголов он характеризуется ассимиляцией третьего корневого вторым корневым (во всех диалектах) и, что особенно интересно, в некоторых временах заменяется синонимичным глаголом *rāhiš* (в основном в урмийском диалекте). В формах, образованных от причастия действительного залога, кроме 3-го лица мужского рода единственного числа, *l* уподобляется второму корневому *z*, например: 3-е л. ж. р. — *āza* (< *'āzā* < *'āzlä*), 2-е л. м. р. — *āzit*, 3-е л. ж. р. — *āzat*, 1-е л. м. р. — *āzin*, 1-е л. ж. р. — *āzan*; мн. ч. 3-е л. — *āzii*, 2-е л. — *āzītun*, 1-е л. — *āzah*. В повелительном наклонении вместо *z* слышится *s*: *si*(*sī*), мн. ч. — *sīmun*. Глагол *rāhiš* употребляется в причастии страдательного залога, причем первый *r* опускается: *hīša* (м. р.), *hīšta* (ж. р.), status absolutus — *hiš* (*hišti*). Часто этот глагол заменяется глаголом *āzil* и в инфинитиве, реже в повелительном наклонении: *hāša*, с частицами *birhāša*, *lirhāša*, чаще *brihāša* || *bizāla*; повелительное наклонение *huš* || *sī*.

Глагол *iävil* является глаголом двух спряжений. Кроме того, в одних глагольных формах корень представлен согласными *ihv* (< *ihb*), в других же — *ivl* (< *ibl*). Так, в формах, образованных от причастия действительного залога, встречается корень *ihb*, исключение составляет форма 3-го лица единственного числа мужского рода — *iävil*, но в форме женского рода — *iävā* (< *iāhbā*), 2-го лица — *iävīt* и женского рода — *iävāt*, 1-го лица — *iävīn* и женского рода — *iävān*, множественного числа 3-го лица — *iävīi*, 2-го лица — *iävītun*, 1-го лица — *iävāh*. Причастие страдательного залога (st. emph.) образуется как у глаголов II спряжения: *iüva* (м. р.), *iüvta* (ж. р.), мн. ч. — *iüvi*; но инфинитив как у глаголов I спряжения: *iävā*, с частицами *biävā*, *liävā* (но не *biiävā* и *liiävā*). В формах status absolutus причастия страдательного залога, как и в единственном числе причастия действительного залога, в корне имеются согласные *ivl* (причем пишут всегда с согласным *h* на втором месте — *ihbl*): *iävīl* и *iävīl* (*iävīlii* и *iävīlii*). Особо образуется повелительное наклонение: *hal*, мн. ч. *halun* (обычно пишут *habl*). Имя деятеля образуется как у глаголов I спряж. — *iävānā* (м. р.), *iävāntā* (ж. р.), а имя действия — как у глаголов II спряж. — *iävältä*.

ПАРАДИГМЫ СПРЯЖЕНИЯ СЛАБЫХ ГЛАГОЛОВ⁵²

ГЛАГОЛЫ I СПРЯЖЕНИЯ

	I _i : <i>ǰälip</i>	I': <i>āmir</i>	I': <i>āvīr</i>
I группа времен	<i>ǰälip</i> <i>ǰälpā</i>	<i>āmir</i> <i>amra</i>	<i>āvīr</i> <i>ōra</i>
II группа времен	<i>lipli</i> <i>liptā</i>	<i>miri</i> (< <i>mir-li</i>) <i>mira</i> (< <i>mir-la</i>)	<i>vīri</i> (< <i>vir-li</i>) <i>vīrā</i> (< <i>vir-la</i>)
III группа времен	<i>biǰǰāpeli</i> <i>biǰǰāpēlā</i>	<i>biṁāreli</i> <i>biṁārela</i>	<i>biṁārətī</i> <i>biṁārətā</i>
Повелительное наклонение	<i>lup</i> <i>lūpun</i>	<i>mur</i> <i>mūrun</i>	<i>vur</i> <i>vūrun</i>
Инфинитив	<i>liǰāpā</i>	<i>māra</i>	<i>vārā</i>
Имя действия	<i>liǰāptā</i>	<i>marta</i>	<i>vārtā</i>
Причастие стра- дательного за- лога	<i>lipā</i> <i>liptā</i>	<i>mīra</i> <i>mirta</i>	<i>vīrā</i> <i>vīrtā</i>
Имя деятеля	<i>ǰāl pānā</i> <i>ǰāl pāntā</i>	<i>amrāna</i> <i>amranta</i>	<i>orānā</i> <i>orāntā</i>
	II _i : <i>pā'iš</i>	II _u : <i>qā'im</i>	II': <i>šā'iš</i>
I группа времен	<i>pā'iš</i> <i>pešā</i> (< <i>pāišā</i>) (далеко везде с гласным <i>e</i> в основе)	<i>qā'im</i> <i>qēma</i> (< <i>qāimā</i>)	<i>šā'iš</i> <i>šāšā</i> (< <i>šāišā</i>)
II группа времен	<i>pišli</i> <i>pišlā</i>	<i>qimli</i> <i>qimla</i>	<i>šištī</i> <i>šištā</i>
III группа времен	<i>biṁiǰǰāšeli</i> <i>biṁiǰǰāšēlā</i>	<i>biṁiǰāmeli</i> <i>biṁiǰāmela</i>	<i>biṁiǰāšeli</i> <i>biṁiǰāšela</i>
Повелительное наклонение	<i>puš</i> <i>pūšun</i>	<i>qum</i> <i>qūmun</i>	<i>šuš</i> <i>šūšun</i>
Инфинитив	<i>piššā</i>	<i>qiāma</i>	<i>šiššā</i>

⁵² В парадигмах приводятся лишь формы 3-го лица мужского и женского рода единственного числа. Сначала дается форма мужского рода, затем женского. Для повелительного наклонения приводятся формы единственного и множественного числа.

Таблица 2 (продолжение)

	III: <i>pā'iš</i>	IV: <i>qā'im</i>	V: <i>šā'iš</i>
Имя действия	<i>piāštā</i>	<i>qīamta</i>	<i>šīdštā</i>
Причастие страдательного залога	<i>pišā</i> <i>pištā</i>	<i>qīma</i> <i>qimta</i>	<i>šīšā</i> <i>šīštā</i>
Имя деятеля	<i>pešānā</i> <i>pešāntā</i>	<i>qemāna</i> <i>qemanta</i>	<i>šəšānā</i> <i>šəšāntā</i>
Геминированный глагол <i>tā'im</i> (\sqrt{tmm})			
I группа времен	<i>tā'im</i> <i>tēma</i>		
II группа времен	<i>timli</i> <i>timlā</i>		
III группа времен	<i>bitiāmeḷi</i> <i>bitiāmeḷā</i>		
Повелительное наклонение	<i>tum</i> <i>tūmun</i>		
Инфинитив	<i>tiāma</i>		
Имя действия	<i>tiāmtā</i>		
Причастие страдательного залога	<i>tīmā</i> <i>timtā</i>		
Имя деятеля	<i>temānā</i> <i>temāntā</i>		
	III: <i>šāti</i>		III': <i>šāmī</i>
I группа времен	Единственное число		
	3-е л.	{ м. р. <i>šāti</i> ж. р. <i>šātiā</i>	<i>šāmī</i> <i>šāmīā</i>
	2-е л.	{ м. р. <i>šātīt</i> ж. р. <i>šātīāt</i>	<i>šāmīt</i> <i>šāmīāt</i>
	1-е л.	{ м. р. <i>šātīn</i> ж. р. <i>šātīān</i>	<i>šāmīn</i> <i>šāmīān</i>

Таблица 2 (продолжение)

	III _i : <i>sāti</i>	III' : <i>šāmī</i>
I группа времен	Множественное число	
	3-е л. <i>šātiḥ</i> 2-е л. <i>šāttun</i> 1-е л. <i>šātāḥ</i>	<i>šāmīḥ</i> <i>šāmītun</i> <i>šāmāḥ</i>
II группа времен	<i>šīli</i> <i>šīllā</i>	<i>šmīlī</i> <i>šmīlā</i>
III группа времен	<i>bištāḥeli</i> <i>bištāḥelā</i>	<i>bišmāḥeli</i> <i>bišmāḥela</i>
Повелительное наклонение	<i>štiḥ</i> <i>šīmun</i>	<i>šmīḥ</i> <i>šmīmun</i>
Инфинитив	<i>štāiā</i>	<i>šmāiā</i>
Имя действия	<i>štētā</i>	<i>šmētā</i>
Причастие стра- дательного за- лога	<i>šitiā</i> <i>šītā</i>	<i>šimā</i> <i>šmītā</i>
Имя деятеля	<i>šātīānā</i> <i>šātīāntā</i>	<i>šāmīānā</i> <i>šāmīāntā</i>

Таблица 3

ГЛАГОЛЫ II СПРЯЖЕНИЯ
УСИЛИТЕЛЬНАЯ ПОРОДА

	II _i : <i>hāḥir</i>	II _u : <i>qāvim</i>	II' : <i>sā'ir</i>
I группа времен	<i>hāḥir</i> <i>hāḥira</i>	<i>qāvim</i> <i>qāvima</i>	<i>sā'ir</i> <i>sārā</i>
II группа времен	<i>huḥiri</i> (< <i>huḥirli</i>) <i>huḥira</i> (< <i>huḥirli</i>)	<i>quvimli</i> <i>quvimla</i>	<i>suviḥri</i> <i>suviḥrā</i>
III группа времен	<i>hāḥūri</i> <i>hāḥūri</i>	<i>qavūmili</i> <i>qavūmila</i>	<i>sāvūriḥi</i> <i>sāvūriḥā</i>
Повелительное наклонение	<i>hāḥir</i> <i>hāḥirun</i>	<i>qāvim</i> <i>qavīmun</i>	<i>sā'ir</i> <i>sārūn</i>

Таблица 3 (продолжение)

	IIj: hājir	II y: qāvim	II': sâ'ir
Инфинитив	hajūri	qavūmi	sāvūrj
Имя действия	hajarta	qavamta	sārtā
Причастие страдательного залога	hujira hujirta	quvima quvimta	sūrā suvirtā
Имя деятеля	hajirāna hajiranta	qavimāna qavimanta	sārānā sārāntā
Геминированный глагол <i>tāmim</i> (\sqrt{tmm})			
I группа времен	<i>tāmim</i> <i>tāmimā</i>		
II группа времен	<i>tumimli</i> <i>tumimlā</i>		
III группа времен	<i>tāmūmili</i> <i>tāmūmila</i>		
Повелительное наклонение	<i>tāmim</i> <i>tāmimun</i>		
Инфинитив	<i>tāmūmi</i>		
Имя действия	<i>tāmāmtā</i>		
Причастие страдательного залога	<i>tumimā</i> <i>tumimtā</i>		
Имя деятеля	<i>tāmimūnā</i> <i>tāmimāntā</i>		
		IIIj: sapī	III': ḡāmī
Единственное число			
I группа времен	3-е л.	{ м. р. <i>sāpī</i> ж. р. <i>sāpīā</i>	<i>ḡāmī</i> <i>ḡāmīā</i>
	2-е л.	м. р. <i>sāpit</i>	<i>ḡāmīṭ</i>

Таблица 3 (продолжение)

	III: <i>sāpi</i>	III': <i>ḡāmī</i>
I группа времен	2-е л. ж. р. <i>sāpiāt</i>	<i>ḡāmīāt</i>
	1-е л. { м. р. <i>sāpin</i> ж. р. <i>sāpiān</i>	<i>ḡāmīn</i> <i>ḡāmīān</i>
	Множественное число	
	3-е л. <i>sāpiī</i> 2-е л. <i>sāpitun</i> 1-е л. <i>sāpāh</i>	<i>ḡāmīī</i> <i>ḡāmītun</i> <i>ḡāmāh</i>
II группа времен	<i>supṭli</i> <i>supilā</i>	<i>ḡumīṭī</i> <i>ḡumītā</i>
III группа времен	<i>sāpūīli (sāpūūli)</i> <i>sāpūīila (sāpūūila)</i>	<i>ḡāmūīīṭī (ḡāmūūīṭī)</i> <i>ḡāmūīītā (ḡāmūūītā)</i>
Повелительное на- клонение	<i>sāpiī</i> <i>sāpīmun</i>	<i>ḡāmīī</i> <i>ḡāmīmun</i>
Инфинитив	<i>sāpūīi (sāpūūi)</i>	<i>ḡāmūīi (ḡāmūūi)</i>
Имя действия	<i>sāpētā</i>	<i>ḡāmētā</i>
Причастие стра- дательного за- лога	<i>supiā</i> <i>supitā</i>	<i>ḡumīā</i> <i>ḡumītā</i>
Имя деятеля	<i>sāpiānā</i> <i>sāpiāntā</i>	<i>ḡāmīānā</i> <i>ḡāmīāntā</i>

Таблица 4

ПРИВУДИТЕЛЬНАЯ ПОРОДА

	I: <i>mālip, māliiz</i>	I': <i>māḥiṭ</i>	I'': <i>māvīr</i>
I группа времен	<i>mālip, māliiz</i> <i>mālpā, māliizā</i>	<i>māḥiṭ</i> <i>māḥitā</i>	<i>māvīr</i> <i>mōrā (< māvra)</i>
II группа времен	<i>mulipli, muliizli</i> <i>muliplā, muliizlā</i>	<i>muḥiṭī</i> <i>muḥiṭā</i>	<i>muvīri</i> <i>muvīrā</i>
III группа времен	<i>mālūpili, mālūzili</i> <i>mālūpilā, mālūzilā</i>	<i>māḥūtīṭī</i> <i>māḥūtītā</i>	<i>māvūrīṭī</i> <i>māvūrītā</i>

Таблица 4 (продолжение)

	I: <i>mālip, mālijiz</i>	I': <i>māḥiṭ</i>	I': <i>māvīr</i>
Повелительное наклонение	<i>mālip, mālijiz mālpun, mālijizun</i>	<i>māḥiṭ māḥiṭun</i>	<i>māvīr māvīrun</i>
Инфинитив	<i>mālūpi, mālijūzi</i>	<i>māḥūṭi</i>	<i>māvūri</i>
Имя действия	<i>mālāptā, mālijāzā</i>	<i>māḥāṭtā</i>	<i>māvārtā</i>
Причастие стра- дательного за- лога	<i>mulpā, mulijzā muliptā, mulijzā</i>	<i>muḥtā muḥiṭtā</i>	<i>muvirā muvirā</i>
Имя деятеля	<i>mālpānā, mālijānā mālpāntā, mālijāntā</i>	<i>māḥtānā māḥtāntā</i>	<i>morānā (< māv- rānā) morāntā (< māvranā)</i>
	II: <i>mādir, manijih</i>	III: <i>māqim</i>	III': <i>māsīr</i>
I группа времен	<i>mādir, manijih madira, manijihā</i>	<i>māqim maqima</i>	<i>māsīr māsīrā</i>
II группа времен	<i>mudiri, munijihli mudira, munijihla</i>	<i>muqimli muqimla</i>	<i>musīri musīrā</i>
III группа времен	<i>madūri, manijūhili madūri, manijūhila</i>	<i>maqūmli maqūmila</i>	<i>māsūriṭi māsūriṭā</i>
Повелительное наклонение	<i>mādir, manijih madirun, manijihun</i>	<i>māqim maqimun</i>	<i>māsīr māsīrun</i>
Инфинитив	<i>madūri, manijūhi</i>	<i>maqūmi</i>	<i>māsūri</i>
Имя действия	<i>madarta, manijahta</i>	<i>maqamta</i>	<i>māsārtā</i>
Причастие стра- дательного за- лога	<i>mudira, munijihā mudirta, munijihā</i>	<i>muqima muqimta</i>	<i>musīrā musīrā</i>
Имя деятеля	<i>madirāna, manijihāna madiranta, manijihā- hanta</i>	<i>maqimāna maqimanta</i>	<i>māsīrānā māsīrāntā</i>

Таблица 4 (продолжение)

Геминированный глагол <i>māḥim</i> √ <i>ḥtm</i>		
I группа времен	<i>māḥim</i> <i>maḥima</i>	
II группа времен	<i>muḥimli</i> <i>muḥimla</i>	
III группа времен	<i>maḥūmili</i> <i>maḥūmila</i>	
Повелительное наклонение	<i>māḥim</i> <i>māḥimūn</i>	
Инфинитив	<i>maḥūti</i>	
Имя действия	<i>maḥamta</i>	
Причастие стра- дательного за- лога	<i>muḥima</i> <i>muḥimta</i>	
Имя деятеля	<i>maḥimāna</i> <i>maḥimanta</i>	
	III: <i>māsti</i>	IV: <i>māšmi</i>
	Единственное число	
I группа времен	3-е л. { м. р. <i>māsti</i> { ж. р. <i>māstīiā</i>	<i>māšmi</i> <i>māšmīiā</i>
	2-е л. { м. р. <i>māstīl</i> { ж. р. <i>māstīiāt</i>	<i>māšmīl</i> <i>māšmīiāt</i>
	1-е л. { м. р. <i>māštīn</i> { ж. р. <i>māstīiān</i>	<i>māšmīn</i> <i>māšmīiān</i>

Таблица 4 (продолжение)

	Множественное число	
	3-е л. <i>māštīj</i> 2-е л. <i>māštītun</i> 1-е л. <i>māštāḥ</i>	<i>māšmīj</i> <i>māšmītun</i> <i>māšmāḥ</i>
II группа времен	<i>muštīli</i> <i>muštīlā</i>	<i>mušmītī</i> <i>mušmītā</i>
	III: <i>māsti</i>	III': <i>māšmī</i>
III группа времен	<i>māštūjili</i> <i>māštūjilā</i>	<i>māšmūjīj</i> <i>māšmūjīḡa</i>
Повелительное наклонение	<i>māštīji</i> <i>māštīmun</i>	<i>māšmīj</i> <i>māšmīmūn</i>
Имя действия	<i>māštūj</i> (<i>māštūji</i>)	<i>māšmūjī</i> (<i>māšmūjī</i>)
Инфинитив	<i>māštētā</i>	<i>māšmātā</i>
Причастие стра- дательного за- лога	<i>muštīiā</i> <i>muštītā</i>	<i>mušmīiā</i> <i>mušmītā</i>
Имя деятеля	<i>māštīiānā</i> <i>māštīiāntā</i>	<i>māšmīiānā</i> <i>māšmīiāntā</i>

ЧЕТЫРЕХСОГЛАСНЫЕ ГЛАГОЛЫ

Все четырехсогласные глаголы — II спряжения и имеют только одну породу, соответствующую II породе. Исключением составляет глагол *māprīm* и *māprīmī* — принудительная порода от *pārmī* (см. ниже). Четырехсогласные глаголы спрягаются так же, как правильные трехсогласные глаголы в принудительной форме, если образователь причастия породы *m-* принять за корневой согласный. Например, от глагола *hāmzim* 'говорить' причастие действительного залога *hāmzim* (ср. *māqīl*), причастие страдательного залога — *humzimā*, инфинитив — *hāmzūmi*, имя действия — *hāmzāmtā*.

СПРЯЖЕНИЕ
ЧЕТЫРЕХСОГЛАСНЫХ ГЛАГОЛОВ

I группа времен	<i>hämzim</i> <i>hämzimä</i>
II группа времен	<i>humzimli</i> <i>humzimlä</i>
III группа времен	<i>hämzümli</i> <i>hämzümilä</i>
Повелительное наклонение	<i>hämzim</i> <i>hämzimun</i>
Причастие страдательного залога	м. р. <i>humzimä</i> ж. р. <i>humzimtä</i>
Имя деятеля	<i>hämzimünä</i> <i>hämzimäntä</i>

Слабые четырехсогласные глаголы бывают либо с конечным слабым согласным, например *pärm̄i* ($\sqrt{pr̄m̄i}$) 'понимать', в принудительной форме *māpr̄im̄i* (наряду с *māpr̄im*), либо со слабым вторым и четвертым согласными, например *nōni* 'просить', 'умолять' (< *naun̄i*, $\sqrt{nun̄i}$), а также звукоподражательные типа *zōzi* (< *zaɣzaɣ*) 'выть'.

Глаголы типа *pärm̄i* спрягаются как и каузативная форма трехсогласных слабых глаголов с конечным слабым согласным — *māsti* (см. ниже парадигмы спряжения четырехсогласных слабых глаголов).

В глаголах типа *nōni* второй корневой *u* (*v*) сливается с предыдущим гласным: *a + u > ō*, *u + u > ū*; окончания же меняются так же, как при глаголах с конечными слабыми согласными (см. ниже).

ПАРАДИГМЫ СЯЗЖЕНИЯ ЧЕТЫРЕХСОГЛАСНЫХ
СЛАБЫХ ГЛАГОЛОВ

	Ш _л : <i>pârmî</i>	Щ _л и IV _л : <i>nõni</i>
I группа времен	Единственное число	
	3-е л. { м. р. <i>pârmî</i> ж. р. <i>pârmîã</i>	<i>nõni</i> (< <i>nauni</i>) <i>nõniã</i>
	2-е л. { м. р. <i>pârmît</i> ж. р. <i>pârmîãt</i>	<i>nõnit</i> <i>nõniãt</i>
	1-е л. { м. р. <i>pârmîn</i> ж. р. <i>pârmîãn</i>	<i>nõnin</i> <i>nõniãn</i>
	Множественное число	
	3-е л. <i>pârmîi</i>	<i>nõniï</i>
	2-е л. <i>pârmîtun</i>	<i>nõnitun</i>
	1-е л. <i>pârmâh</i>	<i>nõnâh</i>
II группа времен	<i>purmîtî</i> <i>purmîtã</i>	<i>nũntli</i> <i>nũntlã</i>
III группа времен	<i>pârmũiïtî</i> <i>pârmũiïtã</i>	<i>nõnũiïli</i> (< <i>naunũiïli</i>) <i>nõnũiïlã</i>
Повелительное наклонение	<i>pârmîi</i> <i>pârmîmun</i>	<i>nõniï</i> (< <i>nauniï</i>) <i>nõnitmun</i>
Инфинитив	<i>pârmũiï</i> (<i>pârmũiï</i>)	<i>nõnũiï</i> (<i>nõnũiï</i>)
Имя действия	<i>pârmētã</i>	<i>nõnētã</i>
Причастие стра- дательного за- лога	<i>purmîiã</i> <i>purmîtã</i>	<i>nũntiã</i> <i>nũntitã</i>
Имя деятеля	<i>pârmîiãnã</i> <i>pârmîiãntã</i>	<i>nõniïãnã</i> <i>nõniïãntã</i>

ПРИНУДИТЕЛЬНАЯ ПОРОДА

māprīm // māprīmī

I группа времен	<i>māprīm māprīmā</i>	<i>māprīmī māprīmīā</i>
II группа времен	<i>muprīmīti muprīmītā</i>	<i>muprīmītī muprīmītā</i>
III группа времен	<i>māprūmītī māprūmītā</i>	—
Повелительное наклонение	<i>māprīm māprīmūn</i>	<i>māprīmīi māprīmīmūn</i>
Инфинитив	<i>māprūmī</i>	—
Имя действия	<i>māprāmtā</i>	<i>māprīmētā</i>
Причастие стра- дательного за- лога	<i>muprīma muprīmtā</i>	<i>muprīmīiā muprīmītā</i>
Имя деятеля	<i>māprīmānā māprīmāntā</i>	<i>māprīmīiānā māprīmīiāntā</i>

ЧАСТИЦЫ

НАРЕЧИЯ

Большая часть наречий в современном ассирийском языке не имеет никаких особых окончаний, за исключением группы наречий с формантом *-īt*, образующим наречия от имен прилагательных и существительных. Особенно часто *-īt* встречается в наречиях, выражающих языковую принадлежность, например: *sūrāīt* 'по-сирийски', *parsāīt* 'по-персидски'.

По своему составу наречия могут быть простыми и сложными. Последние часто представляют собой местоимения или имена существительные с предлогами и с частицами, например: *berāši* 'вечером' от *bēt* 'между' и *ramši* 'вечера' (букв. 'между вечерами'); *midri* 'опять' от *min* 'от', 'из', относительной частицы *d-* и *riš* 'голова'. Наречием часто служит существительное (абстрактное) с предлогом *bi(b)*: *bičātunūta* 'с трудом', 'тяжело' от *čātunūta* 'трудность', 'тяжесть'; *bišārāsūtā* 'истинно' от *sārāsūtā* 'истина'.

Говоря о простых наречиях, особенно следует отметить слова, фактически представляющие собой имена прилагательные, не меняющиеся по родам. Примерами могут служить: *rābā* 'много' и 'очень', *spāi* 'хороший' и 'хорошо', *hīrbā* 'плохой' и 'плохо'. Имеются случаи, когда наречием служит прилагательное женского рода: *qamāja* 'первый', но *qamēta* 'первая' и 'сперва'.

Среди наречий много иноязычных заимствований: арабских (*albata* 'конечно', 'разумеется', *daiṣan* 'всегда'), турецких (*aṅṅaḥ* 'только', *čim* 'очень'), персидских (*bēšik* 'без сомнения', *buš* 'больше', *bālkū* 'может быть', *gāldi* 'скоро', 'быстро'), курдских (*barābar* 'поровну', *hurāi* 'напрасно').

Примеры простых наречий:

наречия времени: *adīia* 'сейчас' (<*adiha*), часто в виде *adī*, *idīju* 'сегодня' (<*ad-iim*), *adlēli* 'сегодня ночью', *dāim* 'всегда', *quḏmi* 'вчера';

наречия места: *īkā* 'где?', *lāha* 'здесь', *tāma* 'там';

наречия образа действия: *aḥči* 'только', *miḡid* 'истинно', 'верно', *nīha* 'тихо', 'медленно', *hasanāi* 'легко'.

ПРЕДЛОГИ

Предлоги в ассирийском языке делятся на две группы: самостоятельные и слитные. К последним в основном относятся предлоги, выражающие пространственные отношения, например *l-* и *la-* 'к', 'по направлению к', 'в' (на вопрос «куда?») и *b-* 'на': *lmditā* 'в город', *lbēta* 'домой', *lušqot* 'в школу', *labēta* 'по направлению к дому', 'к дому', *lāmditā* 'по направлению к городу', 'к городу'; *brīšuḥ* 'на твоей голове'.

Общесемитский слитный предлог *k-*, выражающий обычно сравнение, встречается только в словах *aḥ*, *daḥ* (от *aik*, *daik*) 'как' и *kimā* 'сколько'.

К самостоятельным предлогам относятся:

а) *aḥ*, *daḥ*, *maḥ* (<'aik, d-'aik, min-'aik), выражающие сравнение — «как»: *aḥ do nāša* 'как тот человек';

б) предлоги, выражающие пространственные отношения: *bīl* 'между' <*bīt-l* (*bīl dītān* 'между нами'); *bar* 'за' <*bātar* (*bar bēta* 'за домом'); *gō*, *gū* 'в' (*gō mātā* 'в деревне'); *kis*, *lkis* 'к', 'у' (*lkis bābīi* 'у моего отца', 'к моему отцу'); *min* 'из', 'от' (*min gipitā* 'из пещеры'); *āl* 'на' (*āl miz* 'на стол', 'на столе'); *qam* 'перед' <*qadam* (*qam tāra* 'перед дверью'); *ḥut*, *tḥut* 'под' (*tḥut ilānā* 'под деревом');

в) предлог *qa* 'для', выражающий целевое отношение (*qa iāla* 'для ребенка');

г) предлоги *min*, *ām* 'с', 'вместе с', выражающие совместное действие (*mini* 'со мной', *amūḥ* 'с тобой').

К самостоятельным предлогам следует отнести предлоги иранского происхождения: *bē* 'без' (*behōna* 'без ума', *beriz* 'беспорядочный'), *but* 'о', 'об', 'из-за' (*but malkā* 'о царе'), *hal* 'до' (*hal mditā* 'до города').

Все остальные предлоги, в том числе и заимствованные, требуют после себя относительной частицы *d*⁵³: *arzbāni d-* 'вокруг', *dipnā d-* 'около', 'рядом', *sabab d-* 'по причине', 'ввиду', *qurba d-* 'около', 'близ'.

Необходимо подчеркнуть, что в таких случаях предлогами могут служить не только одни имена существительные, но и существительные с предлогами, например: *min gibā d-* 'вместо'; *min gāvā d-* 'изнутри', 'из'; *bgāvā d-* 'в середине', 'внутри', 'в'; *bārātiḡ d-* 'в середине', 'в'; *but hatir d-* 'ради'.

В качестве предлогов могут быть использованы и глагольные формы, например: *šug min* 'кроме' (*šug* — повелительное наклонение от глагола *šāviq* 'оставить').

ЧАСТИЦЫ

Под частицами в собственном смысле подразумевают отрицательные, утвердительные, относительные частицы, а также частицы, указывающие на дополнения (*nota accusativi* и *nota dativi*).

Общесемитская отрицательная частица *lā* (часто с кратким гласным *la*) получила широкое распространение и является обычным отрицанием, противостоящим единственной утвердительной частице *hī* (*hi*): *hal gūvab, hī jan lā!* 'ответай, да или нет!'; *lā āna, lā at!* 'не я, не ты!'.
Частица *lā* часто образует отрицательные прилагательные и абстрактные имена (см. стр. 36).

В значении «не» употребляется также частица *lē*, встречающаяся только с глаголом в изъявительном наклонении (см. стр. 53).

Заимствованная из турецкого частица *hiç* (*hiç ha îlala* 'ни один ребенок') служит для выражения категорического отрицания. В аналогичном значении употребляется и другая отрицательная частица, заимствованная из курдского — *çi*: *çi-nāša* 'ни один человек', 'никто'.

Как частица *hiç*, так и *çi* являются составными частями отрицательных местоимений, например: *hiçnāša* и *çunāša* 'никто', *hiçmindî* и *çimindî* 'ничто', 'ничего' (ср. стр. 34).

Относительная частица *d*-(*d^e*) связывает не только имена (существительные), например *bēta dšvāvā* 'дом соседа', но и предлоги с последующими именами, как это явствует из

⁵³ Та же частица *d*- требуется и после приведенных выше предлогов, если они ставятся перед указательными местоимениями.

вышеприведенных примеров (см. стр. 80), а также предложения. В последнем случае ее следует рассматривать как союз (см. ниже). Частица *d-*, таким образом, является универсальной связывающей частицей (морфемой).

Для указания прямого дополнения в современном ассирийском языке часто применяются специальные частицы, которые ставятся перед дополнением (*nota accusativi*). Этими частицами являются известные нам предлоги *l-* и *qa* (см. стр. 85).

Иногда частица указывает и на косвенное дополнение (*nota dativi*). В этой роли выступает все та же частица *l-* (как и в других семитских языках!), иногда *b-*.

СОЮЗЫ

Среди сочинительных союзов следует назвать: а) соединительные: *u* 'и'; *ur*, *zi* (курд.), *urzi*, *ham* (перс.), *da* (тур.) 'также', 'и'; б) противительные: *inā*, *ilā* 'но', 'а'; *iḥsa* (тур.) 'а то'; *lākin* (араб.), *māgār d-* 'но'; в) разделительные: *ian* 'или', *īanda* 'или же'.

Подчинительными союзами являются: а) подчинительные: *d* 'который'; б) причинные: *sabab d-*, *čunki d-* (перс.) 'так как', 'потому что'; в) целевые: *d-*, *qat (qā + d)* 'чтобы', *dla* 'чтобы не'; г) временные: *min bar d-* 'после того как', *imān d-* 'когда'; *hal d-* 'пока', 'до тех пор пока'; *kād* 'в то время как', 'тогда как'; *min d-* 'с тех пор как', *qam d-* 'перед тем как'; д) пространственные: *ikā d-* 'где'; е) условные: *in* 'если'; *ägār* (перс.) 'если'; *māgār* (перс.) 'если не'; ж) сравнительные: *aḥ d-*, *dāḥi d-*, *māḥi d-* 'как', *aḥ din* 'как будто'; з) изъяснительные: *īāni* (араб.) 'то есть'.

МЕЖДОМЕТИЯ

В современном ассирийском языке встречается немало количество междометий, среди них отдельные имена и глаголы, а также целые выражения. Приведем некоторые, самые распространенные из них: а) одобрительные: *bāsmā giānuḥ!* 'молодец!'; б) выражающие удивление: *aībol!*; *bah!*; *īa māriā!* 'о господи!'; в) выражающие сожаление: *žārili!* 'о горе мне!'; г) обращение: *eī* 'ей!'; *īā* 'о' (*īā nāša!* 'о человек!'). Часто употребляются также *āḥir* 'ведь' и *bīnā!* Последнее при переспрашивании вопроса («что?») или в ответ на зов («да, слушаю!»).

СИНТАКСИС СЛОВСОЧЕТАНИЯ

Основные виды словосочетания — сочинительные и подчинительные.

Сочинительные словосочетания образуются при помощи сочинительных союзов: *u* 'и', *ur*, *ham* 'еще', 'также',

inā 'а', 'но' и др., например: *Mālānāsrādīn u silqī* 'Молла-Насреддин и бураки', *trema dāvi ham ḥa ḡavāhir ṭimānā* 'двести золотых и еще один дорогой камень'.

Синтаксическая связь между членами подчинительного словосочетания осуществляется посредством согласования [*kālbā* (м. р.) *sriḥā* 'бешеная собака', но *kāliptā* (ж. р.) *sriḥtā*], управления (*kitāvā d- iskūlāiā* 'книга ученика', *brāsupā* 'наперсток', букв. 'дочь пальца') и примыкания (*qrīli ḡins* 'хорошо прочел', *Šahābaz mālkā* 'царь Шах-Аббас').

В современном ассирийском языке встречаются все основные типы словосочетаний: именные (где главным словом выступает имя в широком смысле: существительные, прилагательные, числительные, местоимения), глагольные (в роли главного слова — глагол или отглагольное имя) и наречные.

Особо следует выделить именные словосочетания, которые представляют собой генетивную конструкцию с участием двух существительных. Встречаются три типа такого словосочетания:

1. Генетивное словосочетание, в котором главное слово (определение) стоит в *status constructus* (см. стр. 42). Этот, характерный для семитских языков, тип словосочетания в современном ассирийском языке встречается редко, в основном в композитах: *bne mātā* 'сельские жители' (букв. 'сыны села'), где слово *mātā* требует предыдущего слова *bnūni* в *status constructus* — *bnē*.

2. Генетивное словосочетание, в котором определение снабжается притяжательным местоименным суффиксом, соответствующим определяемому — так называемый «турецкий изафет»: *blēli lā tīlā šintu aḥūna ḡūrā* 'ночью старший брат не мог заснуть' (букв. 'ночью не пришел сон его брат старший', т. е. 'сон старшего брата'): *Mar-Šimun qoṣṣunu plātī* 'придет войско Мар-Шимуна' (букв. 'Мар-Шимун, войско его придут'); *mīiā kilīi riḥe kī āti* 'стоячая вода воняет' (букв. 'воды стоячие запах их идет', т. е. 'запах стоячей воды идет').

3. Генетивное словосочетание, в котором главное слово, стоящее в *status emphaticus*, определяется последующим существительным, выполняющим функцию родительного падежа при помощи относительной частицы *d-*: *zāiā d-kirviš* 'зайченок' (букв. 'детеныш зайца'), ср. стр. 37, 45, а также стр. 42.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ

По своему составу предложения делятся на простые и сложные. Последние чаще встречаются в литературном языке, в разговорном же преобладают простые предложения.

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ВИДЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В арамейском, как и во всех семитских языках, существуют два основных типа простого предложения: глагольное предложение и именное предложение. В первом случае в роли сказуемого выступает личная форма глагола, во втором же — имя (обычно — прилагательные и причастия) в *status absolutus*. В современном ассирийском языке имя, стоящее в *status absolutus*, понимается только как личная форма глагола в отличие от имен, стоящих в *status emphaticus*. Поэтому для ассирийского языка понятия «глагольное предложение» и «именное предложение» не совпадают полностью с теми же понятиями в других семитских языках, в том числе и в древнеарамейских диалектах.

Именными в ассирийском могут быть лишь те предложения, где в роли предиката выступают имена, стоящие в *status emphaticus*. Так, например, *kīpā iāqūra bdūktā d-g'ānu* 'тяжелый камень на своем месте [должен быть]'; *ātin keipuh!* 'воля твоя!' (т. е. 'как ты хочешь', букв. 'ты — твоё желание'). Особенно часто именное предложение встречается в сложных предложениях в виде придаточного: *g'ušiqli, inā g'dā qarğa tivtā qurbu* 'посмотрел, [и вот] одна ворона сидит около него' (букв. 'посмотрел, а одна ворона, сидевшая около него'); *g'zīlun, inā [sōtī] d'Abu-l Qāsim* 'посмотрели, [оказывается туфли] Абу ал-Касима' (букв. 'посмотрели, но [туфли] Абу ал-Касима').

Во всех остальных случаях мы имеем дело с глагольными предложениями, включая и предложения с составными сказуемыми, в которых именная часть представлена именем в *status emphaticus* (см. ниже).

По интонационному признаку в ассирийском языке различают повествовательные, вопросительные, повелительные и восклицательные предложения.

Вопросительные предложения, содержащие общий вопрос, отличаются от повествовательных только по интонации: для повествовательных предложений характерна нисходящая интонация, для вопросительных же — восходящая: *qudmi hišluḥ gū mdītā* 'вчера ты пошел в город' и *qudmi hišluḥ gū mdītā?* 'вчера ты пошел в город?'. При специальных вопросах употребляются вопросительные слова (местоимения, наречия), которые обычно стоят в начале предложения: *mi vādivit lāḥa?* 'что ты здесь делаешь?'; *dāḥi bit ʕraḥla āha ša-qīta?* 'как мы перейдем этот ручей?'. Вопросительные слова могут стоять после подлежащего или дополнения, но всегда перед сказуемым: *bas āna qamūdivin?* 'для чего же я?'; *āniḥ silqi mān gūbiēli?* 'эти бураки кто собрал?'.
83

Повелительное предложение характеризуется соответствующей интонацией и наличием сказуемого в повелительном или сослагательном наклонении (при заимствовании форм 1-го и 2-го лица): *pāqid, pāqid, aḥūni tālā!* 'войди, войди, брат мой лиса!' В случае так называемого косвенного повеления широко применяется слово *ḥuš* 'пусть', 'да' [в диалектах *uš(už)*, повелительное наклонение от глагола *rāḥuš* 'идти']: *ḥuš āti!* 'пусть придет!'

Восклицательные предложения, выражающие восхищение, одобрение, удивление, возмущение и т. д., имеют восклицательную интонацию и содержат слова с эмоциональной окраской, в том числе и междометия: *kmā šapirtela!* 'как красива!'; *haṭḥa phīla, iamar iāla!* 'так плакала, о господи, боже!'

Все приведенные выше предложения могут быть утвердительными или отрицательными.

Отрицательные предложения содержат либо отрицательную форму глагола *verbum existentium lit* (например, *bābo lit gō bēta* 'се отца нет дома'), либо отрицательные частицы *lē* и *lā* (*lā msīlun pālīlī* 'не смогли его вытащить', *āna lēvin gināvā* 'я не вор', *iimiḥ lē bāiāvāli* 'моя мать не любила его'). Встречаются и иноязычные негативные частицы *hič* и *ču*, но всегда вместе с упомянутыми *lē* и *lā* как усилители отрицания (категорическое отрицание). Таким образом, в указанном случае мы имеем предложение с двойным отрицанием: *at hič ḥizma litluḥ* 'у тебя никакого родственника нет', *hič la tānāt* 'ничего не говори!'

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Подлежащее выражается: а) именем существительным (*tālā viḥi gō ḥa kārmā* 'лиса вошла в виноградник'); б) именем числительным (*tre mine mitlun* 'двое из них умерли'); в) именем прилагательным (*sūrā itvali ārpā iāli* 'младший имел четырех детей'); г) местоимением (*bar mōtā d^ebābe āniḥ burbizlun ikülā dāviltu* 'после смерти отца они расточили все его богатство'); д) отглагольными именами (*npältā d^egda mitlet min gⁱānola* букв. 'падение народа от него же' ('в своем падении виноват сам народ').

Сказуемое может быть выражено не только личной формой глагола, как, например, *ptuḥ pangāra* 'открой окно!', или *adīa piāti bābuḥ* 'сейчас придет твой отец', но и именами (в широком смысле) и наречиями. В данном случае требуется глагол-связка, в роли которого выступает *verbum substantivum* (см. стр. 49—50). Таким образом получены составные именные сказуемые: *o nāša iāḥāneli < o nāša iāḥānā ili* 'тот человек — мельник'; *āha iāla tīveli < āha iāla tīvā ili* 'этот мальчик сидит' < 'этот мальчик сидевший есть'. В ассирийском языке встречается и другой вид составного ска-

зуемого: вспомогательный глагол с причастием страдательного залога основного глагола: *pišli buqra but dāha* 'был спрошен об этом'. Глагол-связка встречается также и с другими частями речи (с местоимением, числительным, наречием): *āha iāla dīli* 'этот мальчик мой', *aḥnan itāivāh* 'нас трое', *miḡidilā* 'верно'.

В роли сказуемого выступает и *verbum existentium*: *itvā litvā itvā ḥa mālkā* 'жил был один царь', букв. 'был, не был царь'.

Дополнение (как прямое, так и косвенное) может быть выражено: а) именем существительным (*qarḡa puḡiḡlā lḡarmā min bātūtu* 'ворона вытащила кость из его глотки'; *qa kirviš bimārena ruq. . .* 'зайцу говорят — «бегни!». . .'); б) местоимением (*barnāša drīli ślāmā ātā* 'человек приветствовал их'); в) прилагательными и причастиями (*kūlā dāviltā bit māḡlā qa ḡūrā* 'все богатство достанется старшему'); г) числительными (*aḡ litirve barābar ki maḡibava* 'она обоих одинаково любила'). Определить вид дополнения можно только по смыслу, так как общесемитская частица дательного падежа (*nota dativi*) *l* в современном ассирийском языке широко используется в функции *nota accusativi* (т. е. показателя прямого дополнения), а предлог *qa*, в литературном языке обычно употребляемый перед косвенным дополнением, в диалектах является показателем прямого дополнения.

Определение выражается: а) местоимением (указательным и притяжательным) (*kilpāt diān ḡürtelā* 'наша семья большая'; *āha rēḥa bāsīmā mikelī?* 'откуда этот приятный запах?'); б) прилагательными и причастиями (*māha sābab ḡdīlī bḡadūta ḡürtā* 'но этому поводу я очень обрадовался', букв. 'обрадовался большой радостью'); в) порядковыми числительными (*brānu treiāna la diḡi bēta* 'его второй сын не вернулся домой'). Все названные определения согласованные (см. ниже). Встречаются и несогласованные определения, а именно в *status constructus*: *brātīt mālkā (<brāta d'mālkā) e ḡürtā mḡila ḡabūša ḡū qāsā d'brūnmālka* 'старшая дочь царя ударила яблоком в лоб сына царя'.

Обстоятельство выражено соответствующим наречием, а именно: обстоятельство времени — наречием времени (*udiu hāva šaḡīneli* 'сегодня теплая погода'), обстоятельство места — наречием места (*muḡivit vāda tāma?* 'что там делаешь?'), обстоятельство образа действия — наречием образа действия (*sitvā ḡāldi tīli* 'зима скоро пришла', *brūniḡ ḡirbā bilīāpeli* 'мой сын плохо учится').

Согласование членов предложения

Подлежащее и сказуемое согласуются в роде и числе. Это в первую очередь касается подлежащих, выраженных именами существительными: *iāla biktāveli* 'мальчик пишет',

но *ĵali biktävenä* 'мальчики пишут'; *bäbo kribli* 'ее отец рассердился', но *ĵimo kriblä* 'ее мать рассердилась'. То же самое относится и к местоимениям: *av biliäpeli* 'он учится', но *aĵ biliäpelä* 'она учится', *äniĵ biliäpenä* 'они учатся'. Местоимения, не имеющие рода (*āha* 'этот', 'эта', *māniĵ* 'кто?'), требуют сказуемого в женском роде, если предметы, на которые они указывают, женского рода: *āha [brāta] rābā zdiĵlä* 'эта [девушка] очень испугалась'; *māniĵ mine [min baĵtāti] husĵiä?* 'кто из них [женщин] родила?'.

Имя собирательное, как правило, согласуется со сказуемым по формальному признаку: *bıqra bĵrāĵeli gö ĵmān* 'стадо пасется в поле'; *ālmā ĵaldi ĵmĵli* 'народ быстро собрался', но в литературном языке нередко также и по смысловому признаку: *ālmā ki amriĵ* 'народ говорит...', букв. 'народ говорят'.

Сказуемое может стоять во множественном числе и при подлежащем, выраженном местоимением *māniĵ*, если последнее указывает на предмет, выраженный именем во множественном числе: *māniĵ tĵlun kisloĵun qudmĵ* 'кто пришел к вам вчера?', букв. 'кто пришли к вам вчера?'. Согласование в числе по смыслу имеется и тогда, когда подлежащее выражено такими словами, как, например, *rābā* 'много', *ĵaĵa* 'мало', *kĵmä* 'сколько', *ĵäkĵmä* 'несколько', 'некоторые', 'одни', числительными *tre* 'два' и больше: *ĵäkĵmä ĵuĵlun, ĵäkĵmä piĵlun* 'одни ушли, другие остались'; *kĵmä minoĵun biliäpitun ĵü uĵqoĵ* 'сколько из вас учится в школе?'. Подлежащее, состоящее из нескольких имен, также требует сказуемого во множественном числе: *bābiĵ, ĵimiĵ, ĵātiĵ up āna ki ĵāĵaĵ ĵü Masqor* 'мой отец, мать, сестра и я живем в Москве'.

В составных сказуемых между компонентами (в одних сказуемых — имя и глагол-связка, в других — причастие страдательного залога и так называемый вспомогательный глагол) имеется согласование как в числе, так и в роде: *av ſidāneĵi* 'он сумасшедший', ж. р. — *aĵ ſidāntelä*, мн. ч. — *āniĵ ſidāninä, āha mātä ki pēša qriĵa Nāzi* 'эта деревня называется Нази', *o ĵala piĵli viĵä...* 'тот мальчик родился...', но мн. ч. — *piĵlun viĵi*.

Согласования между подлежащим и сказуемым нет лишь в том случае, если последнее выражено глаголом *verbum existentium*: *it ĵa nāša* 'есть один человек', но также *it rābā nāſi* 'есть много людей' и *it ĵda baĵta* 'есть одна женщина'.

Определение согласуется с определяемым в роде (в единственном числе) и числе: *aĵūniĵ zvini ĵamra smūqa* 'мой брат купил красное вино'; *ĵātiĵ lviĵlä oĵma* (ж. р.) *smuqta* 'моя сестра надела красное платье'; *ālmā dviĵeva baiĵāĵi smūqi* 'народ держал красные знамена'. Согласование в числе имеет место и в тех случаях, когда несколько определяемых

имеют одно определение: *ḡvanqa u brāta ḡiīi dirun bēta* 'уоставшие парень и девушка вернулись домой'.

Согласование между определением и определяемым в роде во множественном числе не наблюдается: *mitiltā kritā* 'краткая сказка', по мн. ч. — *mitilīāti kirīi*, как *qīlātī* (м. р.) *kirīi* 'короткие куски'.

Если в качестве определения выступают ипоязычные прилагательные, не меняющиеся по родам и числам, то согласования нет ни в роде, ни в числе: *baḥṭa k'āsip* 'бедная женщина', *nāša k'āsip* 'бедный мужчина', *īāli k'āsip* 'бедные дети'. Слово *rābā* 'много', а также числительные свыше одного согласуются с определяемым по смыслу: *ḥa nāša*, *ḡda baḥṭa*, но *ḥamša nāši* 'пять человек', *rābā nāši* 'много людей', *ḥaṣa īāli* 'мало детей'.

ПОРЯДОК СЛОВ

Порядок слов в предложении не следует строгим правилам, особенно в диалектах, но кое-что в этом направлении следует отметить. Так, например, предложение большей частью начинается подлежащим, за которым следует сказуемое: *tāḥānā la šviqlī* 'мельник не пустил', *qrāia u aqirva vīlun ḥoravāti* 'черепаша и скорпион подружились'. Подлежащее обычно находится на втором месте после сказуемого, если последнее выражено глаголами *āmīr* 'говорить', *ḡāvīb* 'отвечать', *bāqīr* 'спрашивать': *ḡvībli tālā u miri* 'ответила лиса и сказала', *u mira kirviš* 'и сказал заяц...', *buqira brāta u mira...* 'спросила девочка', букв. 'спросила девочка и сказала'.

Имеются случаи, когда подлежащее, стоящее на первом месте, усиливается соответствующим местоимением, следующим за ним: *brīto up aī bit ḡōrā ḡāldi* 'дочь ее, и она скоро выйдет замуж'.

Нередко предложение начинается сказуемым, а подлежащее вовсе отсутствует: *ta lḥāsīi, ōrāḥ miīdali* 'садись на мою спину, вместе перейдем [реку]; *šqīlaḥ hāqaḥ* 'ты взяла свою плату'; и не только в диалогах: *sidlun ḥa ḥmārā u ḡda kirviš u ḡda tōia* 'убили на охоте одного осла, одного зайца и одну газель'. Если сказуемое представляет собой *verbum existentium*, последний обычно начинает предложение: *itvā ḥa sāvā u sōtā* 'были старик да старуха'.

В ассирийском языке широко распространено употребление именного сказуемого, состоящего из двух частей: именной части (имя существительное, местоимение, имя прилагательное, отглагольное имя) и глагольной (связка-копула). Следует сказать несколько слов о последовательности этих частей составного сказуемого. В утвердительных предложениях связка обычно стоит непосредственно после именной

части сказуемого: *āheli paīda d'horavatūta spāi* 'это [есть] польза от хорошей дружбы'; *zāiā d'divā divēli, up in mnāsa gūr-vīseli* 'детеныш волка есть волк, если даже он человеком выращен'.

Исключения составляют некоторые случаи, где связка стоит перед именной частью сказуемого. Например, в пословицах, когда подчеркивается значение, выраженное именной частью сказуемого: *bulgāna īli brihūta, bāḥilūta śaḥiḥūta* 'дело благословлено, безделье проклято'. В отрицательных предложениях связка также стоит перед именной частью вместе с негативной частицей: *śūla lēli bhēla, īnā bhōna* 'дело не в силе, а в уме'. Связка обычно переставляется и в релятивных предложениях, начинающихся частицей *d-*, и присоединяется к последней: *miri qa kūlē dikāndāri, d-īnā arzibānu...* 'сказал всем лавочникам, которые его окружали...'; *av muīli baḥṭa, īla (<d-īla) min mātān* 'он привел жену, которая из нашей деревни'.

Что же касается составных сказуемых, употребляемых для выражения страдательного залога, вспомогательный глагол всегда ставится перед причастной формой данного глагола: *tātā pāndānā piśli dvīqa bikūlbi* 'хитрая лиса была поймана собаками'.

Обстоятельства стоят обычно на первом месте (особенно указательные слова) перед сказуемым, если в предложении нет подлежащего, в противном же случае — на втором месте после подлежащего: *gāldi tāpīmun śrāja!* 'быстро зажгите лампу!'; *kirviś spāi ki rāḥṭā* 'заяц хорошо бегаёт'. Следует подчеркнуть, что обстоятельства (т. е. наречия) легко перемещаются в предложении.

Дополнения (как прямые, так и косвенные) следуют за сказуемыми: *kirviś g'ūbilā gda junta* 'заяц сорвал плод'; *pulhāna ki sāqul lkīānā* 'труд красит природу'; *īāla śqul āni zūzi u īvili līimi* 'мальчик взял эти деньги и отдал матери'. Но дополнения могут быть и перед сказуемым. В таком случае они в предложении представлены вторично с глаголом в виде местоименного суффикса: *zarīri d'šimsā pātā d'nāša maqūdova* 'лучи солнца жгли лицо человека', букв. 'лучи солнца лицо человека жгли его'.

Определения, в том числе и притяжательные местоимения, обычно следуют за определяемыми: *brāta śapirta* 'красивая девушка', *bēta dīīi* 'мой дом'. Но некоторые из них, как *spāi* 'хороший', *rābā* 'много', *ḥaḥa* 'мало', а также определения, выраженные прилагательными с наречием (типа *buś iarīḥa* 'более длинный', *rābā iāqurta* 'очень тяжелая') и указательными словами (типа *hathā* 'такой'), стоят перед определяемыми: *spāi nāša hiḥ le tālq* 'хороший человек никогда не пропадет', *buś iarīḥta urḥa* 'более длинная дорога', *hathā śūla* 'такое дело'.

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В ассирийском языке встречаются оба типа сложных предложений: сложносочиненные и сложноподчиненные.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Для сложносочиненных предложений характерны сочинительные союзы. Имеются и бессоюзные предложения (см. ниже). Поскольку сочинительные союзы могут быть трех видов (см. стр. 81), то и в соответствии с этим сложносочиненные предложения делятся на три типа:

1. Сложносочиненные предложения с соединительными союзами: *mīā rāhūṭivā u av pišli ḡnīvā mine* 'вода была быстрой, и он был похищен ею'; *bābiḡ ḡiṣli ṣādā, up āna ḡiṣliḡ bāru* 'отец пошел на охоту, я тоже пошел за ним'.

2. Сложносочиненные предложения с противительными союзами: *darba ki bāsmā, inā šōpo ki pā'is* 'рана заживает, а след ее остается'.

3. Сложносочиненные предложения с разделительными союзами: *āna pṭāzn kisluḡ, in at pṭātīt kisliḡ* 'я пойду к тебе или ты приходишь ко мне'.

СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Самый распространенный вид сложноподчиненных предложений в ассирийском языке — предложения с релятивным (относительным) придаточным предложением, которое связано с главным при помощи релятивной (относительной) частицы или же посредством относительных слов (местоимений, наречий).

Релятивные предложения разъясняют все именные члены главного предложения, а именно:

а) подлежащее: *arḡa d-baḡli d-ḡānu āti, lē hāvili qadra* 'гостя, который приходит сам, не уважают'; *tīle tṭā ionāi, ṭiva (< d-iva) min alaṭa* 'пришли три голубя, которые были от бога';

б) прямое дополнение: *kūlḡa mine ki tānīvā o mindiḡ, d-iva vīdu* 'каждый из них говорил о том, что он сделал', *ḡa ḡīna vīrun ḡināvi u ṣqilun kūlmā, d-iva ḡō bētu* 'к одному вошли воры и взяли все, что было у него в доме';

в) косвенное дополнение: *šūkiriḡ l-alāha d-mumṭiḡi qātiḡ* 'поблагодарил я бога, который послал мне...';

г) обстоятельство: *bkūl dūkā d-hōian, ḡārāḡ d-mapliḡhāni niksīḡ* 'всюду, где я бываю, должна пустить в ход свое жало';

д) определение: *kūl nāša ḡda ṭdu kimtā min šḡra, d-iva šīpā āt ḡāsā d-qarūva* 'у каждого была одна рука черной от сажи, которой была смазана спина петуха'.

Таким образом, во всех приведенных случаях придаточные предложения являются определительными, связанными с главным предложением только посредством частицы *d-*.

Относительные местоимения по своему происхождению являются вопросительными (*mān, ēniḥ*) или неопределенными (*mindīḥ, kūl*) с частицей *d*: *mān d-*, *mindīḥ d-*, *kūl d-* > *kūd*; *kūl mindīḥ d-* > *kūmid*; например: *mān d-qā'ir gūbā qa šwāvu, g'ānu ki nāpil g'āvu* 'тот, кто роет яму соседу, сам падает в нее', *mindīḥ d-zārīt, bit ḥāzdīt* 'что посеешь, то и пожнешь', *kūmid bāiīt, bīūvinuḥ* 'все, что хочешь, я тебе дам'.

В роли относительных местоимений часто выступают указательные местоимения с последующей частицей *d-*: *o d-g'ā-šiq ḥtut aqlu, lē nāpil gō qunīa* 'тот, кто смотрит себе под ноги, в колодец не упадет', *lavāhi o d-lā šāmī, brābā bišāti bit ḥābi* 'тот, кто не слушает родных, погрязнет в пороках'.

Релятивные предложения не только разъясняют именные члены главного предложения (придаточные определительные), но и представляют их (придаточные подлежащие и придаточные дополнительные).

Сложноподчиненные предложения с придаточными подлежащими встречаются сравнительно редко: *qa külē āškārelā d-šulan cātūnili* 'для всех ясно, что наше дело трудное'; с придаточным дополнительным намного чаще: *gilā ḡwibli d-ām buta d-miḥāgi ḥōra viḥevinvā* 'трава ответила, что она с кустом гвоздики дружила'; часто с предлогом *qa*: *ḥšivliḥ qa d-nāši lēnā bigzāiḥ* 'я подумал, что люди меня не видят'; *mōniḥ qam mālipluḥ qa d-bābuḥ dīvelī?* 'кто тебе сказал, что твой отец волк?'

Здесь же следует привести предложения с косвенным вопросом: *rābā biḥšāveva d-dah āviḍ* 'он много думал, как ему поступить'; *ḥāla buqiri mino, qat qamu lēva tītā quḍmi* 'мальчик спросил ее, почему она не пришла вчера'.

В ассирийском встречаются и другие виды сложноподчиненных предложений, которые в основном образуются при помощи сложных подчинительных союзов. Назовем наиболее употребительные из них:

1. Сложноподчиненные предложения с придаточным времени (союзы: *e dānā d-* > *e dānt*, *imān d-* 'когда', *min bar d-* 'после того как', *hal d-* 'пока', *min d-* 'с тех пор как', *qam d-* 'перед тем как', *kūd* 'в то время как, когда'): *e dānt brātaḥ ḥepatla, mīḥo rāpātle gū tārà* 'когда свою дочь выкупаешь, воду выльешь во двор'; *imān d-hōiava ramša, ki dā'irva lbizu* 'когда наступал вечер, он возвращался в свою нору': *tpiqlu biḥe ḥa ḥmārā d-ḥura min bar d-muḥḥirun kūli iōma dlā sādā* 'встретился им горный осел, после того как они проходили весь день не поохотившись'; *kirviš vīlā biḥḥātā māha rišā lo rišā d-iāiā, hal d-klīli ḥēla d-aqlāto* 'заяц бегал с одного конца борозды на другой до тех

пор, пока сила в его ногах не иссякла'; *kād bivāreva, āqirvā šurilā lmaplūhi nikso* 'когда они шли, скорпион пустил в ход свое жало'.

2. Сложноподчиненные предложения с придаточным места (союзы: *ikā d-* 'где', 'куда', *mikā d-* 'откуда', *likā d-* 'куда'): *āna p̄tāzin tāma, ikit (<ikā d-) brūnili* 'я пойду туда, где мой сын'; *Nāzi šimit māteli mikit (<mikā d-) tilun avāhi lāha* 'Нази — название деревни, откуда пришли сюда мои родные'.

3. Сложноподчиненные предложения с придаточным цели (союзы: *qa d-> qat* 'чтобы', *dla* 'чтобы не'): *ki bāiḫ libā, qat māhi ldibā* 'нужно иметь мужество, чтобы убить медведя'; *la tuv brīšā d'meḡlis, dla pēšit mustīiā liltiḫ* 'не садись во главе пира, чтобы тебя не сбросили'; *but dāha tūpīliḫ šrāia, qat ḫazīliḫ* 'потому я зажге свечу, чтобы меня видели'.

4. Сложноподчиненные предложения с придаточным причины (союзы: *sābab d-*, *čünki d-* 'так как', 'потому что'): *spāi viḏtuḫ tīluḫ, sābab d'libiḫ rābā biṭtābuḫiḫva* 'хорошо ты поступил, что пришел, так как мое сердце тебя очень желало'; *niksā la ṭiṣṭi ḡo ḫāsu, sābab d'gārmivā* 'жало не прокололо его спину, так как она была костяной'; *biḫievin, čünki d-tuliqliḫ lzūzā* 'плачу, потому что потерял монету'.

5. Сложноподчиненные предложения с придаточным условным (союзы: *in*, *āgār* 'если', *māgār* 'если не'): *in mētivā, bit māpšimitvāliḫ* 'если бы ты умер, опечалил бы меня'; *in ḫa nāša ḫīna hāviva lsōpiḫ, hārgiz lē māšivā liḫiāia* 'если бы другой человек был на моем месте, совсем не мог бы жить'.

6. Сложноподчиненные предложения с придаточным сравнительным (союзы: *aḫ d-*, *māhi d-*, *dāhi d-* 'как', *aḫ din* 'как будто', 'будто'): *aḫ d-ḫumzimlun, haḫa viḏtun* 'как сказали, так и сделали'; *šviqlun ḫmārā maḫ d-iva* 'оставили осла, как был'; *dibā ṭurṭimlā, aḫ din mira...* 'медведь пробурчал, будто сказал...'

БЕССОЮЗНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

В ассирийском языке часто встречаются бессоюзные предложения.

В бессоюзных сочиненных предложениях в основном опущены противительные союзы, например: *pulḫāna ki tārsi l-bar-nāša, bāṭitūtā ki maḫriḫa* 'работа кормит человека, [а] безделье портит', реже соединительные: *tīli ḫmārā, buṭiṭi zmārā* 'пришел осел [и] прекратил пение'.

Из бессоюзных сложноподчиненных предложений особо следует отметить бессоюзные релятивные предложения, которые в большинстве случаев — именные.

В придаточных подлежащих, где предикатом является имя существительное, подлежащее снабжено местоименным

суффиксом, соответствующим подлежащему главного предложения: *ḥa iāla šimu Pōlus tīvevā ḥut ilānā* 'мальчик, имя которого Павел, сидел под деревом' (букв. 'один мальчик, имя его Павел, сидел под деревом').

В придаточных определительных подлежащее снабжено местоименным суффиксом, соответствующим дополнению главного предложения: *iāla mīṭī l-ḥa āīnā, mīṭo qairi* 'мальчик достиг родника, вода которого холодная' (букв. 'мальчик достиг одного родника, вода его холодная').

ЛЕКСИКА

СЛОВАРНЫЙ СОСТАВ

Лексическое «ядро» современного ассирийского языка состоит из слов арамейского (resp. семитского) происхождения. Кроме того, язык в продолжение веков воспринял немало иноязычных слов и выражений. Ввиду сложившихся политических и исторических условий ассирийцам небольшими группами приходилось жить в среде чужих этнических коллективов. Ассирийцы, постоянно обращаясь с соседями-иранцами, курдами, арабами и турками, усваивали чужую речь и насыщали свой язык иноязычными словами. Следует заметить, что курдские, персидские, тюркские (турецкие и азербайджанские) и арабские слова встречаются почти во всех ассирийских диалектах, но с точки зрения заимствования между ними имеется определенная разница: объем иноязычного вклада определяется средой, в которой живут носители данного диалекта. Так, например, диалекты, распространенные в Иране, изобилуют азербайджанскими и персидскими словами, курдистанские наречия, естественно, — курдскими словами, мосульский диалект — арабскими, а ванский диалект — словами турецкого происхождения. Отметим некоторые из этих заимствований, встречающиеся в литературном языке:

а) слова, заимствованные из персидского языка: *rīgū* 'слуга', *rūznāmā* 'газета', *buštāna* 'огород', *miz* 'стол', *miš* 'туман', *mašta* 'кислое молоко', *pāgū* 'конюшня', *pišākār* 'ремесленник', *tumbāna* 'брюки';

б) слова, заимствованные из курдского языка: *himizmān* 'слово', отсюда глагол *hāmzim* 'говорить', *gūrū* 'большой', *sōlī* 'обувь', *tūta* 'мщение', *tihub* 'граница', *rīzā* 'порядок', *qunīa* 'колодец';

в) слова, заимствованные из азербайджанского языка: *māki* 'кукуруза', *tikā* 'кусок', *tāpüg* 'вершина (горы)', *qvrāḥ* 'проворный', 'проворно', *qūra* 'зеленый', 'незрелый (виноград)', *sīlā* 'пощечина', *matah* 'товар';

г) из турецкого языка: *ıarışqan* 'клей', *tîlân* 'котел', *tâmir* 'чистый', *qondahta* 'спеленатый ребенок', *qûla* 'раб', *quluḥ* 'служба', *quluḥçi* 'служащий', *qōca* 'баран', *sîlâ* 'песок';

д) вошедшие большей частью через названные выше языки арабские слова: *ahval* 'положение', *maqas̄* 'щипцы', *sûra* 'коридор', *sabr* 'терпение', *quḥb* 'полюс', *quwat* 'сила', *târiq* 'встречаться', *târğim* 'переводить', *qir* 'смола', *qisur* 'недостаток'.

Иногда заимствуются не только отдельные слова, но и целые выражения и фразы. В этом отношении очень показательны идиомы, строящиеся по иноязычному типу. Так, например, ассирийцу кажутся совершенно естественными такие сложные глаголы, как *mâlkütâ âvid* 'господствовать' (букв. 'делать царство', ср. перс. *pâdišahi kerdân*, хотя оба слова арамейского происхождения), *zâhmât gâriš* 'беспокоиться' [букв. 'тянуть труд, беспокойство', ср. перс. *zâhmât kešidân* (*zâhmât* — персидское, но *gâriš* — арамейское)]; *ḥam âḥiḥ* 'заботиться' (*ḥam* — персидское, *âḥiḥ* — арамейское), букв. 'кушать заботу', ср. перс. *ḥam ḥordân*.

В ассирийском языке, особенно в литературном, много греческих слов. В основном это церковная терминология, например: *perdêsa* 'рай', *mîrun* 'миро', *dîatîqi* 'завет', *qiwûta* 'ковчег', *tronus* 'трон', но есть и немало обыденных слов: *sâpis* 'гниль' (от греч. *sepsis*), *îtä* 'потом', 'после', *tîmâ* 'цена', *ḳentron* 'центр', *qipaliḥun* 'глава (книги)', *iskûlâiä* 'ученик' и др. Заимствование греческих слов, по-видимому, шло через классический сирийский язык.

В ассирийском языке встречаются слова и аккадского происхождения, как, например, *zûzi* 'деньги', *mâtü* 'деревня'.

В последнее время в ассирийский язык проникают английские слова (часто в американском значении и произношении), например: *qâtiğ* 'колледж', *dâlâr* 'доллар', *âtam* 'атом', *atrakšan* 'аттракцион'.

В речи советских ассирийцев много лексических заимствований из русского языка (часто через армянский и грузинский языки); встречаются также и грузинские слова. Так, например, *šimâvâr* 'самовар', *qoḥoz* 'колхоз', *qalândaš* 'карандаш' (рядом с *pensil* из английского), *ušqoḥ* 'школа', *uštoḥ* 'стол', *mêšok* 'мешок', *tōḥa* 'мотыга' (груз.).

ПРИЛОЖЕНИЯ

ОБРАЗЕЦ ТЕКСТА

لذٰلِكَ

سَجَّ لَذٰلِكَ هَجَّ ٢٠٥: نَسَدِي لِي ٢٠٥ مَسِي لَجِي
شَمَتِي. كَلِي شَمَتِي. كَلِي لَجِي سَجَّ كَبِي. مَسِي لِي
سَجَّ لَكِي: لَكِي مَسِي مَسِي مَسِي. مَسِي مَسِي
شَمَتِي: لَكِي لَكِي مَسِي. مَسِي لِي لَكِي
لَجِي ٢٠٥ مَسِي. لَكِي لَكِي لَكِي لَكِي مَسِي:
لِي لِي مَسِي لِي لَكِي: مَسِي مَسِي مَسِي:
لَكِي مَسِي. لَذٰلِكَ مَسِي: مَسِي مَسِي. مَسِي
مَسِي لِي مَسِي: مَسِي مَسِي مَسِي مَسِي. مَسِي لِي
مَسِي مَسِي لَكِي! لَكِي مَسِي مَسِي: لِي مَسِي مَسِي
لِي مَسِي مَسِي: مَسِي مَسِي مَسِي: لِي مَسِي مَسِي مَسِي:
لِي لِي مَسِي مَسِي لِي مَسِي.

vīri gō gipitā, k¹lili qam tārā, buqiri lkēpu. ārjā miri: «pāqid, pāqid, aḥūni tālā! spāi vidluḥ, tiluḥ, sābab d^elibii rābā biḥ-lābuḥjva. qamū lēvit biḥārā lg¹āvāi?» guvibli tālā u miri: «āna but dāha lēvin biḥārā, sābab d^eg¹aṣuqivm, lizit orāni rābā it, inā izit pāḥtāni hič lēvin biḡzāja».

ПЕРЕВОД

Лев и лиса

(Один)¹ лев постарел, больше не мог ловить зверей, остался голодным. Захотел поймать их (одной) уловкой. Вошел в (одну) пещеру, притворился больным (сделал себя больным) и лег. Узнали (услышали) звери, пришли проведать его. Когда они входили в пещеру (при их входе в пещеру), [лев] ловил их и съедал. Пришла² и лиса проведать его, но не вошла (вошел) в пещеру, а стала (стал) перед дверью, спросила (спросил) о здоровье. Лев сказал: «Прошу, прошу брат мой, Лиса! Хорошо сделала (сделал), [что] пришла (пришел), так как очень хотелось тебя видеть (сердце мое очень тебя просило). Почему не вступишь во внутрь?» Ответила (ответил) лиса (и сказал): «Я потому не вхожу, что (так как) вижу — следов входящих много (есть), а следов³ выходящих совсем не вижу».

СЛОВАРЬ И КОММЕНТАРИЙ К ТЕКСТУ

ārjā 'лев' < 'arjā — сущ. м. р.

tālā 'лиса' < tālā — сущ. м. р.

ḥa 'один' < ḥad — числ. м. р.

siveva 'постарел' < sībā ḥuā; sīvā 'старый'; va < ḥua 'был' — verb. subst., прош. вр.

ḥina < 'ḥirna 'другой', здесь в значении наречия 'больше'.

lēva msāiā 'он не мог' < lē ḥuā mṣālā — гл. I: māsī (√mṣī), прош. несоверш., отрицательная форма.

ludvāqa 'ловить' < li-dḥāqā — гл. I: dāvīq (√dḥq), инф. с част. li-.

ḥeḥvāni 'животные', 'звери' < ḥaiḥvānī — сущ. ж. р. мн. ч. < араб. حيوان.

pišti 'он остался' < pišlih — гл. I: pā'iš (√piš), прош. соверш. II.

k¹rīnā 'голодный' < krīnā.

biḥi 'он захотел, пожелал' < b'ilih — гл. I: bā'i (√b'i), прош. соверш. II.

¹ В скобках дан буквальный перевод.

² В тексте «пришел», так как tālā — мужского рода.

³ В тексте в единственном числе — «след».

lidvāqe 'поймать их' < *lidbāqāi* — гл. I: *dāvīq*, (\sqrt{dbq}), инф. с предлогом *li-* и местоим. суфф. мн. ч. 3-го л. *-ē* (< *-ai*).

biḡda 'одной' < *biḡdā* — числ. ж. р. (*ḡda*) с предлогом *bi-*.
pānd 'уловка' — сущ. ед. ч. м. р. < перс. بند

vīri 'вошел' < *'birih* < *'bir-lih* — гл. I: *āvīr* (\sqrt{br}), прош. соверш. II, ед. ч. 3-го л. м. р.

gō 'в' < *gāu* — предлог.

ḡda см. *biḡda*.

gipītā 'пещера' — сущ. ед. ч. ж. р.

ḡānu mīmri'āli 'притворился больным' < *gānu mīmri'ālih* — гл. II: *māmri* (\sqrt{mr}) 'сделать кого-либо больным' (принудительная порода), ед. ч. 3-го л. м. р. с местоим. суфф. ед. ч.; *gānu* 3-го л. ж. р. 'его душа' > 'он сам', как дополнение 'себя', вместе с глаголом образует возвратную форму — рефлексив: 'сделал себя больным' > 'притворился больным'.

и 'и' — союз.

dmīḥli 'лег' < *dmīḥlih* — гл. I: *dāmīḥ* (\sqrt{dmk}), прош. соверш. II, ед. ч. 3-го л. м. р.

šmīlun 'услышали' < *šmī'lūn* — гл. I: *šāmī* (\sqrt{sm}), прош. соверш. II, мн. ч. 3-го л.

tīlun 'пришли' < *tīlūn* — гл. I: *ātī* (\sqrt{ti}), прош. соверш. II, мн. ч. 3-го л.

litpāqa bi'īu 'чтобы навестить', 'чтобы проведать его' — гл. I: *tāriq* (< араб. تافق), инф. с част. *li-* и с последующим дополнением (ед. ч. 3-го л. м. р.).

biḡvārte 'при их входе' < *bi-'bārtāi* — гл. I: *āvīr* (\sqrt{br}) 'входить', инф. с част. *bi-* и местоим. суфф. мн. ч. 3-го л. (*-ē*).

bidvaqēva 'ловил' < *bidbāqē hūā* — гл. I: *dāvīq* (\sqrt{dbq}), прош. несоверш. ед. ч. 3-го л. с дополнением (местоим. суфф. мн. ч. 3-го л. *-ē*).

biḡdātə (va) 'съедал' < *bī'kālē (hūā)* — гл. I: *āḡit* (\sqrt{kl}), прош. несоверш. ед. ч. 3-го л. с дополнением (местоим. суфф. мн. ч. 3-го л. *-ē*).

ip 'также' < *'āp*.

tīli 'пришел' < *tīlih* — гл. I: *ātī* (\sqrt{ti}), прош. соверш. II, ед. ч. 3-го л. м. р.

inā 'но' < *in-lā*.

la vīri 'не вошел' < *lā 'birih* — гл. I: *āvīr* (\sqrt{br}), отрицательная форма, прош. соверш. II, ед. ч. 3-го л. м. р.

kīlīli 'стал' < *klīlih* — гл. I: *kāli* ($\sqrt{klī}$) 'стоять', 'становиться', прош. соверш. II, ед. ч. 3-го л. м. р.

qam 'перед' < *qadm* — предлог.

tārā 'дверь' < *tar'ā* — сущ. ед. ч. м. р.

buqīri 'спросил' < *buqīr-lih* — гл. II: *bāqīr* 'спрашивать', прош. соверш. II, ед. ч. 3-го л. м. р.

lkēri 'его здоровье' < *l* (nota dativi) *kēri*: -и — местоим. суфф. ед. ч. 3-го л. м. р., *kēp* — сущ. ж. р. 'здоровье', 'состояние здоровья' < тур. *keyif*.

miri 'сказал' < *mir-lik* — гл. I: *āmir* (\sqrt{mr}) 'говорить', прош. соверш. II, ед. ч. 3-го л. м. р.

pāqid 'прошу!', 'пожалуйста!' — повелит. форма гл. II: *pāqid* (\sqrt{pqd}).

aḥūni 'мой брат' < *aḥūn-ī* — сущ. ед. ч. м. р. с местоим. суфф. ед. ч. 1-го л. (-ī).

spāi 'хорошо', 'хороший' — употребляется и как наречие, и как прилагательное < курд. *spēi*.

vidluḥ 'ты сделал' < *bid-luk* — гл. I: *āvid* (\sqrt{bd}) 'делать', прош. соверш. II, ед. ч. 2-го л. м. р.

tiluḥ 'ты пришел' < *tī-luk* — гл. I: *āti* ($\sqrt{tī}$) 'прийти', прош. соверш. II, ед. ч. 2-го л. м. р.

sābab d- 'потому что', 'так как' — подчинительный союз, состоит из *sābab* (< азерб. *сəбəб* < араб.) 'причина', 'повод' и релят. част. *d-*.

libii 'мое сердце' < *libb-ī* — сущ. ед. ч. ж. р. с местоим. суфф. ед. ч. 1-го л.

rābā 'очень' — наречие образа действия.

biṭlābuhivā 'тебя просил', 'тебя требовал' < *bi-ṭlāb-uk-ihvā* — гл. I: *tāṭib* (\sqrt{tlb}), прош. несоверш. с дополнением (местоим. суфф. ед. ч. 2-го л. м. р. -*uh*).

qamū 'почему' — усеченная форма от *qāmūdī*, букв. 'для чего?'

lēvit bivārā 'не входишь' < *lēvit bi'bārā* — гл. I: *āvīr* (\sqrt{br}), отрицательная форма, наст., ед. ч. 2-го л. м. р.

lg'āvāi 'во внутрь', 'внутри' — наречие места с предлогом *l-*; ср. *gō* 'в'.

ḡuvibli 'он ответил' — гл. II: *ḡāvib* 'отвечать' (< *ḡāvab* 'ответ' < араб. جواب), прош. соверш. II, ед. ч. 3-го л. м. р.

āna 'я' < *anā* — мест. 1-го л. ед. ч.

but dāha 'потому', 'поэтому' — подчинительный союз, состоит из *but* 'о', 'об' и *d-āha* (указ. местоим. с релят. част. *d-*).

lēvin bivārā 'не вхожу' — гл. I: *āvīr*, отрицательная форма наст., ед. ч. 1-го л. м. р.

g'asḡuvin 'смотрю', *gaṣuqī iḡin* — гл. II: *gāṣiq* 'смотреть', 'видеть' (\sqrt{gsq}), наст., ед. ч. 1-го л. м. р.

līzit orāni 'след входящих' < *l-* (nota dativi) *iz* (< тур. *iz*) *d-orāni* 'входящих'; *iz* — сущ. ж. р.

orāni 'входящие' < *ābrāni* — имя деятеля от гл. I: *āvīr* (\sqrt{br}) 'входить', мн. ч. м. р.

it 'есть' < *'it* — *verbum existentium*.

izit pālṭāni 'след выходящих' < *iz* 'след'; *d-pālṭāni* 'выходящих'.

pālṭāni 'выходящие' < *pālṭāni* — имя деятеля от гл. I: *pātīti* ($\sqrt{p\ell}$) 'выходить', мн. ч. м. р.

hič 'совсем нет', 'совсем не' — категорическое отрицание < тур. *hiç*.

lēvin biğzāia 'не вижу' < *lēvin biḥzāia* — гл. I: *ḥāzi* (\sqrt{hzi}), отрицательная форма, наст., ед. ч., 1-го л., м. р.; *hič lēvin biğzāia* 'совсем не вижу'.

БИБЛИОГРАФИЯ

Калашев А., *Айсорские тексты*, — СМОМПК, вып. XX, Тифлис, 1894.
Калашев А., *Русско-айсорский и айсорско-русский словарь*, — СМОМПК, вып. XX, Тифлис, 1894.

Саргис архимандрит, *Русско-сирский лексикон*, Урмия, 1909.

Церетели К. Г., *Изучение современных арамейских диалектов в Грузинской ССР*, Аль-Хикма, Бейрут, 1956 (на араб. яз.).

Церетели К. Г., *Материалы по арамейской диалектологии*, I. *Урмийские тексты*, — «Труды Тбилисского государственного университета», т. 91, Тбилиси, 1960.

Церетели К. Г., *Образцы современной ассирийской речи. (Ванские тексты)*, — сб. «Семитские языки», М., 1963.

Церетели К. Г., *Очерк сравнительной фонетики современных ассирийских диалектов*, Тбилиси, 1958 (на груз. яз., резюме на русс. яз.).

Церетели К. Г., *Притяжательные местоимения в урмийском диалекте арамейского языка*, — «Сообщения АН Груз.ССР», т. XIII, № 8, 1952.

Церетели К. Г., *Система спряжения глагола в современных ассирийских диалектах*, — «Труды Института языкознания, АН Груз.ССР, Серия восточных языков», т. II, Тбилиси, 1957 (на груз. яз., резюме на русс. яз.).

Церетели К. Г., *К сравнительно-историческому изучению фонетических особенностей современных восточноарамейских диалектов*, Москва, 1960.

Церетели К. Г., *Следы каузатива на ša-/sa- в урмийском диалекте*, — «Сообщения АН Груз.ССР», т. XVIII, № 1, 1957.

Церетели К. Г., *Хрестоматия современного ассирийского языка со словарем*, Тбилиси, 1958.

Юшманов Н. В., *Ассирийский язык и его письмо*, — «Письменность и Революция», I, М.—Л., 1933.

Юшманов Н. В., *Загадочное т новосирийского диалекта*, — Язык и Мышление, V, М.—Л., 1935.

Юшманов Н. В., *Сингармонизм урмийского диалекта*, — «Памяти акад. Н. Я. Марра», М.—Л., 1938.

Cereteli K., *Abriß der vergleichenden Phonetik der modernen assyrischen Dialekte*, — в кн.: Fr. Altheim, *Geschichte der Hunnen*, Bd III, Berlin, 1961, S. 218—266.

Duval R., *Les dialectes néo-araméens de Salamas. Textes sur l'état actuel de la Perse et contes populaires, publiés avec une traduction française*, Paris, 1883.

Friedrich J., *Neusyrisches in Lateinschrift aus der Sowjetunion*, — ZDMG, Bd 109, 1959.

Friedrich J., *Zwei russische Novellen in neusyrischer Übersetzung und Lateinschrift*, Wiesbaden, 1960.

Friedrich J., *Das Neusyrische als Typus einer entarteten semitischen Sprache*, — «Annali», IV, 1962, Roma.

Guidi I., *Beiträge zur Kenntnis des neuaramäischen Fellīhī-Dialektes*, — ZDMG, Bd 37, 1883.

Hartmann M., *Die Pluriliteralbildungen in den semitischen Sprachen*, Halle, 1875.

Kampfmeyer G., *Neusyrische Sprichwörter im Dialekt von Urmia*, MSOS, II Abt., Berlin, 1905.

Lidzbarski M., *Die neuaramäischen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin*, Bd I—II, Weimar, 1896.

Maclean A. J., *A Dictionary of the dialects of vernacular Syriac*, Oxford, 1901.

Maclean A. J., *Grammar of the dialects of vernacular Syriac as spoken by the Eastern Syrians of Kurdistan, North-West Persia and the plain of Mosul*, Cambridge, 1895.

Merx A., *Neusyrisches Lesebuch. Texte im Dialekte von Urmia*, Breslau und Tübingen, 1873.

Nöldeke Th., *Grammatik der neusyrischen Sprache am Urmia-See und in Kurdistan*, Leipzig, 1868.

Oraham A. J., *Dictionary of the stabilized and enriched Assyrian language and English*, Chicago, 1943.

Osipoff S., *Syriac*, — MP, 1913.

Polotsky H., *Studies in Modern Syriac*, — JSS, vol. 6, № 1, Manchester, 1961.

Prym E. und A. Socin, *Der neuaramäische Dialekt des Tūr-'Abdīn*, Bd I—II, Göttingen, 1883.

Rhétoré J., *Grammaire de la langue Soureth ou Chaldéen vulgaire, selon le dialecte de la plaine Mossoul et des pays adjacents*, Mossoul, 1912.

Rosenberg I., *Lehrbuch der neusyrischen Schrift- und Umgangssprache*, Wien, 1903.

Rosenthal Fr., *Die aramäistische Forschung seit Th. Nöldeke's Veröffentlichungen*, Leiden, 1939.

Sachau Ed., *Skizze des Fellichi-Dialekts von Mosul*, — «Abhandlungen der Königl. Akademie der Wissenschaften zu Berlin von Jahre 1895».

Schahbaz D., *Erzählungen, Sprachwörter der heutigen Syrer in Nordpersien. Texte im Dialekte von Urmia*, — MSOS, III Abt., 1919.

Segal J. B., *Neo-Aramaic proverbs of the Jews of Zakho*, — JNES, vol. XIV, [1955], № 4.

Siegel A., *Laut- und Formenlehre des neuaramäischen Dialekts des Tūr-'Abdīn*, Hannover, 1923.

Socin A., *Die neuaramäischen Dialekte von Urmia bis Mosul*, Tübingen, 1882.

Stoddard D. T., *Grammar of the modern Syriac language, as Spoken in Oromiah, Persia and Koordistan*, New-Haven, 1855.

Yaure L., *A Poem in the Neo-Aramaic dialect of Urmia*, — JNES, vol. XVI, [1957], № 2.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- СМОПЖ — «Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа», Тифлис.
JNES — «Journal of Near Eastern Studies», Chicago.
JSS — «Journal of Semitic Studies», Manchester.
MP — «Le Maître phonétique», Paris.
MSOS — «Mitteilungen des Seminars für Orient. Sprachen zu Berlin».
ZDMG — «Zeitschrift d. Deutschen morgenländischen Gesellschaft».
GGA — «Göttingische gelehrte Anzeigen».
JAOS — «Journal of the American Oriental Society».

- аккад. — аккадский
араб. — арабский
ассир. — ассирийский
ван. — ванский
джил. — диалект Джилю
евр. — древнееврейский
курд. — курдский
мос. — мосульский
набат. — набатейский
перс. — персидский
руск. — русский
салам. — саламасский
сирийск. — сирийский
тиар. — диалект Тиари
тур.-'абд. — тур-'абдинский
урм. — урмийский
-

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	5
Введение	7
Графика	15
Фонетика	18
Согласные	18
Гласные	20
Фонетические явления	24
Морфология	30
Структура слова	30
Части речи	30
Местоимения	31
Имя	34
Именное образование	34
Сложные слова	36
Словообразовательные аффиксы	37
Префиксы	37
Суффиксы	37
Именная флексия	38
Род	39
Число	40
Состояние (status)	42
Выражение падежей	45
Имена числительные	45
Глагол	47
Классификация глаголов	48
Verbum existentium	48
Verbum substantivum	49
Породы	50
Время и наклонение	52
Род и число	54
Залог	56
Глаголы с суффиксами	56
Имя действия и имя деятеля	57
Парадигмы спряжения правильного трехслогового глагола	58
Слабые глаголы	63
Парадигмы спряжения слабых глаголов	68
Четырехслоговые глаголы	75
Частицы	78
Наречия	78
Предлоги	79
Частицы	80

Союзы	81
Междометия	81
Синтаксис	81
Словосочетания	81
Предложение	82
Простое предложение	83
Сложное предложение	89
Лексика	92
Приложения	94
Образец текста	94
Словарь и комментарий к тексту	96
Библиография	99
Список условных сокращений	101

Константин Григорьевич Церетели
СОВРЕМЕННЫЙ АССИРИЙСКИЙ ЯЗЫК

*

Утверждено к печати
Институтом народов Азии
Академии наук СССР

*

Редактор *Г. А. Давыдова*
Технический редактор *С. В. Цветкова*
Корректоры *Г. В. Афонина* и *Н. П. Губина*

*

Сдано в набор 2/1 1964 г.
Подписано к печати 23/V 1964 г.
А-06710. Формат 60 × 90^{1/16}. Печ. л. 6,5.
Усл. п. л. 6,35. Уч.-изд. л. 5,73
Тираж 1500 экз. Зак. 553.

Цена 30 коп.

*

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2.
Типография издательства «Наука»
Ленинград, Б-34, 9 лин., д. 12

О П Е Ч А Т К И

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
8	17—18 св.	но самоназвание горцев пишут с гласным <i>a</i> в начале слова — 'assurā _i , указывая на aṭurā _i как на более старое	но пишут с гласным <i>a</i> в начале слова — 'assurā _i , указывая на самоназвание горцев aṭurā _i как на более старое
24	10 св.	'вместо'	'место'
24	21 св.	категории и	категории
36	19 св.	<i>brāsīpā</i>	<i>brāsīpā</i>
46	4 св.	<i>had*^esar</i>	<i>ḥad*^esar</i>
66	4 св.	<i>muštīā</i>	<i>mūštīā</i>
67	17 св.	'āzlā	'āzlā
67	24 св.	<i>āzil</i>	<i>rāḥiš</i>
73	11 св.	III _g	II _g
73	11 св.	III'	II'
75	11 св.	<i>māšti_i</i>	<i>māšti_i</i>
81	18—19 св.	подчинительные	относительные
87	5 св.	<i>qitāt_i</i>	<i>qitāt_i</i>
100	12 св.	<i>Sprachwörter</i>	<i>Sprichwörter</i>